

Карл Фридрих
БЕККЕР

*Мифы
Древнего мира*

Карл Фридрих Беккер

Мифы Древнего мира

pdf предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139401

Карл Фридрих Беккер. Мифы Древнего мира : Надежда; М; 2016

ISBN 978-5-699-84616-0

Аннотация

«Мифы Древнего мира» – отчасти сокращенный перевод книги немецкого писателя и педагога Карла Фридриха Беккера (1777–1806), сделанный в 1843 году выдающимся русским просветителем, филологом, критиком и журналистом Николаем Ивановичем Гречем (1787–1867). Это подробный обзор истории Древнего мира – от мифов о сотворении Вселенной до распада Западной Римской империи, – наполненный живыми подробностями быта различных времен и народов, занимательными историческими анекдотами, неожиданными выводами и параллелями с современностью.

Содержание

Несколько слов об этой книге	6
Предания о первобытных временах	8
1. Еврейские предания	8
2. Греческие предания	9
I. Египтяне	11
1. Общие сведения	11
2. Древнейшая история египтян	12
3. Религия, государственное устройство, искусства и гражданская жизнь в Древнем Египте	16
II. Евреи (израильтяне, иудеи)	20
1. Моисей	20
2. Ханаан и его соседи: финикийцы, сирийцы, ассирийцы и вавилоняне	24
3. Древние вавилоняне и древние ассирийцы	27
4. Культура халдеев и ассирийцев	29
5. Иисус Навин и судии	31
Иеффай	32
Самсон	32
Самуил	35
6. Теократическая монархия. Саул, Давид и Соломон	36
7. Разделение царства Иудейского	40
8. Царства Израильское и Иудейское до падения первого	41
9. Падение Ассирийского царства. Царства Ново-Вавилонское и Индийское	44
10. Падение царства Иудейского	46
III. Арийцы	49
1. Общие сведения	49
2. Иранские арийцы, или зендский народ	50
3. Индийские арийцы, или индусы	53
IV. Персы	57
1. Мидийское царство при Астиаге	57
2. Кир – основатель персидской монархии	58
3. Падение царства Лидийского при Крезе	63
4. Падение царства Ново-Вавилонского. Смерть Кира	69
5. Псамметих I и последние фараоны	72
V. Греки. Первоначальная история	74
1. Начало греческих государств	74
2. Героический период греческой истории	76
Главные герои и их подвиги	76
Общие предприятия героического периода. Фиванские войны, Лабдакиды, или сказание об Эдипе	80
Поход аргонавтов	81
Троянская война	82
3. Переселение дорян. Колонии	84
4. Государственная реформа Ликурга в Спарте	86
5. 1-я и 2-я Мессенские войны	92

6. Солон – законодатель афинский	95
7. Писистрат	100
8. Дельфийский Оракул. Союз Амфикионов. Общественные игры	102
9. Духовная жизнь греков: религия, искусства и науки	105
VI. Римляне. Первоначальная история	111
1. Коренное население Италии	111
2. Основание Рима. Ромул	112
3. Нума Помпилий	115
4. Тулл Гостилий	117
5. Анк Марций	119
6. Тарквиний Приск	120
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Карл Фридрих Беккер

Мифы Древнего мира

Karl Friedrich Becker. ERZÄHLUNGEN AUS DER ALTEN WELT FÜR DIE JUGEND.

© М. Немцов, предисловие, 2015.

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016.

Несколько слов об этой книге

Перед вами книга немецкого писателя и педагога Карла Фридриха Беккера (1777–1806) – отчасти сокращенный перевод его первого историографического труда, сделанный в 1843 году выдающимся русским просветителем, филологом, критиком и журналистом Николаем Ивановичем Гречем. Все это не должно отпугивать современного читателя: в книге Беккера нет ни намека на академичность и пыль веков смахивать с этих страниц вовсе не нужно. Да и не только «юношеству» будет интересен довольно подробный обзор истории Древнего мира – от мифов о сотворении Вселенной до распада Западной Римской империи, – наполненный живыми подробностями быта различных племен и народов, занимательными историческими анекдотами, слегка неожиданными выводами и параллелями с современностью. Странным образом книга о незапамятной древности, написанная в начале позапрошлого века, началу ХХI столетия оказывается созвучна.

Карл Фридрих Беккер окончил университет в Халле, где изучал историю и философию, затем преподавал в Коттбусе, но слабое здоровье вынудило его заняться исключительно литературной деятельностью. Беккер оставил три основных труда: «Сказания древнего мира для юношества» – трехтомный очерк истории Древнего мира, изданный в Халле в 1801–1803 гг.; «Поэтика с точки зрения историка» (Берлин, 1803); и девятитомную «Всемирную историю для детей и их воспитателей» – ее издавали в Берлине в 1801–1805 годах, продолжали несколько немецких историков и педагогов, неоднократно переиздавали; она стала основой для учебного курса истории. Умер Беккер 15 марта 1806 года в Берлине, предположительно – от чахотки. Ему было всего 29 лет.

Будучи просветителем по призванию, Беккер в этой работе, в общем, не ставил перед собой цели создать академический труд: скорее «Сказания» – книга для душеполезного чтения. Перед читателем открывается синкретическая картина развития человеческой цивилизации, причем источниками служат не только древние хроники или труды современных автору историков, но равно мифы и литературные памятники. К тому же, Беккер – вполне в духе античных философов – пристрастен: вся древняя история цивилизованного мира представляется ему неуклонным отходом от греческого этического идеала (умеренность, скромность, забота об общем благе), низвержением в пучину изнеженности и развращенности, итогом чему может быть лишь власть дикости и варварства. История, как мы знаем, подчиняется несколько иным законам, но такой прекраснодушный идеализм не может не вызывать симпатии и по сию пору. Самое же ценное – в том, что Беккер сумел обработать и адаптировать огромный материал, из коего соткал цельное полотно, вполне способное дать начальное представление о первых тысячелетиях человеческой истории. И сделал это поистине рукой художника: он не только размышляет над «преданьями старины глубокой», но и спорит с авторитетами древности, не только разворачивает перед читателем панорамы великих сражений и переселений народов, но и выводит типы и характеры, рисует портреты и увлекает авантюристкой приключений. Он не навязывает никому своей историософской концепции, не подчиняет факты какой бы то ни было доктрине – он просто рассказывает истории. Рассказывает Историю.

Жизнеописание же переводчика этой книги достойно многих томов. Мало кто из русских литераторов XIX века удостоился более разноречивых оценок современников и потомков, нежели Николай Иванович Греч (1787–1867). Сын обрусевшего немца (предки Грешей происходили из Чехии, откуда, будучи протестантами, вынуждены были спасаться в Германию от преследований католиков), Греч был одним из образованнейших людей своего времени. Основал и редактировал несколько журналов, среди них – «Сына отечества», к сотрудничеству с которым привлек сначала едва ли не всех значимых российских поэтов и

писателей начала века, от Державина до Пушкина, а впоследствии – и будущих декабристов. Как педагог-новатор, Греч ввел в России ланкастерскую систему взаимного обучения и занимался образованием солдат, основав Вольное общество учреждения училищ, тесно связанное с Союзом благоденствия. Именно поэтому в самом Грече увидели одного из виновников восстания 1820 г. в Семеновском полку и соответственно его покарали – отстранили от должности директора училищ и установили тайный полицейский надзор. К концу первой четверти века идеалист-вольнодумец и радикальный журналист стал консерваторм: к доверию власти вроде бы располагали и реформы первых лет царствования Николая I, в частности – более мягкий цензурный устав, в разработке которого Греч принимал участие. Но Николай Иванович остался одним из самых востребованных журналистов, редакторов и критиков; литературный вкус Греча позволил ему в числе первых критиков высоко оценить множество произведений, вошедших впоследствии в канон русской классики, – от «Горя от ума» до «Героя нашего времени». Его работы по литературоведению и языкознанию тоже во многом стали новыми страницами в теории и практике русской словесности и педагогики. Отметим также, что, принимая столь деятельное участие в литературной жизни, Греч не оставлял государственной службы в министерствах внутренних дел и финансов, а в отставку в чине титулярного советника вышел лишь в год работы над переводом Беккера, в 56 лет.

Скажем прямо: его ставшее притчей во языцех многолетнее партнерство с журналистом и редактором Фаддеем Булгариным, от которого он был финансово зависим, на фоне всех этих (и множества других, в частности – улучшения организации библиотечного дела) достославных свершений, несколько меркнет. Оно, судя по всему, не помешало Пушкину поддерживать с Гречем отношения даже после известной литературной полемики. Друг Державина, Карамзина, Крылова, Гнедича, Вяземского и Грибоедова, знакомец Гёте, Гумбольдта, Талейрана, Гюго и Дюма, не предавший в свое время друзей-декабристов, похоже, даже в выборе книги Беккера для перевода не оставлял надежды на исправление современных ему нравов: уж очень силен демократический пафос этой работы в обстановке российского самодержавия, к середине века набравшего военно-бюрократические обороты и приобретшего черты худших античных тираний.

В общем, история рассудит – если не рассудила уже, – правы были Герцен (ехидничая над Гречем) и Добролюбов (шельмуя его), или же главным для нас должна остаться подвижническая и высокопрофессиональная работа незаметного солдата литературы. Нам же – здесь и сейчас – остается поблагодарить Николая Ивановича за то, что он подарил многим поколениям русских интеллигентов прекрасную книгу Карла Фридриха Беккера, и – перевернуть страницу.

М. Немцов

Предания о первобытных временах

1. Еврейские предания

Древнейшие предания о происхождении рода человеческого принадлежат иудеям. Народ этот жил в Западной Азии и гораздо ранее греков обладал вполне сложившимся государственным устройством. Среди священных книг у иудеев было собрание преданий о первобытных временах и об истории народа израильского со времени его поселения в Ханаане. Согласно этим преданиям, мир и все, в нем существующее, были сотворены волею и всемогущим словом Божиим в 6 дней. В 7-й день Бог почил от трудов Своих, и иудеям было предписано праздновать 7-й, священный день – шаббат (субботу). В 6-й день Бог создал по образу и подобию Своему первого человека – Адама (красноватый – так он был назван по цвету земли, из которой сотворено было его тело). Потом сказал Господь: «Нехорошо человеку быть одному», – и дал ему в помощницы Еву (мать живущих). Первой чете людей Бог дал для жительства сад Эдем – рай, где росли прекраснейшие плоды и цветы. Здесь Адам и Ева вели блаженную жизнь. В мифах почти всех древних народов имеется представление о «золотом веке» – о нем не перестают мечтать следующие поколения, как о давно минувших и невозвратных временах ничем невозмутимого блаженства. После грехопадения первых людей Бог изгнал их из рая, и они стали вести жизнь, полную скорби и труда. В мире появились несчастья, влечение ко злу и всеустрашающая смерть.

Сыновья Адама дали людям пример двоякого образа жизни: Авель был пастух (номад), а Каин – земледelec. Третьего сына Адама звали Сиф. Каким образом первые люди отделились друг от друга и постепенно расселились по всей земле, объясняется в предании о том, как Каин убил брата Авеля. Осужденный на скитальческую жизнь, Каин оставил отечество и пошел на восток; Сиф же остался дома. Таким образом, первая человеческая семья разделилась и с течением времени образовались два небольших народа – каиниты и сифиты. С размножением человеческого рода возросла и нравственная его порча, за что Бог, по преданию, решил истребить потопом весь род человеческий, кроме одного из потомков Сифа – Ноя. Вместе с Ноем спаслись три его сына: Сим, Хам и Иафет, которые и стали прародителями расселившегося затем по всему земному шару человеческого рода. Предание о большом потопе, совершенно изменившем поверхность земли, встречается почти у всех народов. Потоп вполне подтверждается и геологическими исследованиями. До сих пор всюду встречаются окаменевшие остатки уничтоженного наводнением животного и растительного мира.

Происхождение разных языков на земном шаре в еврейских преданиях объясняется так. Множество людей собралось на равнине страны Сенаарской между Тигром и Евфратом и решило построить башню до самого неба. Это прогневило Бога, и, чтобы положить конец пагубному предприятию, Он смешал языки строителей, и те перестали понимать друг друга. Начатая постройка получила название «Вавилонская башня» (башня смешения). Раздосадованные неудачей, народы разошлись, и всякий, переселившись в новую местность, передал потомкам новый язык.

2. Греческие предания

По представлениям евреев, происхождение мира является действием творческой силы Бога. Иначе представляется оно у греков, изображающих его скорее как событие случайное, независимое от воли всемогущего божества. Греческий поэт Гомер (VIII до н. э.) говорит, что мир возник из Океана – вселенского моря. По рассказу же поэта Гесиода (ок. 700), мир произошел из Хаоса – грубой и бесформенной массы, где боролись и бушевали смешанные между собой стихии. Единственными живыми существами были тогда богиня земли Гея и бог неба Уран. Они сочетались между собой браком и произвели на свет различных божеств-чудовищ: гекатонхейров, имевших по 100 рук и по 50 голов; циклопов с одним большим глазом посреди лба; титанов и гигантов – исполинов необычайной силы. Вскоре Уран разгневался на циклопов и низверг их в глубины Тартара (ада). Тогда Гея подговорила других детей отомстить за смерть братьев, и они напали на отца. Кронос, младший титан, изувечил его и воссел на престол. После этого он взял в жены сестру Рею. Уран и Гея предсказали ему, что он также будет свергнут с престола одним из сыновей, и Кронос стал проглатывать всех детей, рождавшихся у Реи. Последним родился Зевс. Рея отдала Кроносу вместо него камень, завернутый в пеленки, а Зевса скрыла в пещере на о. Крит. Там его воспитывали две нимфы. Чтобы Кронос не слышал с Олимпа криков младенца, у входа в пещеру стояли на страже воинственные мужи Куреты и били копьями в щиты.

Повзрослев, Зевс сочетался браком с дочерью Океана, которую звали Метис (мудрость). Метис поднесла Кроносу напиток, от которого он извергнул из себя камень вместе со всеми проглоченными детьми. Это были: Гестия, богиня огня и домашнего очага; Гера, покровительница браков; Деметра, богиня земледелия и плодородия; Аид, бог подземного царства; Посейдон, бог морей и источников. Зевс объявил отцу открытую войну, но десять лет не мог победить его. Тогда Гея предрекла ему победу, если он призовет к себе на помощь низвергнутых в Тартар. Освобожденные циклопы немедленно сковали Зевсу молнии, Аиду – шлем, а Посейдону – трезубец. Пришли и могучие гекатонхейры и тоже встали в ряды Зевса. Борьба была ужасна. Чтобы взобраться на Олимп, титаны взгромоздили друг на друга горы Пелион и Оссу в Фессалии. Зевс сверг своего отца Кроноса с неба, затем поразил молниями титанов и сбросил их в Тартар, а циклопам назначил для жительства о. Сицилию. После этого он разделил с братьями господство над миром: самому Зевсу досталось небо, Посейдону – море, Аиду – преисподняя. Символическое значение битв богов в Фессалии совершенно ясно: если Зевс победил своего жестокого отца Кроноса и его братьев титанов, то сильные перевороты, произведенные на земле водой и огнем, предшествовавшие образованию нынешней земной поверхности, закончились.

В конце Гея родила еще сына Тифона – ужаснейшего из всех чудовищ. На его плечах шевелилась сотня змеиных голов: они переплетались длинными шеями, лизали все вокруг ядовитыми языками и извергали пламя из бесчисленных глаз. Страшный львиный рык, песий вой, змеиный шип вылетали из множества разинутых пастей. Сам Аид и обитатели Тартара трепетали пред ужасным чудовищем. Наконец Зевс стрелами молний низверг его в самую глубь земли и навалил на него о. Этна. С тех пор Тифон, стараясь освободиться, пыхтит и стонет: от этого происходят ветры и рев бури. В великой борьбе с Зевсом удалось спастись сыну одного титана – Прометею. Забавы ради он принялся лепить фигурки из грязи и вдыхал в них жизнь. Так произошли первые люди – существа жалкие, беспомощные, похожие на животных и не обладавшие никаким знанием: им пока не доставало божественного света – разума. Тогда Прометей тайком взошел на небо, похитил немного небесного огня, спрятал в тростник, дал его людям – так у них появились разум и искусство. Но ревнивый к своей власти Зевс воспламенился страшною завистью. Он послал ужасных вестников –

Силу и Могущество – и велел им приковать дерзкого титана к утесу Кавказских гор, где коршун каждый день раздирал ему грудь и пожирал его печень, которая за ночь вновь нарастала. После долгих веков мучений, по велению Рока знаменитый Геракл убил коршуна и освободил прикованного Прометея. Созданных титаном людей истребило страшное наводнение, залившее по воле Зевса горы и равнины Фессалии. Спасти удалось лишь родному сыну Прометея Девкалиону и его жене Пирре. Подобно Ною, они девять дней носились по волнам в деревянном ящике и, когда воды спали, остановились на горе Парнас. Здесь они принесли Зевсу благодарственную жертву, и в награду за их детскую чистоту и благочестие тот позволил им просить его о какой-либо милости. Они попросили о возобновлении человеческого рода. Тогда Зевс приказал им бросать камни через плечо, и камни Девкалиона превратились в мужчин, а камни Пирры – в женщин. Сыновья и внуки Девкалиона стали первыми царями новосозданного человеческого рода: у Девкалиона был сын Эллин, сыновей Эллина звали Дор и Эол, а внуков – Ион и Ахей. По имени Эллина произошедший от него народ назвался эллинами, а четыре племени его: доряне, эолийцы, ионийцы и ахейцы – родоначальниками считали сыновей и внуков Эллина. Олимпийские боги со временем полюбили людей, часто сходили к ним на землю и общались с ними. Так развивались искусства и культура, которых люди не могли бы создать при помощи одних только сил и дарований.

I. Египтяне

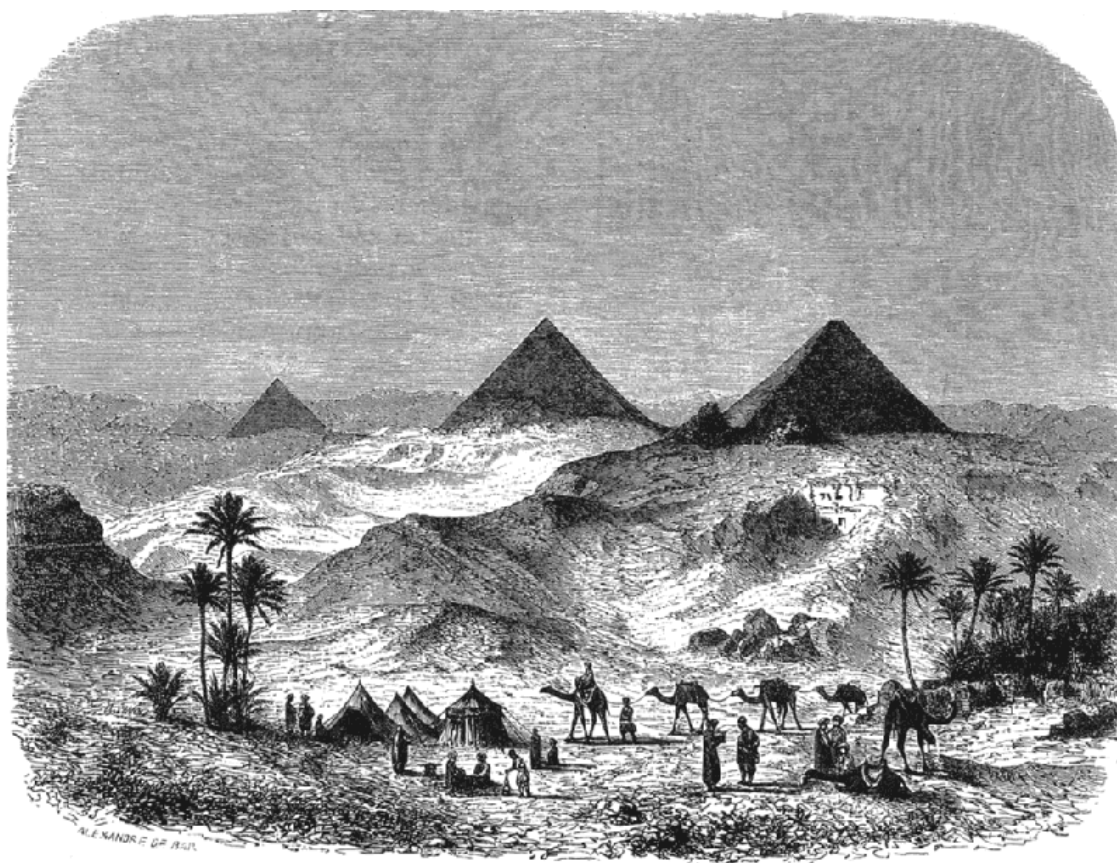
1. Общие сведения

Одной из первых стран, выступивших из мрака истории, стал Египет. Хотя мы очень мало знаем о его древнейшей истории, то, что дошло до нас о его устройстве и правлении, говорит нам, сколько странного и своеобразного было в общественном строе и обычаях этого государства. Уже одни природные условия страны способны были придать всему египетскому народу особый характер. В Северной Африке один Египет орошается крупной рекой – Нилом, – а потому обязан ей плодородием и культурой: без реки страна была бы бесплодной песчаной пустыней. Нил выходит из двух больших озер внутренней Африки – Виктория-Ньяса и Альберт-Ньяса – и после соединения рукавов – Белого и Голубого Нила – течет почти прямо с юга на север. Вначале египтяне разделялись на множество племен, составлявших во многих местах небольшие независимые государства и имевших каждое свои законы и богослужение. С течением времени эти государства слились между собою, так что образовалось два больших царства: Нижний Египет, или Северное Царство вместе с Дельтой, и г. Мемфис и Саис – и Верхний Египет, или Южное Царство, с г. Фивы, простиравшееся от вершины Дельты до первого из четырех порогов Нила. Соединившись под одним скипетром, они составили наследственную монархию фараонов. Первоначальное разделение не уничтожилось: из маленьких государств образовались провинции, а из провинций – правительственные округа (номы). Эти округа состояли из одного или нескольких городов с прилегающими к ним небольшими участками земли.

2. Древнейшая история египтян

Во всех преданиях и сказаниях, в особенности – в «Росписи царей» жреца Манефа, около 250 г. до н. э. служившего храмовым писцом в Фивах, первым царем называется уроженец г. Фени в Верхнем Египте, по имени Мена (или Менес), царствовавший за 3890 лет до н. э. Он положил конец господству жрецов и основал египетскую монархию. Эта монархия существовала около четырех тысяч лет под правлением тридцати династий до Нектанеба (Нахт-Небефа), царствовавшего за 350 лет до н. э. Соответственно последовательному возвышению г. Мемфис, Фивы и Саис, вся древняя история Египта может быть разделена на три периода: Мемфисский – X династии, Фиванский – XI–XX династии, Саисский – XXI–XXX династии. Кроме Саиса, в тот период возвышались в Дельте и другие города, например – Бубастис и Танаис, имевшие нечто вроде местных династий (при XXII и XXIII династиях, к примеру). Последний период прерывается в первый раз при XXIII династии вторжением эфиопов. Они господствовали до 672 г. и были побеждены ассирийцами. Псамметих около 650 г. прогнал ассирийцев и восстановил саисскую династию. Второй перерыв был произведен вторжением персов при Камбизе в 625 г.

Об основателе египетской монархии Менеса греческий историк Геродот (ок. 450), путешествовавший по Египту и лично собиравший сведения от жрецов, рассказывает, что этот царь устроил на Ниле плотину в сотне стадий выше Мемфиса и тем принудил реку, протекавшую вдоль песчаных гор Ливии, покинуть старое русло и проложить себе новое, меж двумя горными цепями. Когда отделенная плотиною земля окрепла и старое русло реки было засыпано и осушено, Менес построил здесь г. Мемфис. С тех пор Мемфис сделался средоточием египетской культуры, и здесь литература, науки и искусства египтян достигли высшего расцвета. Менес начал постройку большого храма богу Фта и установил богослужение. После более чем шестидесятилетнего царствования он умер, по преданию, от укуса бегемота. О ближайших преемниках Менеса, царях двух первых династий из Фени, до нас не дошло почти никаких достоверных сведений, и нам едва известны лишь их имена. Но и в те древнейшие времена у египтян было в обычае с возможным тщанием предохранять от порчи мертвые тела людей и священных животных. Грек Диодор (ок. 40 до н. э.) говорит об этом обычае так: египтяне называют жилища живых людей гостиницами, а могилы мертвых – вечными домами, потому что мертвые пребывают безграничное время в подземном мире. Поэтому мертвые тела для предохранения от разложения превращали в мумии. Сперва вынимали внутренности, которые сохранялись в особых сосудах; затем тело погружали в противогнильные жидкости, а потом завертывали, смотря по общественному положению и состоянию умершего, в дорогие или дешевые ткани и клали в соответствующее формам тела вместилище, украшенное надписями и изображениями; лицо же умершего закрывали маскою. Это вместилище вставляли в несколько гробовых ящиков. Люди же богатые сооружали для этой цели каменные саркофаги из гранита, известняка или базальта.

Пирамиды.

Гравюра

Цари III династии (из Мемфиса), хотя изображения их не встречаются на открытых до сих пор памятниках, известны нам по именам. Наиболее замечательными были Гуни и Снефу. Но их далеко превосходят известностью три знаменитых царя IV династии: Хуфу (Хеопс), Хафра (Хефрен) и Менкара (Микерин) – строители громадных царских могил, трех величайших пирамид в окрестностях Гизы (Гизы) по Нилу, напротив Каира, в области древнего Мемфиса. Самая огромная – пирамида Хуфу, имеющая 137 м вышины; каждая сторона ее основания имеет более 200 м. По свидетельству Геродота, 100 тысяч человек 20 лет были заняты доставкой материала (известняка и гранита) для этой пирамиды и ее постройкой. «На пирамидах, – пишет Геродот, – обозначено также египетскими буквами, сколько было израсходовано на покупку рабочим редьки, луку и чесноку: эта сумма составляла около 1600 талантов серебра». Посередине северной стороны начинается постепенно понижающийся проход менее 1 м в ширину и более 1 м в высоту, ведущий к могильному покое, находящемуся на 25 м ниже основания пирамиды. Здесь когда-то находился саркофаг. В могильном покое третьей по величине пирамиды найден прекрасно сделанный из голубого базальта саркофаг царя Менкары с его мумией. На нем надпись: «О, Озирис, царь Менкара, вечно живущий! Рожденный небом, выношенный во чреве Нуты, потомок Себа¹, твоя мать Нута распростирает над тобой свои объятия во имя твое, сокровеннейший на небесах. Да сделает она тебя богом и да уничтожит врагов твоих, сын Менкара, вечно живущий!» Хуфу за жестокое угнетение народа непосильными работами подданные ненавидели, и еще во времена Геродота о нем отзывались как о тиране. По словам Диодора, тела Хуфу и его сына Хафра были вытасканы озлобленным народом из саркофагов и разорваны на мелкие части.

¹ Духи земли и небесного свода. – Здесь и далее прим. автора.

В правление VI династии г. Мемфис начинает утрачивать значение. Со вступлением на престол XI династии столицей становятся «стовратные» Фивы, а господствующей страной – Верхний Египет. Из царей XII династии, кроме Узортосена III, окончившего начатое его предшественниками завоевание Нубии, заслуживает особого внимания Аменемхат III (ок. 2200 до н. э.), умевший с большим искусством осуществлять грандиозные планы. Так, например, он приказал устроить громадный водный резервуар, в котором собранный в годы сильных разливов Нила запас воды хранился на тот случай, если бы слабое разлитие реки стало угрожать стране засухой. Этот резервуар носил название Мери (озеро), поэтому греки строителем его называли царя Мерида, тогда как настоящим строителем был Аменемхат III. Два связанные шлюзами канала соединяли этот резервуар с Нилом и регулировали приток и исток воды. Неподалеку от этого Меридова озера Аменемхат III построил Лабиринт, служивший одновременно дворцом и усыпальницей. «Лабиринт, – говорит Геродот, – своею величиною превосходит даже пирамиды». Это было громадное четырехугольное здание, имевшее около 200 м длины и 170 м ширины, построенное частью из белого известняка, частью из гранита. В нем насчитывалось 1500 покоев над поверхностью земли и столько же под землей. «Египетские смотрители, – рассказывает Геродот, – ни за что не соглашались показать мне подземные покои: там стояли гробы царей, построивших лабиринт, и гробы священных крокодилов». Очень может быть, что в этих темных покаях для предохранения от насекомых, пыли и солнца хранились священные одежды и другие ценные предметы.

В правление XIV династии случилось чрезвычайно важное событие: около 2100 г. до н. э. в Египет вторглись т. н. гиксы. По всей вероятности, то были сирийские кочевые племена, на языке египтян слово «гикзхус» означало «цари пастухов». Без сомнения, эти «пастухи», привлеченные в Египет изобилием плодов и пастбищ для скота, вторглись с востока и распространились по всему Верхнему и Среднему Египту. Это вторжение можно сравнить с налетевшей тучей всепожирающей саранчи: города и храмы – все было разрушено, разграблено, сожжено. Однако неистовства, по-видимому, были непродолжительны и, во всяком случае, не длились все господство гиксов, продолжавшееся 511 лет. В противном случае от египетского народа, его языка, обычаев и нравов, от его искусства и цивилизации не осталось бы никаких следов.

Постепенно снова окрепла власть египетских царей в Фивах. Сначала удалось оттеснить гиксов к Мемфису, а затем после множества продолжительных и тяжелых войн фиванских царей, особенно Амосиса (1680), Тутмосиса (1625–1591) и Аменофиса III (1524–1488), освободить страну от чужеземного ига. В правление XIX династии Египет достигает апогея могущества и материального и духовного развития. Ярko блещут имена завоевателя Сета I (1439–1388), победившего пастушеские племена на восточной границе Египта и простершего власть до Ханаана, Сирии и Месопотамии, и его сына Рамзеса II (1388–1322), укрепившего завоевания отца и присоединившего к Египту новые земли выше по течению Нила. Наравне с ними может быть поставлен Рамзес III (1269–1244), за которым следовали еще 11 царей из того же рода. Каждый не упускал случая украсить новую столицу государства, Фивы, новыми постройками. Этот город представлял удивительный вид в то время, когда в нем еще красовались здания, воздвигнутые Тутмосисом и Аменофисом, Сефом, Рамзесом I и Рамзесом II. Подобно утесам, вырастали эти здания плотными массами по обоим берегам Нила; а над ними возвышался целый каменный лес колоссов и обелисков. Больше всех способствовал украшению Фив Рамзес II. В Египте и Нубии не найдется почти ни одной руины, на которой не попадалось бы его имя. До сих пор свидетельствуют о нем величественные остатки храмов и портиков близ деревень Канака, Луксора и Мединет-Абу и можно видеть полузанесенные песком два колосса в сидячем положении, изображающие его самого, и обелиск из красного гранита с длинными рядами глубоко вырезанных иероглифов. В Нубии близ Абу-Симбеля сохранились от времен Рамзеса два храма из буро-желтого

песчаника, посвященные один самим Рамзесом богу Ра, а другой – его супругой Нефруари богине Гафор. Перед вторым храмом находятся шесть колоссов в сидячем положении, по три с каждой стороны от входа; средний из каждых трех изображает царицу, два другие – царя. Перед первым храмом находятся четыре колосса, также в сидячем положении, с приложенными к бедрам руками; они высечены из одного куска и все изображают Рамзеса II.

3. Религия, государственное устройство, искусства и гражданская жизнь в Древнем Египте

Если принять во внимание массу религиозных изображений на памятниках, бесчисленное множество встречаемых на них фигур богов и священных животных и рассуждения о религиозных предметах, постоянно попадающиеся в древних египетских рукописях, можно смело заключить, что древние египтяне были народом благочестивым, который, следуя внутреннему влечению, старался при всяком случае выражать благодарность и благоговение к богу как высшей неземной силе и творческому началу всего существующего, как «отцу отцов и матери матерей».

«Хотя бог этот непостижим в своем существе, един и неизменяем, он, – говорится в одной египетской книге мертвых (собрании молитв, составлявшем непремennую принадлежность каждой мумии при ее погребении), – создает собственные члены, которые сами суть боги». Таких второстепенных богов было множество. Но все божества, переходя попеременно друг в друга, сливались в высшем божестве. Одним из главных был Фта в Мемфисе. В его храме находился священный бык Апис. Этот бык должен быть черного цвета, иметь на лбу белое треугольное пятно, белые пятна на спине, изображающие летящего коршуна или орла (что, впрочем, нередко существовало лишь в воображении жрецов), нарост под языком в виде священного жука бога Фта и двуцветные волосы на хвосте. Жрецы Аписа воздавали ему божеские почести. В Оне (Гелиополисе) поклонялись преимущественно богу солнца Ра, в Фивах и оазисе Сиве – Амону с бараньей головой, в Саисе – богине Нейфе и т. д. Среди высших богов любимейшими были Осирис и супруга его Исида. У них имелся сын Гор. Бог зла Тифон убил Осириса и рассек его на части. Исида отыскала их, соединила и похоронила. Гор, мстя за отца, убил Тифона. А Осирис был воскрешен Исидой. Символическое значение этого мифа объясняют так. Когда уровень Нила начинает понижаться и знойные ветры с юга вытесняют прохладный северный ветер, а дневной жар палит землю – вот время, когда Тифон убивает Осириса. В эту пору египтяне оплакивают исчезновение плодов и посылают к богам мольбы о том, чтобы вместо исчезнувших плодов выросли новые. Затем, когда оканчивается посев, египтяне погребают Осириса. Когда же Египет вновь оплодотворяется наводнением Нила, солнце сияет в новом блеске, начинают созревать новые плоды, рожденный около зимнего поворота солнца Гор вырастает и побеждает Тифона. Сын Осириса, мстящий за отца, олицетворяет обновленную силу солнца, возродившуюся жизнь природы и новые благодеяния года. В этом мифе поэтически изображена вечная борьба между добром и злом. Доброе начало для египтян – Нил, приносящий им благодать и пищу, а злое – знойный ветер пустыни. Таким образом Осирис является мужской силой природы, распространяющей жизнь и способствующей растительности, богом солнца и Нила. Исида же олицетворяет силу женскую, рождающую из себя все живое, оплодотворяемую и плодоносную землю.

Некоторые боги, по понятиям египтян, являлись в образе известных животных, сообщая их телам частицу своей божественности, т. е. воплощаясь в них. Например, бык Апис назывался душой Осириса; другими священными животными были цапля, ежегодно возвещавшая своим возвращением новое оплодотворение земли и потому посвященная в Гелиополисе Осирису; копчик, кошка, крокодил и прочие. Вера в бессмертие души у египтян была всеобщая, и они полагали, что человек, умирая телесно, тем самым преображался в божественное существо. Но и тело, по их верованию, эту земную оболочку человека, необходимо искусственно предохранить от тлена и разрушения. Вот почему они так заботились о том, чтобы тела умерших были недоступны разложению и находили вечное упокоение в безопасных, неразрушимых усыпальницах.

Подобно животным, и люди являлись воплощениями божества. В особенности это относилось к царям, в которых египтяне видели божественные существа. Фараоны, как показывают их имена (Ра-Фра – сын Ра), считались представителями богов на земле и даже самими богами, поэтому им воздавались божеские почести. Так, например, надпись на одной колонне в честь царя Хафра называет его добрым богом и господином. Царская власть в Египте была деспотической, неограниченной. Даже жрецам следовало преклоняться перед царем. Он мог, не обращаясь к жрецам, взывать к богам, приносить им жертвы, посвящать храмы. Короче говоря, царь не только стоял во главе государства, но как высший духовный руководитель служил и верховным жрецом своего народа. Единственным стеснением для него были церковные законы жрецов, содержавшие в себе «для царя как для первого лица страны» самые точные и подробные постановления относительно его частной жизни: пищи, питья, одежды, прогулок, омовений и т. д. После смерти царя по нем, как по Апису, назначался семидесятидневный национальный траур, пока на престол не вступал сын умершего государя. Впрочем, порядок престолонаследия нередко нарушался насильственным захватом власти (узурпацией). В Египте были 2 главных сословия (касты) – жрецов и воинов – и три второстепенных – земледельцев, ремесленников и пастухов (Геродот упоминает еще о кастах торговцев, толмачей и корабельщиков). Поскольку браки между членами второстепенных сословий и рабочими классами народа не были запрещены, 3 последние сословия кастами именоваться не могут.

Члены военной касты со своими семьями владели земельными участками, пользование которыми предоставлялось им взамен жалованья; оружие они получали из казенных складов. Число воинов при общем призыве доходило при Рамзесе II до 500 000 человек, составлявших обученное войско. Каста жрецов была самой уважаемой. Чтобы жрецы могли посвящать себя священнослужительскому призванию и святой жизни, для которой существовали строгие постановления относительно чистоты и пищи, им назначались богатые доходы хлебом, вином и жертвенными животными. Кроме религиозных функций, они исключительно занимались образованием. Египет обязан жрецам устройством и развитием богослужения и религиозных понятий, составлением и изданием законов, письменностью, науками и искусствами. Как люди образованные и искусные в письме, они предпочтительно занимали при царях разные должности – как административные, так судебные. Кроме того, жрецы изучали астрономию: египтянам больше, чем какому-либо другому народу, следовало наблюдать за ходом небесных светил, которые, в зависимости от положения на небе, появления и исчезновения, служили верными указателями для главного занятия египтян – земледелия. По этим наблюдениям жрецы рассчитывали время приближения разлива Нила, наивысшего уровня его вод и начала их убыли.

Нельзя также не обратить внимания на руководство жрецов в создании произведений искусства, в особенности – зодчества. Можно полагать, что проекты и рисунки зданий, служивших преимущественно религиозным целям (храмов, усыпальниц, пирамид и обелисков) и скульптурные изображения и живопись на них принадлежали жрецам: лишь они обладали необходимыми познаниями. В особенности поражают исполинскими размерами т. н. сфинксы. Они представляют львиные фигуры с человеческими, бараньими или ястребиными головами и служат символическими изображениями царей и богов, в особенности бога Ра. Заслуживают также внимания и обелиски – четырехугольные, остроконечные колонны, состоявшие из одной цельной гранитной массы и воздвигавшиеся у входов в храмы в память их строителей или жертвователей на их украшения.

На всех зданиях имеются изображения и надписи, объясняющие жизнь египтян. Письмо у них было иероглифическое (изобразительное): например, четырехугольник означает дом, две волнистые черты – воду, четырехугольник с изображением божества – храм. Образно обозначались также разные виды деятельности или состояния: открывание чего-

либо – дверью, путешествие – шагающей птицей, битва – вооруженной копьем и щитом рукой, жажда – знаком воды и бегущим по ней теленком, голод – рукой, направленной в рот. Понятия обозначались символами: могущество – поднятым бичом, истина – страусовым пером, которое остается неизменяемым, защита – летающим коршуном.

Большим шагом вперед в этой системе письмен было присоединение к ней звуковых изображений (т. н. фонетических иероглифов). Звук А обозначался изображением орла (аспе) или тростника (ак). Таким образом возникло смешанное письмо, состоявшее из настоящих иероглифов и простых звуковых изображений. Оно постепенно совершенствовалось, и в нем допускались сокращения. В сокращенном виде эта письменная система носит название иератической. В свою очередь, иератическая система для ежедневного обихода была сокращена и в таком виде носила название демотической.

Несмотря на все усовершенствования и сокращения, письмо это долго оставалось трудным и непонятным для чтения и до начала XIX века противилось всем попыткам найти к нему ключ. Только англичанину Юнгу и французцу Шамполиону в 1812 г. удалось разобрать найденную французским артиллерийским офицером Буссаром надпись, состоящую из тройного письма (иероглифического, демотического и греческого). Немецкий ученый Лепсиус продолжал их изыскания, и с тех пор изучение этих письмен сделало такие успехи, что в настоящее время надписи на египетских памятниках и остатки литературы на папирусах (книги мертвых, священные книги жрецов, рассуждения о геометрии, медицине и астрономии) разбираются учеными с такой же точностью, как произведения Цицерона и Тита Ливия.

С особенным усердием египтяне занимались земледелием и скотоводством, но не пренебрегали и охотой. У них была развита и промышленность: памятники свидетельствуют о существовании всех родов ремесленной деятельности, преимущественно ткачества. В древности египетские льняные и шерстяные ткани пользовались известностью, также египтяне славились производством стекла, выделкой кожи и строительными работами. Жилища богатых людей украшались роскошной мебелью, галереями и террасами и окружались тенистыми аллеями и прекрасными цветниками. Их одежда отличалась простотой, но вместе с тем и вкусом. Простой народ носил только льняную рубаху, поверх нее – шерстяной плащ. Женщины не вели, как вообще на Востоке, затворнической жизни, а могли свободно являться везде и даже торговать на рынках. Была значительно развита общественная жизнь. В склепах встречаются изображения мужчин, которых вносят на носилках в общество, а также изображения женщин и мужчин, находящихся в одном зале. Умеренность в пище и питье не принадлежала, по-видимому, к числу их добродетелей. На этих изображениях не только мужчины, но и женщины извергают назад излишне съеденное и выпитое, а других слуги несут на руках домой.

Главным основанием правосудия было пресечение преступнику способов вторичного преступления. Например, фальшивомонетчики наказывались лишением обеих рук, а виновные в выдаче государственных тайн – лишением языка. Подделывателю документов или мер и весов отрубали одну руку. Решению дел обычно предшествовало письменное производство: жалоба и ответ на нее, возражение на этот ответ и новое опровержение жалобы подавалось письменно. Договоры и условия о купле, продаже, залоговые обязательства и т. п. излагались необыкновенно точно и подробно и скреплялись подписями многих свидетелей. Проценты не должны были превышать сумму капитала. Рабства за долги, как у древних римлян, не существовало. Умерщвление раба наказывалось смертью наравне с убийством египтянина. То же наказание грозило и клятвoprеступнику. Тот, кто не запятнал себя ни одним из тяжких преступлений, после смерти мог спокойно ожидать приговора 32 судей мертвых, среди которых восседал на троне Осирис. Соединившись с Осирисом, душа умершего быстро пролетала через небесные обитатели и на полях Аалу присутствовала при таинственном возделывании священной нивы. После этого для нее занималась заря вечного бла-

женства, она присоединялась к сонму богов и вместе с ними славословила всесовершенное существо.

II. Евреи (израильтяне, иудеи)

1. Моисей

От одного сына Ноя (Сима) произошел Ферах – отец родоначальника евреев Авраама. Авраам переселился из земли Ур в Халдею, а потом в Ханаан. За ним, тщательно соблюдая чистоту рода, следовали патриархи Исаак и его сын Иаков, называвшийся также Израилем (Богоборцем). Один из 12 сыновей его, Иосиф, был продан братьями в рабство в Египет, где, по неисповедимому предопределению Божию, сделался первым сановником фараона. Достигнув столь высокого положения, он переселил в Египет отца со всем его семейством. Здесь от этой семьи мало-помалу произошел многочисленный народ, живший в области Гозен, в нильской Дельте, к востоку от нильского рукава Таниса.

После вступления на престол нового фараона израильтян обременили тяжелыми работами – как полевыми, так и при государственных постройках. События эти, несомненно, следует отнести ко временам Сета I и Рамзеса II, строивших вдоль северо-восточной границы Египта сильные укрепления, каналы и новые города. Возможно, фараоны после недавней угрозы пастушеских племен желали только отучить израильтян от прежнего кочевого образа жизни и закрепить их на своей земле.

Избавителем от этого бедственного положения Бог послал Моисея. Тот вместе с братом Аароном около 1320 г. до н. э., в царствование слабого сына Рамзеса II – Менефты, устроил исход израильтян из Египта, хотя египтяне всячески препятствовали этому и преследовали их. Евреям удалось уйти от гнавшихся за ними египетских полчищ, погибших при переходе через Красное море. Евреи между тем вступили на Синайский п-ов. Здесь, на горе Синай (Гебель-Муза или Гебель-Серебаль), последовало торжественное заключение союза (завета) с Богом, послужившее для них основой нового законодательства.

Но беспокойному народу сорокадневное пребывание Моисея на горе Синай показалось слишком долгим. «Мы не знаем, что случилось с человеком, выведшим нас из земли египетской», – сказали они Аарону и потребовали, чтобы он сделал им зримых богов. Аарон, не обладавший необыкновенной энергией брата, после некоторого колебания согласился, но потребовал у них все золотые вещи для изготовления идола. Быть может, он рассчитывал, что они скорее откажутся от идола, чем от золота, но ошибся. Они сложили в одну кучу большое количество золота; Аарон растопил его и облил им вырезанное из дерева изображение тельца, подобного тому, которому египтяне поклонялись под именем Аписа. Едва телец воздвигся, народ поставил вокруг него алтари, зажег жертвенные огни и начал с радостными криками плясать вокруг нового бога, которому Аарон напрасно старался дать имя Иеговы.

В самый разгар ликования Моисей и Иисус Навин сошли с горы Синай. Вне себя от гнева Моисей бросил на землю обе скрижали законов с такой силой, что они разбились, и страшно наказал непослушных. Осыпав испуганного брата самыми жестокими упреками, он бросил золотого тельца в огонь, а весь пепел и золото – в протекавший мимо ручей. Затем громко воскликнул: «Кто принадлежит Господу, тот да выступит вперед!» Многие упрямо остались на месте, но бо́льшая часть вышла вперед, в том числе – все колено Левия, к которому принадлежал и сам Моисей. «Хорошо, – сказал им тот, – возьмите мечи, идите через весь стан и разите всех, отрекшихся от Иеговы, даже если это будут ваши сыновья и братья. Сегодня Иегова посвящает вас этой жертвою в священнический сан и ниспосылает на вас благословение». И эти слова вождя, обладавшего необыкновенным даром повелевать, имели такую силу, что страшное приказание было немедленно исполнено. Изрубили три тысячи непокорных. Произведенное впечатление было так сильно, что когда после этого Моисей

снова взошел на гору, дабы вымолить у Господа прощение народу за грехи и снова пробыл там сорок дней, на сей раз в стане уже никто не посмел выказать неповиновение.

Закон, данный Богом через Моисея, разделяется на три главные части. Первая, основная, часть содержит в себе нравственный закон, изложенный с особой точностью в десяти заповедях. Вторая часть состоит из систематически изложенных постановлений о священстве и представляет собрание законоположений о жертвоприношениях, местах богослужения, соблюдении праздников, одежде священников, их положении, достоинстве, правах и обетах; короче говоря, это церковный устав. Наконец, третья часть содержит в себе постановления об устройстве образа жизни отдельных колен на будущих местах их жительства, а также предписания, относящиеся к частной жизни и собственности; затем – постановления о соблюдении безопасности, порядка и чистоты, воздержании от некоторых родов пищи и т. п. Главным принципом в этих законах было установлено право возмездия – и выражено в суровых словах: «Ты должен воздать жизнь за жизнь, око за око, зуб за зуб, ногу за ногу, ожог за ожог, рану за рану». Но вместе с тем в Моисеевом законе высказывается и нечто гуманное: особенно заботится он о защите бедных, вдов, сирот, милостивом обращении с должниками, рабами и животными. «Ты не должен закрывать рта волу, когда он молотит».

Основная идея Моисеева законодательства заключалась в том, что Иегова, Бог, создавший небо и землю и освободивший своею мощью из плена народ Израиля, остается и на будущее время его богом, царем и правителем. Следовательно, над израильтянами будет властвовать ни кто-либо из людей, а единственно закон – само слово Божие. Поэтому Израиль сделался Божиим владением (теократическим государством) и выделялся меж другими народами, как священники среди низших сословий. Таким образом, и народ израильский, и подлежащая завоеванию Ханаанская земля составляли собственность самого Бога.

В силу этой основной идеи идолопоклонство считалось высшим государственным преступлением, а изгнание из захваченной страны прочих народов, имевших собственных богов, – неперенным долгом: единство всего народа основывалось на сохранении единого и чистого поклонения Иегове. По этой же причине и земля, подлежащая завоеванию, а затем разделению поровну между всеми израильтянами, не составляла безусловной собственности отдельных лиц; никто из израильтян не имел права продавать своего владения или самовольно передавать его кому-либо в наследство, ибо земля считалась Божьей. Хотя вследствие такого отношения к Богу все израильтяне почитались равными между собой и у них не существовало различий между сословиями, посвященные непосредственному служению Иегове священники составляли особую образованную часть общества, служившую связующим звеном для всего государства. Для исполнения священнических обязанностей было избрано исключительно колено Левия – левиты.

По происхождению от 10 сыновей Иакова и 2 сыновей Иосифа народ израильский разделялся на 12 колен, составлявших каждое особое независимое целое и имевших вождей и старейшин. Эти начальники родов и главы принадлежавших к ним семейств составляли совет, решениям которого все обязаны были повиноваться. Так как всю завоеванную Ханаанскую страну следовало разделить на 12 частей, все левиты были устранены от участия в этом поземельном разделе. Взамен этого им отведено было 48 городов, а вместо надела полями они получали от израильтян 1/10 часть дохода от их земель.

Устраненные от всякой гражданской деятельности, левиты посвящали себя только служению Иегове при празднествах и жертвоприношениях и исполнению обязанностей законодателей, судей, врачей и генеалогистов (составителей родословных списков для всего народа), а также заботам об исполнении законов, как нравственных, так и церковных, и поддержании единства меж отдельными коленами. Их верховный глава (первосвященник) должен был происходить из рода Аарона; звание было пожизненное и передавалось от отца к сыну. Первосвященник был как бы верховным лицом в среде Божьего народа и первым

сановником теократического государства. Принадлежностью его официального платья была головная повязка наподобие чалмы из белоснежного полотна, к которой спереди крепилась тонкая золотая пластинка с надписью «Свят Иегова». На груди он носил наперсник, где значились имена 12 колен израилевых, начертанные на 12 драгоценных камнях, а также «урим и туммим» – символы света и правды, которые должны были жить в его груди. Раз в году в великий день примирения он вступал в святая святых скинии, чтобы принести искупительную жертву за грехи народа. Священная палатка скинии была устроена Моисеем немедленно после получения закона на горе Синайской, согласно данному повелению и с помощью искусных мастеров, которые научились подобным работам еще в Египте. Эта палатка отличалась от прочих красотой, великолепием и изяществом. В скинии имелось место длиной около 10 м, огороженное досками на серебряных подставках и разделенное на 2 отделения: одно называлось «Святое», другое – «Святая Святых». В последнем отделении стоял ковчег из дерева акации (киот завета), выложенный снаружи и изнутри золотом и снабженный золотыми кольцами, чтобы можно было переносить его с места на место. На золотой крышке изображались два золотых херувима для обозначения места, где Богу было угодно явиться перед Израилем. В самом ковчеге хранились скрижали закона. Кроме ковчега, там же находилось множество изготовленных еврейскими мастерами чаш, блюд, семисвечный светильник и щипцы с подносом для него. Все это было сделано из золота, для чего евреи отдали все золотые вещи, принесенные из Египта. Точно так же принесены были оттуда и другие произведения египетского искусства, например прекрасные бумажные ковры с изображением херувимов, составлявшие верх палатки и ниспадавшие по боковым ее сторонам. Сверху палатки спускалось покрывало из тонкого верблюжьего сукна, над ним другое – из сафьяна, и, наконец, сверх всего – третье покрывало из тонкой кожи.

В этой национальной святыне первосвященник, в звание которого был посвящен Аарон с потомками, получал откровения непосредственно от Бога. В то же время скиния, впоследствии превращенная Соломоном в храм, была тем местом, где все колена иудеев сознавали единство своей народности. С этой целью Моисей установил три главнейших празднества, во время которых все израильские мужи должны собираться на месте, предназначенном для этой святыни: праздник пасхи, пятидесятница и праздник кущей. В эти праздничные дни они обязаны были пред Святой Святых возлагать на алтарь, где горел священный огонь, жертвоприношения от своих плодов и первородных животных. Но поскольку на алтаре могло поместиться лишь незначительное количество приношений, вся остальная часть жертвенного мяса шла на устраиваемые в эти дни пиршества, куда евреи приглашали и друзей.

Последнее из этих постановлений показывает, что Моисей со свойственным всему его законодательству милосердием позаботился не только об устройстве праздничных собраний, служивших для установления между евреями разнообразных связей, но и о чужеземцах, бедных и рабах, которых также предписывалось приглашать в качестве гостей. Кроме того, празднества служили большим сборным пунктом для внутренней торговли и разных сделок, неизбежно возникавших при многолюдном стечении народа. Установленное для жертвоприношений употребление масла и вина показывает, насколько Моисей умел приспособить богослужение к культуре подлежавшей захвату страны, где можно было успешно производить эти продукты. Постановление это вообще было установлено Моисеем с тем, чтобы будущее государство, подобно Египту, основывалось преимущественно на земледелии, а не на торговле (что подтверждается и запрещением роста в денежных делах). Торговля, без сомнения, повредила бы замкнутости еврейского народа, к которой Моисей стремился, чтобы сохранить чистоту веры в единого Бога (монотеизма). Целям обособления от прочих народов служили и другие постановления относительно пищи, основанные отчасти на гиги-

енических соображениях, и прочие обрядовые законы, касавшиеся мельчайших подробностей частной и общественной жизни.

Моисеевым законом было также установлено через каждые семь лет отмечать субботний год, а через каждые пятьдесят – трубный или юбилейный год: тогда вся пахотная земля оставалась под паром. Этот закон способствовал ограничению прав собственности. В юбилейный год всякое поле, отчужденное другому лицу, возвращалось без выкупа прежнему владельцу. Поэтому настоящей продажи земельной собственности не существовало, а была лишь продажа пользования землею: ее урожаями со времени покупки до юбилейного года. Точно так же всякий израильтянин, не только обедневший или сделавшийся несостоятельным должником, но даже продавший себя в рабство кредитору, в юбилейный год снова получал личную свободу и ему возвращалось его наследственное имущество. Этим мудрым постановлением Моисей обеспечил два основных положения, на которых зиждется благосостояние государства и народа и нарушение которых так часто вело в древние и новые времена к кровавым переворотам: право собственности и право личной свободы. Он поставил преграду, с одной стороны, обеднению масс народа в противоположность чрезмерному скоплению богатств в немногих руках, а с другой – угнетению слабых, следовательно, рабству и несправии целых сословий наряду с надменным господством привилегированных классов. При теократическом правлении эта мера была необходима вдвойне, ибо так можно было поддерживать у них сознание, что они составляют народ братьев, принадлежат Иегове, следовательно, могут быть рабами только Бога, а не людей; и, наконец, что имущество они получили как неотчуждаемое наследство от самого Бога. Относительно того, насколько эти требования Моисея и еврейского духовенства проводились или могли проводиться в жизнь, нельзя сказать ничего определенного: преграды строгому исполнению идеальных постановлений в действительности были весьма значительны. Несмотря на гуманное начало, бросается в глаза, до какой степени был жесток у евреев закон о долгах. Кредитор мог продать в рабство должника, его жену или детей или мог держать их рабами в собственном услужении. Но это обособление от других народов евреям еще предстояло завоевать: им приходилось овладеть землей, уже находившейся во владении других племен – хананеян, у которых были довольно значительно развиты и культура, и торговые отношения.

2. Ханаан и его соседи: финикийцы, сирийцы, ассирийцы и вавилоняне

Ханаанские племена разделялись на две главные группы. Одни занимали береговую полосу и были мореплавателями и торговцами; в классической древности они назывались финикийцами и во время Иисуса Навина находились под властью Египта. Вторая группа занимала внутренние области страны от Амана до южного берега Мертвого моря и распадалась на множество племен: аморитян, гергезенян, гифитян, иевусеев и т. д. Столь часто упоминаемые в Библии филистимляне переселились с о. Крит и с дозволения Размеса III избрали себе местом жительства юго-западный берег Сирии.

Ханаан (Палестина), изобиловавший хлебом, вином и маслом, а потому стоивший борьбы, должен был, по мысли Моисея, при соблюдении естественных границ составлять одну округленную и безопасную от вторжения территорию. На западе он граничил со Средиземным морем; поэтому Моисей приказал овладеть всем берегом от Ако до полосы, занятой филистимлянами. На юге границей им был назначен неизвестный в наше время «Египетский ручей», дальше которого евреям заходить не следовало. Но в особенности Моисей запретил им делать попытки к завоеванию лежавшей недалеко оттуда страны Гозен, которая принадлежала им прежде и годилась только для выпаса скота. Поскольку Моисей не предписывал еврейскому народу торговать, он и не придвинул южной границы к Аравийскому заливу, а оставил лежавшую в промежутке степь кочевавшим в ней народам. На севере границу нового государства должен был составлять Иордан; с моавитянами и аммонитянами, как с потомками Лота, предполагалось жить в мире. Но так как эти народы напали на приближавшихся израильтян, после проигранного сражения у них были отняты все земли, которые и перешли в собственность евреев.

Земля к востоку от Иордана считалась менее священной. Она простиралась до Евфрата, который должен был оставаться ее самой отдаленной границей. Лежавшие к востоку земли были преимущественно бесплодны и годились только для скотоводства. Вполне плодородными и удобными для постоянного жительства были только местности, непосредственно прилегавшие к Иордану. Они принадлежали коленам Рувимову и Гадову и полуколену Манассиину, занявшим их после победы над аммонитянами и моавитянами. Таким образом, страна эта благодаря распоряжениям Моисея была совершенно замкнута, опасные соседи были от нее удалены, а с полезными она пребывала в дружбе.

К числу последних в особенности принадлежали финикийцы. Хотя этот народ был также из числа племен ханаанских, однако Моисей никогда не вменял в обязанность евреям его истреблять, как он это намеренно сделал по отношению к другим хананеям. Оба народа – и иудеи, и финикийцы – в продолжение всей истории оставались в мирных отношениях между собой. Это объясняется тем, что хотя евреи были народом воинственным, но при этом исключительно земледельческим; финикийцы же никогда не были народом воинственным и занимались одной торговлей, вследствие чего никогда не могли вредить евреям, которым законы вести торговлю не позволяли. Напротив, финикийцы были им полезны: евреи продавали им запасы хлеба, вина, масла и меда. Благодаря взаимному обмену необходимых предметов потребления между двумя народами установилась прочная, дружественная связь. Замечательный финикийский народ естественными условиями страны был предназначен для деятельности на море. Он занимал узкую полосу земли в пятьдесят миль длины и не более пяти миль ширины, с хорошими гаванями и безопасными от ветров бухтами.

Позади этой полосы земли тянулся Ливан, доставлявший финикийцам богатства кедровых и кипарисовых лесов и превосходных рудников. Поэтому еще в древнейшие времена они стали заниматься судостроением и мореплаванием и, начав с рыбной ловли у берегов,

перешли к морской торговле и распространили деятельность до Индии, Атлантического океана и даже Британских о-вов. Они не составляли, подобно большинству азиатских народов, одного общего государства под управлением одного главы, а разделялись на многие независимые общины: каждая имела государя, и власть его ограничивалась советом из членов старейших родов, а впоследствии – главами богатых торговых домов. К самым значительным городам принадлежали Арад, Триполи, Библ, Берит (Бейрут), Сидон, Сарепта и Тир. С 1600 до 1100 г. главным городом был Сидон, «первенец Ханаана»; в следующие 5–6 столетий первое место занимал Тир, которому принадлежала верховная власть над другими финикийскими городами. Из числа изобретений, приписываемых финикийцам, изготовление стекла принадлежит не им, а египтянам, в древнейших могилах которых были найдены стеклянные сосуды и кубки. Но после того, как это искусство перешло из Египта к финикийцам, заводы Сидона и Сарепты стали выделывать из стекла разные украшения, сосуды и кубки, далеко превосходившие красотой египетские произведения. Зато финикийцы были изобретателями пурпурной краски, приготовлявшейся с особенным совершенством в г. Тир.

Первым толчком к большим мореходным предприятиям и основанию значительных колоний послужило вторжение евреев в Ханаан в XIII веке. Северные и западные обитатели Ханаана были оттеснены к береговой линии, где жили соплеменные им финикийцы. Будучи не в состоянии содержать такое множество пришельцев в небольшой области, сидоняне перевезли их на плодородный о. Кипр, оттуда те распространились на Крит и Родос и завладели островами Эгейского моря вплоть до Геллеспонта. Равным образом и на берегах греческого материка они основали поселения. Сказание о Кадме истолковывается в том смысле, что финикийцы высадились на берегу Беотии и научили местных жителей владению медным оружием, постройке стен, горнозаводскому делу и буквенному письму. Из Греции финикийцы перешли далее на запад, заняли о-ва Мелиту и Гоулос (Мальту и Гоццо), основали поселения в Сицилии (Панормос, ныне Палермо) и в Сардинии (Каларис, ныне Кальяри), высаживались на берегах Средней Италии, вели торговлю с этрусками и основали в северной Африке г. Гиппо, Великий Лептис, Малый Лептис, Тапс, Гадрумент и Утику. Утика, в отличие от других колоний, основанных сидонянами, была колонией Тира, с течением времени возвысившегося над Сидоном. Несколько знатных семейств переселилось из Сидона на скалистый остров, лежащий напротив Старого Тира, и основало там Новый Тир. Когда это новое поселение слилось в одну общину со старым городом, жители Тира в XI веке ощутили в себе такую силу, что независимо от Сидона стали вести собственную торговлю. Они превзошли даже сидонян, плавали на дальний запад, заняли группы Балеарских и Питиусских о-вов, высаживались на берегах Испании, завладели местностью Тарсис и орошаемой Гвадалквивиром богатой Андалузией и много веков разрабатывали естественные богатства этой страны. Они основали там г. Еиспалис (Севилья), Малаку (Малага), Гадес (Кадикс); последний сделался средоточием их колоний и торговли в Испании. Точно так же и в противоположащей Мавритании (Марокко) они основали торговые поселения, переплывали восточную часть Атлантического океана, достигли Оловянных о-вов (Касситериды, ныне о-ва Сцилли) и высаживались на южном берегу Британии и на северном берегу Галлии. В Галлии они, вероятно, покупали янтарь, называвшийся у греков электроном: его привозили по суше жители побережий Балтийского моря. Сильно развита была и торговля в противоположном направлении – с Индией, с которой они сначала находились в торговых связях только через посредство других народов. При царе Хираме, бывшем в торговых сношениях с царями соседней Иудеи – Давидом и Соломоном, тиряне предприняли путешествие в Офир. Офиром они, вероятно, называли Малабарский берег или же страну, лежавшую при устьях Инда. Из этого путешествия тиряне привезли много золота, драгоценных камней, слоновой кости, сандалового дерева, обезьян и павлинов. Большую долю прибыли получил и царь Соломон, участвовавший в этом предприятии.

Громадной торговой деятельности финикийцев жестокий удар был нанесен, когда их страны подчинилась власти персов; но еще более сильным ударом стало возвышение греческого могущества на море. Греки вытеснили финикийскую морскую торговлю со всех островов и берегов Эгейского моря, усеяли всю Малую Азию торговыми городами и сделались соперниками финикийцев в Египте, Северной Африке, Сицилии, Нижней Италии, Южной Галлии и Тарсисе. Но между тем, как в последние столетия до н. э. значение финикийских городов начинало падать, главнейшая из их колоний – Карфаген, основанный тирянами в 850 г. до н. э. в Африке, – явился обновленным Тиром и занял его место, так что еще раз в течение четырех столетий финикийцы господствовали со своими флотами на Средиземном море, от берегов Сицилии до Гибралтарского пролива.

Услуги таких опытных моряков везде ценились очень высоко. Поэтому мы встречаем финикийских моряков на службе у египтян, ассирийцев, вавилонян и персов. Чрезвычайно замечательно сообщаемое Геродотом известие о том, что по приказанию фараона Нехао (617–595) финикийские мореплаватели объехали вокруг Африки. «Они плыли, – говорит он, – из Красного моря к югу, вдоль африканских берегов и вступили в южное море. Когда наступала осень, они выходили на берег и сеяли хлеб в тех местах Ливии², где это было возможно, а собрав жатву, снова садились на суда и отправлялись в дальнейший путь. На третий год они прошли через Геркулесовы столбы³ и возвратились в Египет. Они рассказывали также – верить чему я предоставляю другим – что будто бы, огибая берега Ливии, они вдруг увидели солнце с правой от себя стороны». Геродот совершенно безосновательно подверг сомнению правдивость этого рассказа, потому что финикийцы должны были переходить через экватор и, чем далее плыли они к югу, тем севернее должно было казаться им положение солнца. Религия финикийцев, как и религия всех восточных народов, была основана на поклонении природе. Ваал, бог солнца, считался благодетельной, а Молох, бог огня и войны, разрушительной силой природы. Богиня луны, девственная Астарта, была предана одинаково и любви, и войне. Молох требовал человеческих жертв, и ему особенно приятно было, когда в его честь сжигали детей. Поскольку Ваал считался также покровителем Тира, то в этом качестве носил имя Мелькарта (царя города), у древних греков – «тирского Геркулеса».

Цветущей эпохой Финикии было время правления царя Хирама (1001–967). Затем могущество финикийцев начало клониться к упадку из-за внутреннего раздора партий, и Финикия сделалась, наконец, добычей чужеземных завоевателей. Государство это с давних времен находилось в мирных и дружественных отношениях с израильтянами, на что, несомненно, рассчитывал и Моисей, и эти отношения сохранились навсегда. Зато между израильтянами и их восточными соседями: сирийцами, ассирийцами и халдеями (вавилонянами) существовали большей частью неприязненные отношения, и Иудея, в конце концов, пала под ударами этих народов.

² Африки.

³ Гибралтарский пролив.

3. Древние вавилоняне и древние ассирийцы

Примерно в то время, когда жрец Манефа составлял «ропись египетских царей» (280–270), в Вавилоне один из жрецов Ваала – Бероз писал на греческом языке историю своего народа. К сожалению, до нас дошли только отрывки этого сочинения, состоявшего из трех книг. Древнейшими обитателями Вавилонии – речной области в низовьях Тигра и Евфрата – Бероз называет халдеев; у греков же это название носят преимущественно вавилонские жрецы. Надписи дают всей этой стране название «Калди», а ее обитателям – «калдиев». Этот народ принадлежал к семитической расе – к восточной ее ветви. Гораздо ранее египтян, достигших расцвета лишь при Аменофисе III и Рамессадах, обитатели этих равнин уже успели выработать своеобразную культуру.

Подобно тому, как случилось на берегах Нила, природные свойства страны и здесь принудили ее жителей к неутомимой творческой деятельности. Страна, сама по себе плодородная, страдала от разливов обеих рек. Разливы эти вместе с необыкновенно быстрым течением Тигра и Евфрата, приносившим множество мелких камней и тины, не оплодотворяли землю, а действовали бы разрушительно, если бы не каналы, шлюзы и плотины, разделявшие и задерживавшие и направлявшие течение. Эти искусственные гидравлические сооружения существовали в незапамятные времена и возбуждали изумление чужеземных путешественников. Это те самые оросительные и осушительные каналы, на которых, как свидетельствует 137-й псалом, раздавались жалобные стенания евреев во время их вавилонского пленения: «На реках вавилонских сидели мы и плакали, вспоминая о Сионе».

Первобытная история халдеев полна самых невероятных преданий. То, что рассказывается о временах правления десяти халдейских царей до потопа, не может войти в рамки истории, если только не придавать этим царям, как делали некоторые историки, астрономического значения – считать их олицетворением 10 знаков Зодиака, разделив время правления их (в совокупности 432 000 лет) на 10 отделов одного большого астрономического периода, составляющих каждый 43 200 лет. Всемирный потоп наступил при последнем из этих царей – Ксизутре (в клинописи он носит имя Хазизадры). Халдейское сказание о потопе, спасении Ксизутры и вавилонском смещении языков почти слово в слово согласуется с еврейским повествованием в Книге Бытия. Вскоре после потопа на севере Халдеи царствовал, по преданию, Нимврод. До сих пор имя его сохранилось в обширных руинах Верхней и Нижней Халдеи. О нем и его преемниках не известно ничего достоверного. Одним из древнейших вавилонских царей был, по-видимому, Урух, имя которого встречается на лежащих глубоко в земле кирпичях, сохранившихся от халдейских руин. Его столицей был Ур, власть простиралась на страны, лежащие на верхнем Тигре, следовательно, и на Ассирию. Только впоследствии был построен Вавель (Вавилон), ставший столицей Вавилонского царства.

В числе преемников Уруха упоминаются Исмидагон, Саррукин и Хаммурапи (XVIII до н. э.), называвший себя царем Вавеля, Навуходоносор I и Меродахнадинах (1100 до н. э.). К середине второго тысячелетия до н. э. Ассирия сделалась, по-видимому, независимой и начала управляться собственными государями. Эти цари, обладавшие неограниченной властью, одновременно являлись и верховными судьями, и главными военачальниками, и верховными жрецами. Уверяя, что получают повеления непосредственно от богов, они умели побудить свой народ, несмотря на незначительные средства, к совершению замечательных подвигов и довели сравнительно небольшую страну до необыкновенного могущества. Из них в особенности прославился завоеваниями Тиглатпаласар I (в надписях – Туклат-Хабал-Азар), царствовавший в Ассирии с 1130 по 1100 г. и распространивший победоносную власть на север, может быть, даже до Черного моря и на запад до берегов Сирии. В память о своих военных подвигах он приказал начертать на скале близ Каркара, у одного из

притоков Тигра, свое изображение, а под ним следующие слова: «По воле Ассура, Самоса и Бина, великих богов, моих повелителей, Я, Туклат-Хабал-Азар, царь страны Ассур, сын Ассура-рисизи, царя страны Ассур, сына Муттакиль-Небо, в третий раз покорил страну Наири⁴». В IX в. Ассирия после продолжительных войн приобрела политический перевес над Вавилонией. При всем том в культуре, религии и искусствах халдеи остались учителями ассирийцев, но ассирийцы всегда превосходили их воинскими способностями и несокрушимой энергией.

⁴ Вероятно, Армению.

4. Культура халдеев и ассирийцев

Можно утверждать, что халдейская культура не была заимствована у египтян, а являлась совершенно самостоятельной и очень своеобразной. Откуда произошли основные элементы этой культуры, можно догадываться по сообщаемому в книге Бероза преданию о семи человеках-рыбах, вышедших из вавилонского моря (Персидского залива).

Сначала в Вавилоне было великое множество людей из разных племен, населявших Халдею. Они жили в беспорядке, как животные. Но вот однажды из прилегающего к Вавилону моря поднялось одаренное разумом существо по имени Оаннес. У него было тело рыбы, но под рыбьей головой оно имело еще человеческую голову, а на рыбьем хвосте его выросли человеческие ноги. Это существо оставалось среди людей один день и не принимало никакой пищи. Оно познакомило людей с буквенным письмом, науками и разными искусствами, учило, как следует селиться в городах и строить храмы, сообщило основные понятия о законах, о межевании земель, показало, как сеять и собирать плоды – короче говоря, дало людям все, что требуется для правильной жизни. После заката солнца Оаннес снова погрузился в море. За ним следовали шесть еще таких же людей-рыб. Эти чудесные существа развивали то, что Оаннес объяснил лишь в общих чертах. Отсюда можно, по-видимому, заключить, что первые начала правильной жизни, образованности и письменности были занесены халдеям с юга, от Персидского залива.

Халдеи поклонялись верховному богу, который назывался Элом (у ассирийцев – Ассур) и в его честь дали столице название Бабель (врата Эла). Вторым богом был Ану, третьим – Бел (господин). Бог луны звался Син, бог солнца – Самас; кроме того, у них было пять планетных богов: Адар – бог самой отдаленной планеты Сатурн, Небо – бог Меркурия, Нергал – бог Марса, Меридах – бог Юпитера, и наконец женское божество Билит – богиня Венеры; в надписях она называется царицей богов, матерью богов, владычицею отпрысков (богиней плодородия). Противоположным ей началом была богиня войны, разрушения и смерти – Исрар, которая в надписях называется царицей Вавилона. Таким образом, религия халдеев, в сущности, была поклонением небесным светилам. Люди наблюдали, как, в зависимости от положения солнца или другой небесной звезды, происходят важные перемены в природе, будь то пробуждение растительности или ее увядание, наводнение или засуха, или другое какое-либо явление. Учение о небесных телах развивалось преимущественно жрецами, составлявшими замкнутую касту и звавшихся магами (греки звали их халдеями). Со временем это учение превратилось в грубое суеверие, состоявшее в гадании по звездам (астрология). Сатурн считался зловещим светилом, Марс – тоже, и его красный огненный блеск был предвестником сильного, иссушающего землю зноя. Юпитер и Венера предвещали счастье, а Меркурий, Луна и Солнце занимали середину между зловещими и счастливыми светилами. По положению звезд жрецы, по их утверждениям, узнавали волю богов, могли определить время, благоприятное для начала какого-либо дела; по расположению же небесных светил в час рождения человека они предсказывали будущую его участь, т. е. составляли гороскоп.

У халдеев, как и у египтян, только жрецы, которые владели ключом к таинственному, похожему на иероглифы, клинообразному письму, имели право заниматься науками и искусством. Клинопись была весьма распространена в Вавилоне и Ассирии, о чем свидетельствуют многочисленные надписи на памятниках, в особенности – сообщения царей о военных деяниях. Но египтяне вырезали иероглифы на каменных досках, халдеи же, в стране которых не было плитняка, употребляли для письма кирпичи в сыром и обожженном виде. Клинопись состоит из разнообразного сочетания одинаковых знаков – стреловидных, горизонтальных, вертикальных и загнутых крючками. Подобно иероглифам, она представляет

собой смесь знаков, изображающих понятия (идеограммы) и звуки (фонетические знаки), и допускает очень много сокращений. Впервые прочесть клинопись удалось в 1802 г. ученому Гротезенду, которому проложили дорогу Нибур (1765), Тихсен (1798) и Мюнкер (1800).

Ни один народ, даже египтяне с их каменными громадами и храмами на Ниле, не мог сравниться с халдеями в колоссальности построек. В Халдее и Ассирии встречаются кирпичные постройки, которые, не производя впечатления красотой форм, тем не менее поражают массивностью. Они строились частью из высушенного на солнце, частью из обожженного кирпича; связующим раствором служил превосходный цемент из асфальта (горной смолы). Внутренние стены обычно отделывались изразцами. Снаружи храмы и дворцы покрывались гипсовыми и известковыми плитами и украшались скульптурными изображениями. Эти кирпичные постройки не могли оказывать всеокрушающей силе времени того сопротивления, какое оказали египетские каменные сооружения, и от них сохранились, в основном, лишь нижние этажи. Почти на всех кирпичах есть оттиск имени царя, в правление которого они были употреблены для строительства. Остатки таких сооружений находятся на месте г. Ура и Эреха (Мунгхейр и Варка), древних столиц Халдеи, и вблизи Вавилона. Вавилон арабы называют «Бирс-Нимруд» (город Нимврода). Здесь на фундаменте из кирпича возвышается четырехугольное здание, имеющее 77,7 м длины с каждой стороны и 7,4 м высоты; над ним поднимаются еще три этажа, все уменьшающихся размеров, и общая высота всей руины достигает 43 м. Полагают, что на этом месте был древний г. Борзиппа, а описанные развалины – остатки большого храма бога Небо.

Гораздо замечательнее развалин кладбища Ура и Эреха. В Уре вдоль наружных городских стен тянутся широкой полосой ряды усыпальниц, выстроенных из кирпича и имеющих каждая около 2 м длины, 1 м ширины и 1,5 м высоты. Тела клались на пол, покрытый тростниковой циновкой; под голову покойника подкладывали кирпич; правая рука покоится на груди поверх левой и концами пальцев придерживает медную чашу. По стенам стоят сосуды для еды и питья. В Эрехе тела или ставились в глиняные овальные усыпальницы, или плотно заделывались в глиняные же вместилища. Обычно они находятся не в земле, а в кирпичных зданиях, плотно прижатые друг к другу и часто в несколько рядов один над другим. В усыпальницах находят остатки оружия, браслеты, ожерелья, золотые и серебряные кольца для пальцев рук и ног и другие украшения.

Необыкновенных успехов достигли халдеи в промышленности. Всемирной известностью пользовались их льняные и шерстяные ткани. Из Вавилона вывозилась глиняная посуда, благовонные воды и мази, шлифованные камни – сперва в ближайшую Сирию, в обмен на масло и вино, а затем в Иудею и Египет. Сырье вавилоняне получали из Армении, Аравии и Индии. Торговля достигла высшего развития, когда на море стали господствовать финикийцы и возить вавилонские товары на запад, преимущественно в Грецию. Творческий дух в произведениях искусств проявился у ассирийцев с большей жизненностью и свободой, чем у египтян. Многочисленные фигуры отличаются у них законченностью и энергией, но в то же время – чрезмерною грубостью форм. Размеры быков и львов не столь колоссальны, как размеры египетских сфинксов. По ниневийским развалинам можно судить о колоссальности дворцов и храмов, их залов и галерей. Ассирийцам были уже известны стропильчатые и круглые системы сводов, которые они строили из кирпича. С необыкновенным искусством изготавливали они домашнюю утварь, столы, стулья, чаши, вазы, посуду и предметы украшения. Высшего развития достигла у них выделка перевязей и оружия.

5. Иисус Навин и судии

Прошло 40 лет со времени исхода евреев из Египта, когда народ, в котором уже успело народиться и возмужать новое, более послушное воле Божией поколение, получил дозволение Бога вступить в землю обетованную. Но бывшему до сего времени предводителю народа Моисею не только не было дано самому вступить в нее, но и присутствовать при этом. Предчувствуя близкую кончину, он при торжественном собрании всего народа передал власть и управление в руки Иисуса Навина.

При Иисусе Навине началось энергичное завоевание Ханаана. Евреи овладели укрепленными г. Иерихон, Гай, Вефиль и Сихем. В Сихеме, центральном городе всей страны, Иисус Навин основал резиденцию. Ковчег же завета он поставил в Силоме. Согласно воле Божией, всех местных жителей следовало изгнать или истребить, что и было исполнено Иисусом Навином. Когда значительная часть страны была завоевана, согласно приказанию Моисея, приступили к ее разделу. Иисус Навин распределил всю землю между девятью коленами: Иудиным, Вениаминовым, Симеоновым, Дановым, Иссахаровым, Ассировым, Завулоновым, Невфалимовым, Ефремовым и полуколеном Манассиным. Колена же Рувимово, Гадово и остальное полуколено Манассино были поселены по другую сторону Иордана. Иудино и Вениаминово колена после раздела заняли юго-западную часть, остальные – юго-восточную. Не обошлось без некоторых жалоб на не вполне равномерный раздел. При этом многие колена не хотели тотчас приниматься за правильное земледелие и селиться в укрепленных городах и селениях.

Но главная беда заключалась в том, что после умершего в скором времени Иисуса Навина, при отсутствии общего вождя и недостатке рвения колен к дальнейшей борьбе с оставшимися непобежденными ханаанскими племенами, борьба эта уже велась не так деятельно, как прежде. Во многих местах израильтяне, вместо того чтобы совершенно изгнать ханаанитян, ограничились лишь тем, что принудили их платить себе дань. Таким образом, на юго-западной границе остались филистимляне, в Иерусалиме крепко засели иевусеи; другие враждебные племена владели горными странами Ливана. Между тем умер Иисус Навин; за ним последовали и его современники, а народившееся новое поколение не знало ни своего Господа, ни чудес, совершенных им для Израиля. Народ начал уклоняться от чистого поклонения Иегове, которое, собственно, и составляло действительную основу народного единства, и стал совращаться в идолопоклонство. Оставшиеся в стране враждебные племена вместе с соседними государствами, пользуясь раздорами иудеев, покоряли то одно, то другое колено, то сразу несколько. Теократическое республиканское правление не допускало верховного вождя. Моисей и Иисус Навин были облечены таким исключительным саном только по случаю предстоявшего вступления в Ханаан. И впоследствии, когда государство находилось в исключительных обстоятельствах, в качестве верховных вождей или высших сановников являлись отдельные люди: их называли софетимами (судьями). Судьи редко пользовались всеобщим признанием народа и не всегда бывали образцами кротости и благочестия. Например, Гедеон назывался Иеруваалом (страшащимся Ваала) и соорудил в городе идола; Авимелех был тираном худшего сорта, а Иеффай начал поприще разбоями на больших дорогах. Первым судьей был Гофоноил, за ним в числе прочих следовали мужественная жена и пророчица Девора, победитель Мадиянитян – Гедеон и т. д. Замечательные деяния некоторых судий были записаны. Из них самыми интересными представляются нам деяния Иеффая, Самсона и Самуила.

Иеффай

Не успевший еще сплотиться и установить у себя ни общего государственного управления, ни общеобязательных законов, народ израильский скоро сделался добычей аммонитян, в особенности беспокоивших нападениями и грабежами колена по ту сторону Иордана. И не было в Израиле человека, который был бы в состоянии дать отпор разбойникам. Наконец такой человек нашелся: то был Иеффай – муж полный храбрости и отваги. Братья, чтобы не разделять с ним законного наследства, изгнали его из родительского дома, и Иеффай ушел в Аравию, где, возглавив одну разбойничью шайку, прославился необыкновенными подвигами. Когда бедствия отечества достигли необычайных размеров, а слава о храбрости Иеффая разнеслась повсюду, жители Галаада послали к нему послов с просьбой быть их вождем. Он согласился и вернулся на родину. Сначала он послал спросить царя аммонитян, по какому праву тот нападает на землю израильскую. Царь отвечал, что земля эта принадлежала ему ранее, чем дети Израиля завладели ею. Иеффай в пространном объяснении старался оправдать действия Моисея и Иисуса Навина, но аммонитянский царь не соглашался с его доводами. Тогда Иеффай с многочисленным войском пошел на него войной. Перед выступлением в поход он дал обет: если Иегова предаст аммонитян в его руки, он принесет Богу в жертву всесожжения первое, что выйдет к нему навстречу из дома его.

Нападение было совершенно неожиданно, и неприятель бежал. Иеффай преследовал его и отнял у врага 20 пастушеских селений, а когда прогнал его далеко, вернулся к себе в Массифу. Здесь навстречу ему с радостными песнями и плясками вышла дочь его, кроме которой он не имел детей. При виде ее безрассудный отец разорвал на себе одежды и воскликнул: «О дочь моя! Как сокрушаешь и печалишь ты меня!

Я дал обет Господу и не могу не исполнить его». Испуганная дочь отвечала: «Отец мой, если ты дал обет Господу, то поступи со мной по обету твоему, ибо Господь сотворил тебе отмщение над врагом твоим». Исполненная печали, просила она позволения отправиться в горы и пробыть там два месяца, чтобы оплакать с подругами девство. Она пошла в горы и, исполняя слово свое, вернулась через два месяца, чтобы умереть позорною смертью на костре. В честь ее девицы галаадские много лет ежегодно справляли праздник, в который отправлялись в горы оплакивать дочь Иеффая.

Самсон

В другой раз несколько колен израильских оказались под властью филистимлян, прошедших вдоль и поперек всю страну и смотревших на имущество израильтян, как на собственное. Тогда спасителем явился происходивший из колена Данова знаменитый Самсон, история жизни которого увенчана ореолом народных сказаний. «Хотя его следует рассматривать как личность историческую, – писал один немецкий ученый, – описание подвигов его и страданий носит на себе печать легендарного характера; самая же смерть его производит сильное впечатление необыкновенно глубоким трагизмом». С самого рождения он был посвящен родителями Иегове – согласно обычаю, установленному еще Моисеем. Таких людей называли назореями (обособленный, обрученный Господу). Они были обязаны не есть некоторых кушаний как нечистых, и ножницы не должны были касаться их головы.

Выросши, Самсон получил исполинскую силу. Однажды, желая посетить невесту, он отправился в местечко Фамнаф. На дороге встретился ему молодой рыкающий лев. И дух Господень снизошел на Самсона, и он, не имея ничего в руках, растерзал льва, как лев разрывает ягненка. Затем он пришел к невесте, но ни ей, ни родителям ничего не сказал про свой геройский подвиг. Невеста Самсона была филистимлянка, поэтому брак с ней был неприя-

тен его родителям. Они не знали, что на то была воля Господа, желавшего наказать филистимлян. Самсон же не поддавался увещаниям их, потому им пришлось ему уступить. Несколько дней спустя Самсон снова пошел в Фамнаф и проходил мимо трупа растерзанного льва. И вот видит он рой пчел в пасти львиной с сотами, наполненными медом. Он вынул его, съел дорогой и явился в дом невесты. Брачное пиршество должно было продолжаться 7 дней, причем по восточному обычаю филистимляне приставили к нему 30 юношей – друзей жениха. Самсон, по обычаю Востока, задал им загадку о своей находке: «Слушайте: если отгадаете, то дам вам 30 пар верхнего и нижнего платья; не отгадаете – вы должны мне дать столько же». – «Скажи нам свою загадку». Самсон сказал: «От ядущего произошло ядомое, а от сильного – сладкое. Что означает сие?»

Прошло 6 дней, а 30 филистимлян не могли разгадать загадку. Наконец они вышли из себя и тайно сказали молодой жене Самсона: «Уговори мужа, чтобы он объяснил загадку, а то мы сожжем дом твой и все, что в нем есть. Разве для этого ты пригласила нас, чтобы мы сделали нищими?» Горько заплакала жена Самсона и стала просить мужа объяснить ей, в чем было дело. Тот долго не соглашался, но наконец сказал ей. Она передала это своим единоплеменникам, которые на 7-й день, с восходом солнца, сказали Самсону: «Что слаще меда и сильнее льва?» Он им ответил: «Если бы вы не пахали юницею моею, не отгадать бы вам моей загадки». Однако ему все-таки пришлось отдать им 30 пар платья. Тогда снизошел на него дух Господень, и пошел он в Аскалон, собственноручно убил там 30 филистимлян, снял с них платья и отдал их отгадавшим загадку. Потом, затаив гнев в сердце, ушел оттуда и вернулся в дом отца. Жена его отдалась другому.

Через некоторое время, в дни жатвы пшеницы, Самсон вспомнил жену, посетил ее и принес ей козленка. Но ее отец не хотел впускать его в дом. «Мы думали, – сказал он, – что ты возненавидел ее и потому отдал ее другому. Но у нее есть еще младшая сестра и, если желаешь, возьми ее». Тогда сказал ему Самсон: «Я имею только одно истинное желание – причинить филистимлянам зло». Он вышел из города, поймал 300 шакалов, которые на востоке бродят большими стаями и легко попадают в руки охотника. Он связал их попарно и привязал к хвостам каждой пары по горящему факелу. Со страшным воем побежали звери по полям, и огонь охватил снопы и колосья. Вся жатва погибла в огне, истребившем также масличные деревья и виноградники. «Кто сделал это?» – яростно восклицали филистимляне. «Самсон – за то, что у него отняли жену», – было ответом. Тогда филистимляне сожгли жену Самсона и отца ее. Но Самсон жестоко побил их и удалился. Филистимляне напали на колено Иудино и вторглись в их страну. «Чего вы хотите от нас?» – спрашивали израильтяне. «Самсона», – последовал ответ. «Он ушел в горы и поселился в пещере». Туда пришло 3000 человек из колена Иудина и сказали Самсону: «Разве ты не знаешь, что филистимляне напали на нас; зачем сделал ты это?» Он отвечал им: «Как они поступили со мною, так и я поступил с ними». На это ему ответили: «Мы пришли связать тебя и предать филистимлянам».

Самсон дал им связать себя по рукам новыми веревками. Тогда вывели они его из пещеры и привели к филистимлянам, возликовавшим при виде его. Но он, подойдя ближе, с такою силой разорвал веревки, что те распались, как нити, опаленные огнем. Тут нашел он челюсть от скелета осла. Он схватил ее и побил ею тысячу человек. Потом бросил челюсть и назвал это место Рамет-Лехи. Но тут он почувствовал страшную жажду и так воззвал к Иегове: «Рукою раба твоего совершил ты такое спасение; не дай умереть мне от жажды или упасть от утомления в руки филистимлян!» И вдруг увидел он, как разверз Иегова язву на челюсти и вода потекла из нее. И когда он утолил жажду, возвратился к нему дух его и он ожил. Поэтому источник этот и поныне зовется источником, «призывающим из челюсти». В другой раз пришел он в г. Газа и вошел в дом к одной женщине. Филистимляне, узнав об этом, заперли городские ворота и подстерегали его, говоря: «До света утреннего подождем и убьем его». Но Самсон не ждал так долго. Он встал в полночь, схватил мощными руками

ворота, вырвал их с обоими столбами из земли, взвалил себе на плечи и отнес на высокую гору.

Но чем чаще избегал Самсон чудесным образом опасностей, тем более привыкал он полагаться на одну только силу, стал забывать Бога, убаюкивать себя ложной самоуверенностью в своей безопасности. Он позволил себе вступить в связь с хитрой Далилой. Об этом узнали филистимляне и обещали ей 1100 сребренников, если она просьбами и лестью выпытает от Самсона, в чем заключается его необыкновенная сила. Далила согласилась и спросила Самсона: «Милый, скажи мне, в чем твоя сила и чем можно связать тебя и смирить». Самсон ответил ей: «Если меня свяжут семью тетивами из сырого лыка, то я ослабею и буду как и всякий обыкновенный человек». Принесли филистимляне семь тетив из сырого лыка, и Далила связала ими Самсона. В комнате же были спрятаны люди, которые подстерегали Самсона. Тогда вскричала Далила: «Самсон! Филистимляне идут на тебя!» Но он разорвал тетивы, как простые нитки, и обманутые филистимляне убежали. «Видишь, ты обманул меня, – сказала ему Далила, – ты говорил мне ложь. Скажи же теперь, чем можно на самом деле связать тебя». Он отвечал ей: «Если свяжут меня веревками новыми, не бывшими еще ни разу в употреблении, то ослабею и буду как и всякий другой человек». Она сделала это. Пришли филистимляне, но он разорвал узы, как простые нитки. «Злой человек, – сказала ему Далила, – еще раз ты солгал мне! Скажи же теперь откровенно и не обмани меня на этот раз». «Хорошо, – ответил он, – если ты сплетишь мои волосы и пригвоздишь их колом к стене, пока я буду спать, я не в силах буду пошевелиться». Далила сделала и это. Но когда пришли филистимляне, Самсон пробудился и вырвал волосы вместе с колом. Тогда сказала ему Далила: «Как можешь ты говорить, что любишь меня, когда ты со мною не откровенен? Три раза обманул ты меня. Скажи же, наконец, мне правду». День и ночь преследовала она его лстивыми речами и мучила тем, что душа ее будет томиться до самой смерти. Наконец, раскрыл он ей сердце и сказал: «Никогда ножницы не касались головы моей, ибо я с самого детства посвящен Богу. Если я преступлю волю Божию, дам обрезать себе волосы, то отступятся от меня дух Божий и сила моя».

Вероломная Далила запомнила это и известила филистимлян, которые тотчас пришли и принесли с собой деньги. Она усыпила его, велела остричь ему волосы, и сила отступила от него. «Самсон! Филистимляне идут на тебя!» – воскликнула она громко. Самсон проснулся и подумал: «Я встану, как прежде, и разгромлю их». Но он не знал, что Иегова отступился от него. Филистимляне схватили его, выкололи ему глаза, отвели в Газу и заковали в цепи. И должен был он в темнице вертеть ручную мельницу. Но в темнице у него снова отросли волосы. Между тем филистимляне собрались для принесения великой жертвы своему богу и, радуясь, говорили: «Наш бог предал нам в руки величайшего врага нашего, опустошавшего нашу страну и убившего многих наших единоплеменников. Пусть теперь приведут его, чтобы мы могли насмеяться над ним». И они привели Самсона из темницы и заставили его плясать перед ними. Слепец сказал мальчику, ведшему его за руку: «Подведи меня к главным двум столбам, что поддерживают дом, чтобы я мог прислониться к ним». Дом же был полон мужчин и женщин. И внутри, и снаружи, и на гладкой крыше – все кишело филистимлянами. Самсон в душе обратился к Иегове и так воззвал к нему: «Господи, вспомни обо мне, укрепи меня только на этот еще раз, чтобы я мог воздать им одним отмщением за оба глаза мои!» Потом уперся он в средние колонны – в одну правую, а в другую левую рукою – и воскликнул: «Здесь хочу я умереть вместе с филистимлянами!» В одно мгновение потряс он колонны, и все здание рухнуло со всем, что было в нем и на нем. При этом филистимлян погибло больше, чем он убил их за все время жизни. Он был судиею Израиля 20 лет.

Самуил (1109 г. до н. э.)

Наступившие после смерти Моисея времена отнюдь не соответствовали тому, что предопределял он своему народу. Деятельность описанных вождей проносилась в истории Израиля лишь быстрыми блестящими метеорами, а духа и чувств, завещанных Моисеем, в народе уже не было. Идолопоклонство постоянно одерживало вверх над истинным служением Иегове. Сознание единства исчезло, и государство ко времени первосвященства Илии пришло в величайший упадок. У народа не было сильного правителя. Сыновья Илии оскверняли скинию завета, которая со времени переселения в Ханаан оставалась в Силоме, в колоне Ефремовом, и предавались алчности и распутству так, что приходившие для жертвоприношений благочестивые люди сталкивались в этом священнейшем месте лишь с оскорблением чувств.

С того времени, когда из-за общения с местными племенами прекратилось религиозное единство, стало рушиться и единство политическое. Начались междоусобицы, и народ сделался добычей ханаанитян и в особенности – филистимлян. Израильтяне были разбиты во многих сражениях. Тогда для большого воодушевления войск киот завета перенесли в стан и дали еще одно сражение, но и оно было проиграно, причем сама святыня попала в руки неприятеля и оставалась у него, пока филистимляне не возвратили ее сами. В то время вновь явился муж с духом и мощью Моисея – знаменитый Самуил. Он был посвящен Богу и помещен в Силоме благочестивой матерью: она родила его в преклонных годах и потому смотрела на рождение его, как на особую милость Божию. Здесь, через Божественное откровение, Самуил был призван к служению народу израильскому, чтобы привести его к более счастливой жизни. Он воспользовался возвращением киота завета, чтобы созвать израильтян на всенародное собрание и торжественным обещанием снова обратить их к служению Иегове. При этом Самуил, как достойнейший, был избран народом в судии и впоследствии, всю долгую жизнь мудростью, энергией и примерным поведением и исполнением высокой должности не переставал доказывать, что был вполне достоин такого выбора.

Когда израильтяне соединились между собой, старинные внешние враги их, филистимляне, составили грозный союз и напали на них. Но Самуил нанес им такое поражение, что с тех пор они не только не отваживались переступать израильские границы, но потеряли один за другим все города, отнятые ими у израильтян. Плодом этой победы был почетный мир и с другими соседними народами. Внутреннего взаимного согласия колен Самуил достиг правым судом. Духовному же развитию народа способствовал учреждением так называемых школ пророков. Преподавали в этих школах прежде всего закон Моисеев и его толкования; в круг занятий входили также религиозная музыка и песнопения. Школы эти стали рассадниками способных правителей, судей, учителей и разных должностных лиц.

Необходимо различать пророков, выходивших из этих школ, и пророков в собственном смысле слова, каковыми были Илия, Исая, Иеремия и др. Все они, как непосредственно избранные Богом, являлись провозвестниками слова Божия: они пророчествовали не от себя, а их устами вещал сам Бог. Они хранили законы, дополняли заповеди и объясняли народу их сокровенное значение. Они возвещали Божественные предопределения, заключавшие в себе как благословение, так и наказание. Блюдя священную неприкосновенность государственных установлений, они напоминали народу о его религиозных и политических обязанностях. Речь их, как излияние вдохновенного чувства, была возвышенна, полна смелых образов и так же цветиста, как речь поэтов.

6. Теократическая монархия. Саул, Давид и Соломон (1055–953 гг. до н. э.)

Состарившись, Самуил поставил судьями двух сыновей – вероятно, чтобы сделать это достоинство в семействе наследственным. Но сыновья не пошли по стопам отца, а творили суд неправый. Из-за этого, а быть может, и от зависти к колену Ефремову израильтяне заставили Самуила оставить себе судейское достоинство. Убедившись на бесчисленных примерах соседних народов, что лучшее средство в общественных бедствиях – самодержавный властитель или царь, они обратились к Самуилу: «Дай нам царя, который выводил бы нас из затруднений, когда мы ведем войну, и какого имеют все язычники». Самуил же доказывал, что установление царской власти будет равносильно отпадению от Иеговы, и со всем жаром свойственного ему красноречия старался убедить народ остаться при прежнем образе правления. В доводах Самуил опирался главным образом на основное положение Моисеева закона: народ израильский, будучи избранным народом Божиим, составляет вместе с занимаемой им Ханаанской землей собственность самого Иеговы и поэтому должен иметь царем только Бога, но никак не человека.

Но доводы Самуила не имели успеха. Народ не отступил от своего намерения, и Самуилу пришлось согласиться на избрание. Выбор его – конечно, не без благоразумного умысла – пал на одного человека из слабого колена Вениаминова и, притом, из самой незначительной семьи этого колена. Тот назывался Саулом, был прекрасен собой («целою головою выше всего народа») и храбрости необыкновенной. Посланный отцом отыскать пропавших ослиц, Саул, не найдя их, пришел к пророку Самуилу, чтобы спросить его. Самуил принял его дружелюбно и помазал священной миррой в цари израильские. Затем велел ему вернуться домой и сказал, что он должен будет предстать пред собранием пророков. Удалившись, Саул поступил так, как приказал ему Самуил. Пророки встретили его и приветствовали вдохновенными песнопениями. Дух Божий снизошел на Саула, и он стал пророчествовать пред ними словами древних. Тогда все, знавшие его раньше, восклицали в изумлении: «Разве Саул из числа пророков?» Но изумление это достигло высших пределов, когда Самуил в созванном вслед за этим всенародном собрании представил этого самого Саула как их будущего царя. Вместе с радостными криками народа: «Да здравствует царь!» многие говорили: «Чем может он помочь нам?» К нему отнеслись с пренебрежением и не принесли ему никаких даров. Однако Саул, о чем и сам прежде не имел никогда в помышлении, благодаря своим подвигам, сделался дорогим для угнетенного отечества.

Саул вел целый ряд счастливых войн против аммонитян при царе их Наасе, против филистимлян и амалекитян. Но когда он не послушался приказа Самуила истребить амалекитянского царя Агата со всем его народом и со всеми стадами его, дух Божий отступился от него, он был отвергнут, и царем, по повелению Иеговы, был тайно помазан Давид. Однако Давиду, прежде чем весь народ признал его царем, пришлось многое испытать: претерпеть несколько гонений и подвергнуться неоднократным покушениям на свою жизнь, а после самоубийства Саула в битве с филистимлянами вести упорную борьбу с полководцем его Авениром и старшим сыном Саула Иевосфеем.

В правление Давида (1033–993) иудейское царство достигло величайшего блеска. Как храбрый полководец, Давид вел многократные войны, в которых и он, и народ его выказывали необыкновенное мужество. После счастливого похода против сирийцев иудейское царство приобрело грозное величие, и наступил действительный и продолжительный мир. Давид простер власть до устьев Евфрата, и сирийцы из Эмафа, Дамаска и Низибии платили ему дань. Давид также распространил государство и на юг. Моавитяне и эдомитяне, заключившие союз с низивийским правителем и поддержанные им и ассирийцами, напали

на израильтян, но были также разбиты Давидом и храбрым полководцем его Иоавом и бесчеловечно истреблены. Государства эти подпали под власть Давида, а завоевав Идумею, он получил даже гавань в Аравийском заливе. Совершенно покорены были и филистимляне. Наконец Давиду удалось вырвать у иевусеев Иерусалим с крепостью Сион, которыми они до тех пор владели. Эта крепость была укреплена так сильно, что на предложение Давида сдать ее иевусеи насмешливо отвечали: «Даже хромым и слепым для защиты ее достаточно было бы только крикнуть: не смей входить, Давид!» Но Давид тем не менее взял ее, укрепил еще больше и сделал Иерусалим и Сион резиденцией. Иерусалим стал столицей государства еще и потому, что Давид перенес туда с необыкновенной торжественностью киот завета, причем сам плясал перед киотом при несении его в Сион. Царь решил еще больше украсить город. С помощью финикийских архитекторов, присланных к нему вместе с кедровым лесом царем тирским, он построил в Иерусалиме богатейший и прекраснейший дворец. Еще он желал перенести народную святыню из скинии в прочный и роскошный храм, но привести в исполнение это предприятие ему запретил пророк Нафан.

Соломон строит храм.

Юлиус Шнорр фон Каросфельд. Гравюра

Поскольку Давиду не удалось проявить в сооружении храма свое влечение к красоте и величию, он с тем большею свободой предан был возвышению народного духа и тесно связанного с ним богослужения. Оно стало справляться с большой торжественностью и великолепием, сопровождаться музыкой и песнопением, в чем Давид сам был очень искусен и тем придал богослужению более просвещенную и художественную форму. Для этой цели было выбрано четыре тысячи левитов, распределенных на классы и хоры во главе с учителями хорового пения; все они были в роскошных одеяниях. Нам известны имена трех знаменитых начальников хоров – Асафа, Амана и Идифума; дошли до нас и нежные, полные чувства песни самого Давида, заключающиеся в Псалтири (книге псалмов).

Эти песни Давида, как и песни других поэтов, исполнялись на общественных празднествах. Собиравшийся пред скинией завета весь народ иудейский испытывал неведомое до тех пор воодушевление при совершении вновь введенного богослужения. Но, с другой стороны, роскошь и великолепие, появившиеся благодаря приобретенным различными войнами богатствам, стали развращать народ. Он постепенно привыкал к тем переменам, которые вносил в народный дух и в государственные учреждения этот просвещенный и образованный государь, сочетавший в себе талант лирического поэта с талантом победителя и мудрого правителя. Поэтому естественно, что характер народа, благодаря распространенному Давидом образованию, перешел от патриархальной простоты и нетребовательности к подвижности и изменчивости. Равенство и свобода, поддерживаемые древними учреждениями, при новой царской, почти деспотической власти существенно пострадали, а прежнее ощущение независимости постепенно притупилось. Азиатский дух образа правления не замедлил проявиться и здесь со всеми последствиями. При дворе Давида разыгрывались всевозможные интриги; от них произошли смуты и раздоры, бросившие мрачную тень на последние годы царствования Давида.

О тяжелых испытаниях его можно судить по восстанию сына его Авессалома и по преступлению, совершенному Давидом против хеттеянина Урии. Полюбив его жену Вирсавию и желая взять ее себе в жены, Давид погубил Урию. Но воспоминания о слабостях и проступках Давида скоро забылись, и народ видел в нем лишь создателя израильского государства, «человека с Божественным сердцем», великого политического деятеля. Кроме того, по мнению даже строгих судей, Давид был прекрасным поэтом. Преемником на престоле израильском надлежало быть четвертому сыну Давида – Адонию, но Вирсавия и пророк Нафан убедили стареющего царя назначить другого. Еще при жизни он приказал всенародно провозгласить царем сына своего Соломона, рожденного от Вирсавии. Адония восстал, но был убит вместе с военачальником Иоавом.

При Соломоне возшло то, что посеял благодаря храбрости и энергии Давид, и народ, наконец, сумел воспользоваться плодами предыдущих завоеваний. «Иудеи, – говорит Библия, – жили беспечно, каждый под виноградником своим и под смоковницею своею; они были бесчисленны, как песок морской, ели, пили и веселились». Поэтому царя Соломона украшали только мирные добродетели: мудрость, поэтическое дарование, влечение к красоте и великолепию, проявившееся в разнообразных дорожных постройках и сооружениях; забота о безопасности страны, выразившаяся в укреплении городов и заключении союзов с дружественными соседями; и, наконец, радение о благоденствии народа, возникшем благодаря миру, мореплаванию и торговле. При нем также коренным и всесторонним образом изменился первоначальный государственный строй, установленный еще Моисеем и прежде менявшийся лишь постепенно.

Одним из замечательных дел Соломона было сооружение храма Иерусалимского, хотя при этом он осуществил лишь волю и план Давида, собравшего для этой постройки неисчислимы сокровища. Храм не следует рассматривать наравне с художественными образцами греческого зодчества, в сравнении с которыми он покажется мрачным, приземистым

и неправильным по форме. Зато по великолепию и прочности постройки он был в высшей степени замечателен. Построен он был на горе Мория: гору с одной стороны срыли, а с другой расширили. Еще во времена римлян удивлялись огромной стене в четыреста локтей вышиной, которая была сделана из камней, связанных железными креплениями. По образцу египетских построек храм имел множество флигелей, служивших для хранения десятины, устройства трапезных зал при жертвоприношениях, помещения священников и т. д.

При сооружении храма, продолжавшемся семь лет, Соломон пользовался рабами, которые были потомками оставшихся в стране ханаанитянских народов: гефитян, иевусеев и др. Архитекторами были, в основном, иностранцы, по большей части – жители могущественного г. Тир, славившиеся в то время искусством и прилежанием. Тирянином был и художник, изготовивший обе громадные металлические колонны и сосуды для храма. Тирский царь Хирам, друг Соломона, в силу договора и в обмен на доставляемые ему Соломоном масло и хлеб, послал в его распоряжение и тех жителей Тира, которые рубили и обделявали в Ливане кедровые деревья и сплавляли их в Яффу. Тирским было и золото, переделанное местными мастерами на украшения для храма.

За это золото Соломон уступил тирскому царю 22 незначительных города. Легко можно себе представить, сколько золота израсходовал Соломон, если учесть, что его царствование прославил не один храм Иерусалимский. Соломон построил себе дворец в Иерусалиме, а недалеко от г. Баальбек, у подошвы Ливана – летнюю резиденцию, где вся утварь была золотая. Кроме того, он воздвиг судилище и дворец для супруги, дочери египетского фараона. Знаменит был также его трон из слоновой кости, покрытый чистым золотом; к нему вели шесть ступеней, по обеим сторонам которых стояло 12 львов; трон этот, подобного которому не было ни в одном государстве, являлся, вероятно, тоже произведением чужеземного мастера. Из этого видно, что роскошь не была следствием культурного состояния всего народа, а была потребностью двора и царя, поэтому между правительством и народом со временем должно было обнаруживаться все большее несоответствие.

Что касается торговли, то ее также вел не народ, а царь, притом на собственный счет в союзе с тирским царем, при помощи финикийских моряков, в особенности из Гасион-Гаверской гавани в Аравийском заливе. Торговля эта простиралась до Офира и Тартессуса (в Испании) и доставляла Соломону золото, серебро и другие товары. Он также вел торговлю лошадьми, что было одним из пагубных царских нововведений. До того времени лошади были чужды израильтянам, и коневодство было запрещено Моисеем, допускавшим в будущем избрание царя, но с непременным условием, чтобы он ни в коем случае не держал конницы. Моисей запрещал разведение лошадей отчасти из-за того, что их использование при земледелии было не так удобно, нежели ослов, а отчасти из-за того, что Ханаан, окруженный пустынями и горами, нуждался для защиты в выносливых пехотинцах. Конница требовалась только при дальних, завоевательных войнах, которых Моисей не желал. Но Соломон, вопреки установлению Моисея, завел регулярную конницу из 12 000 всадников и почти 1500 военных колесниц. Конница эта, для которой Соломон содержал двойное количество лошадей, размещалась по городам, где для нее были построены конюшни по египетскому образцу. Так как в то время в Аравии еще не разводили лошадей, то их приводили Соломону из Египта, при том в таком количестве, что он перепродавал их соседним правителям по произвольно высокой цене. Эта сухопутная и морская торговля вместе с данью подвластных народов доставляли царю и его двору все необходимое, составляли главный источник значительных доходов царя, про которого говорили, что он сделал кедровое дерево столь же обыкновенным, как смоковница, а серебро – как простые камни.

7. Разделение царства Иудейского

Несмотря на внешний блеск, во всем государственном и общественном строе признаки упадка проявлялись все больше. На нравственное состояние народа разрушительно действовал пример самого царя, его роскошный образ жизни, в особенности множество, иноземных женщин, оказавшихся при его дворе и настолько завладевших сердцем царя, что он даже позволил им воздвигнуть алтари богам и сам приносил им жертвы. Патриархальный дух, простота в жилище, одежде, пище и питье начали исчезать, все более распространялась развращенность нравов, которая вызывала всеобщее расслабление. В скором времени обнаружилось глубоко укоренившееся недовольство, а в довершение всего – старинная зависть между коленами. В особенности негодовало колено Ефремово на сооружение храма в Иерусалиме, находившемся в области колена Иудина, на потерю значения, которым оно пользовалось, пока киот завета пребывал в Силоме. Во главе недовольных еще при жизни Соломона стал Иеровоам из колена Ефремова. После смерти Соломона (953) против сына его Ровоама вспыхнуло восстание. В прежней столице, Сихеме, собрался народ, и старейшины возложили на Иеровоама поручение передать новому царю сообщение о тяготах народных. «Твой отец, – обратился он к Ровоаму – отягчил иго наше; облегчи его нам, и мы будем тебе послушны». Советники Соломона убеждали Ровоама согласиться, однако новый царь последовал внушениям молодых друзей и дал следующий высокомерный ответ: «Отец мой отягощал иго ваше, я сделаю его еще тяжелее. Он наказывал вас бичами, я буду наказывать вас скорпионами». Эта угроза произвела, как и следовало ожидать, решение о расколе. «Какая наша часть, – говорил народ, – в наследии дома Давидова? Оставь колену Иудину его избранных, а кто принадлежит Израилю, да идет с нами». И с этим народ удалился. Ровоам послал им вслед посла, но тот был побит камнями, и сам царь едва успел скрыться на колеснице в Иерусалим. Здесь он был признан царем 2 коленами – Иудиным и Вениаминовым. Остальные же 10 колен, принявших название Израиля, провозгласили царем Иеровоама.

8. Царства Израильское и Иудейское до падения первого (953–721 гг. до н. э.)

Когда царство израильское выделилось из общего царства иудейского, первой заботой Иеровоама было доставить государству независимое, самостоятельное существование. Но для этого Иеровоаму недостаточно было провозгласить столицей г. Сихем в области колена Ефремова как самого могущественного из всех десяти колен – он должен был уничтожить значение Иерусалима как хранителя кюта завета и центра, куда стекался народ на главные праздники. Чтобы достигнуть этого, он воздвиг в Вефиле и Дане двух золотых тельцов, которые должны были символически изображать Иегову, выведшего евреев из Египта. Это было необходимо еще и потому, что из-за отдаленности Иерусалима следовало создать для десяти колен нового государства центр общенародного богослужения. Для этих языческих жертвенников был воздвигнут храм, а в жрецы были поставлены лица, выбранные народом. Левитов Иеровоам из числа жрецов исключил: они воспротивились такому богопротивному делу и находились в слишком тесной и опасной для него связи с царством иудейским.

Тогда многие левиты и благочестивые израильтяне переселились в Иудею. Сам Ровоам и его преемник Авий терпимо относились к чужим богам и для поклонения им позволяли воздвигать идолов, отводили им священные дубравы, но все-таки государство иудейское, благодаря храму и кюту завета, всегда считалось местопребыванием истинного служения Иегове. Бесспорно, обладание укрепленной столицей и сокровищами храма сильно способствовало равнозначности царства Иудейского более обширному и более населенному царству Израильскому. Но оба государства непрерывно враждовали между собой и для достижения перевеса друг над другом прибегали к иноземной помощи. Такая политика привела в конце концов к совершенному падению обоих государств и прежде всего сделалась губительной для царства Израильского, как имевшего более опасных соседей.

Государи царства Израильского были большей частью идолопоклонники. Худшим был Ахав (875–833) с женою Иезавелью, дочерью тирского царя. По ее требованию Ахав приказал построить в Самарии храм тирскому божеству Ваалу, а другой храм – богине Астарте; при первом храме состояло 450, а при втором – 400 жрецов. Священников Иеговы и пророка Илию, пришедшего в святое негодование, он преследовал с необыкновенной яростью и принудил бежать в пустыню и скрываться в пещерах. За это Ахава постиг суд Божий – на него напал сирийский царь Венадат I. Хотя Ахав нашел в иудейском царе Иосафате союзника, но в сражении при Рамофе был смертельно ранен. Воины его бежали, Иосафат спасся вместе с ними.

Сын Ахава Иорам также испытал нападение сирийцев. Войну против него вел Азаил, убивший Венадада и захвативший власть в Сирии. И на этот раз царь иудейский Охозия пришел на помощь царю израильскому. В сражении при Рамофе Иорам был ранен и удалился для лечения в Изреель. Через некоторое время страж с башни уведомил его о быстро приближающемся отряде. То был Ииуй, самый уважаемый военачальник в израильском войске. Иорам выехал ему навстречу с гостем Охозией. «Приносишь ли мир?» – закричал Иорам Ииую. «Какой может быть мир? – возразил Ииуй, – когда нечестие твоей матери Иезавели все растет». Тогда воскликнул Иорам: «Измена, Охозия!» – и велел повернуть колесницу и пустить коней во всю прыть в обратный путь. Но Ииуй поразил Иорама стрелой в спину, острие стрелы пронзило ему сердце, и он мертвый опрокинулся в колеснице, а Охозия помчался дальше. Погоня настигла и Охозию; смертельно раненный, он умер в Мегидде. Ииуй овладел бы и Иудейским царством, если бы мать Охозии, Гофолия, не захватила бразды правления и

не держала их крепко. Иезавель, по приказу Ииуя, была выброшена из окна, и труп ее был съеден собаками, как предрек о том Илия.

При Ииуе и его преемниках для Израильского царства наступили лучшие времена. Казалось, оно отдохнуло и начало собираться с новыми силами. При четвертом царе из рода Ииуева Иеровоаме II (790–749) удалось даже снова отнять у сирийцев целую область к востоку от Иордана. За этими победами следовал довольно продолжительный период мира и спокойствия. Снова расцвело земледелие, оживилась торговля, а в столице Самарии воцарились, как и прежде, роскошь и великолепие. Но на востоке поднимался враг еще страшнее сирийцев – новоассирийцы. При новой могущественной династии они возобновили ту завоевательную политику, которую вел великий Туклат-хабал-азар I. Ассирийские цари каждый год выступали на войну из новой столицы, Калаха, построенной на левом берегу Тигра. Первым великим завоевателем был Асур-назир-хабал (883–835). Безжалостно грабя и опустошая все, он дошел до Средиземного моря. Оказавших сопротивление умерщвляли, пленных распинали на кресте. Придя в Ливан, ассирийцы нарубили множество кедров, сосен и кипарисов, послали в Ниневию и соорудили из них храм богине Астарте. Асур-назир-хабалу наследовал сын его Салманассар III. Он покорил Кархемиш и вступил в долину Оронта, где сирийский царь с приближенными должен был присягнуть ему в верности.

Если царство Израильское было в состоянии обороняться от сирийцев, то от ассирийцев защиты не было. В 1-й половине VIII в. их могущество пало, но только на время. Тиглат-хабал-азар II (745–727) снова вывел ассирийцев из долголетнего расслабленного состояния, указал им путь к победам за пределами отечества и повел дальше, чем кто-либо из предшественников. В Библии он называется сокращенно Фулом, а также Тиглат-Пилезаром. Примерно в это время сирийский царь Рецин напал на иудейского царя Ахаза. В союз с Рецином вступил израильский царь Факей. Они оба выступили против Ахаза и разбили его в двух сражениях. «Тогда душа царя и душа народа его трепетали, как деревья в дубраве, колеблемые ветром», – так говорится в Библии о том времени. В этом бедственном положении, вопреки предостережению пророка Исаяи, Ахаз обратился за помощью к ассирийцам. Он взял из храма сокровища и послал их в виде дани ассирийскому царю.

Тиглат-хабал-азар II с радостью воспользовался этим случаем, чтобы завладеть Палестиной. Северные и восточные колена, и прежде наполовину разоренные сирийцами, в 734 г. были совершенно уничтожены ассирийцами, и бо́льшая часть народа была уведена в Ассирию. Затем Тиглат-хабал-азар двинулся против Дамаска. После двухлетней осады город был взят, Рецин умерщвлен, 8000 жителей уведено в плен, а Сирия обращена в ассирийскую провинцию. Среди 25 царей, вынужденных посылать дань завоевателю, находился и Ахаз, который, кроме того, должен был почитать ассирийского царя как избавителя.

В 727 г. в Калахе умер Тиглат-хабал-азар. Сразу же во всех только что завоеванных странах вспыхнуло восстание. Израильское царство с царем Осией также попыталось сбросить с себя ассирийское иго. Но когда энергичный преемник Тиглата Салманассар V (726–721) вновь подчинил себе Финикию и Сирию, и Осия перестал сопротивляться и отказываться платить дань. Рассчитывая, что Египет должен с беспокойством смотреть на приближение ассирийцев к его границам, Осия вступил в тайные переговоры с египетским царем Сабакком в надежде встретить у него понимание и не ошибся. Царь Сабак обещал ему помочь, причем дал себя убедить, что было бы целесообразно противопоставить полчищам ассирийцев оплот из маленьких государств – финикийского, иудейского и филистимлянского. Но переговоры с Египтом не укрылись от зоркого взгляда Салманассара V. Он потребовал Осию к себе, приказал бросить его в темницу, где тот и умер. Затем ассирийское войско наводило царство Израильское и осадило Самарию. Сабак оставил израильтян на произвол судьбы. Только тирский царь Лулий поднялся против ассирийцев. Оставив у Самарии часть войска, Салманассар с остальной частью направился против него. Но г. Тир, находившийся на ост-

рове, насмехался над всеми его усилиями. Осада Тира и Самарии продолжалась почти 2 года. Салманассар умер. Его преемник Сарукин лично явился со свежими войсками в стан под Самарией и принудил город сдаться (721): тот был разграблен, а все жители уведены в неволю в Ассирию. На их место явились новые поселенцы – пленные халдеи и сирийцы. Из оставшихся там израильтян и новых переселенцев образовался смешанный народ – самаритяне.

С падением царства Израильского уничтожилась последняя преграда, разделявшая между собой великие державы того времени, Ассирию и Египет, и неизбежность кровавого столкновения между ними составляла только вопрос времени.

9. Падение Ассирийского царства. Царства Ново-Вавилонское и Индийское

Ассирийское царство гигантскими шагами достигло вершины могущества. Сарукину наследовал сын его, могущественный Санхериб (704), ему – сын его Ассаргаддон (681), который именовался царем Ассура и повелителем Вавилона. Столицами его одновременно были Ниневия, Калах и Вавилон. Военные успехи Ассаргаддона превосходили даже успехи его предшественников. Он не только отвоевал потерянную Санхерибом Сирию, но и возобновил войну с Египтом, где в то время в Фивах господствовали эфиопы, а в Дельте (Нижнем Египте) боролись между собой за власть Саиская и Танаисская династии. Постоянно возрастающие успехи эфиопского царя Тиргака (693–666), подчинившего своей власти дельтские династии, беспокоили ассирийского властителя, и он решил сам начать против него наступательную войну. Тиргак, войдя в союз с правителями финикийскими и Иудеей, стал у Аскалона. Здесь напал на него Ассаргаддон и одержал над ним победу (673). В союзе с аравитянами, обязавшимися держать в готовности вдоль всего пути запасы воды, Ассаргаддон так же счастливо перешел Аравийскую пустыню, преследовал эфиопов через перешеек, разбил их еще раз и вступил победителем в Мемфис. Он завладел тамошними сокровищами и направился далее к Фивам, которые также разграбил. Затем, по ассирийскому обычаю, поставил наместниками 20 незначительных правителей, а царя Нехао I из Саиса назначил главою этого союзного государства, обязанного платить ему дань. В память о победе Ассаргаддон повелел вырезать на скале рядом с победоносным изображением Рамзеса II пространную надпись. В надписи этой, насколько позволяет разобрать ее изувеченный вид, повествуется о победе его над Тиргаком и взятии приступом Мемфиса; самого себя он именует царем Египта, Фив и Эфиопии. По примеру предшественников Саргона и Санхериба Ассаргаддон также воздвиг в Ниневии и Калахе величественные здания.

Одновременно строительству Тиргак вновь вторгся в Египет и отнял Мемфис. Ассаргаддон передал правление сыну Ассур-бан-хабалу, который немедленно выступил против Египта (667). Он встретился с египетским войском при Карбаните и обратил его в бегство. Введенное Ассаргаддоном государственное устройство восстановилось, и Ассур-бан-хабал вернулся в Ассирию. Но сын Тиргака Урд-Амен вторично овладел Мемфисом и приказал казнить Нехао. Тогда Ассур-бан-хабал лично явился в Египет и истребительной войной положил конец завоеваниям эфиопов. Фиванское население увели в рабство; золото, серебро, драгоценные ткани как военную добычу увезли в Ниневию. Урд-Амен спасся бегством и бесследно исчез. Так Египет стал государством, подвластным ассирийцам.

Но едва спокойствие восстановилось в одной части государства, его нарушили в других. Уртаки, правитель Элама, находившегося к востоку от Тигра (столицей Элама был г. Суза), и родной брат Ассур-бан-хабала Сауд-массал-иукин – наместник вавилонский – восстали против него (650). Тотчас же поднялись и другие подвластные правители: аравитян, сирийцев, лидийцев. Лидийский царь Гигес (680–645) перед этим добровольно присягнул ассирийскому царю. «Именно этот самый Гигес, – говорит Ассур-бан-хабал в одной клинописной надписи, – послал помощь Псамметиху, царю Египта, сбросившему с себя иго моей власти». Из этой надписи видно, что и Египет при Псамметихе был среди государств, примкнувших к обширному восстанию против ассирийского царя. Но Ассур-бан-хабал разбил соединившихся вавилонян, эламитов и аравитян и разграбил их города. Вавилон после долгой блокады был вынужден к сдаче голодом: жители уже ели мясо своих детей. Сауд-массал-иукин попал в руки царя и был по его приказанию сожжен. Один из вавилонских военачальников, Набу-бель-суме, чтобы не попасть живым в руки царя, приказал вознице себя умертвить. Но труп его был выдан ассирийскому царю. Тот велел его обезглавить, голову

засолить и повесить на дереве в царском саду в Ниневии. На одном из барельефов, хранящихся в Британском музее, можно видеть Ассур-бан-хабала: он окружен женами и пирует перед этим страшным трофеем. Ассирийцы долго и беспощадно опустошали Элам. В 645 г. до н. э. сама Суза, прозванная великим городом и местопребыванием богов, была уничтожена, изображения богов и статуи эламских царей увезли в Ассирию, а жителей Элама расселили по всему государству. Так исчез с исторической сцены Элам – древнейшее государство Передней Азии. Так как Ассур-бан-хабалу не удалось вновь завоевать Египет, Псамметих, благодаря своей энергии, мог теперь на развалинах древнего Египта воскресить новый. В Ассур-бан-хабале отразились все хорошие и дурные качества ассирийских правителей: деятельность и мужество с одной стороны, и жестокость – с другой. Из-за такого сочетания ассирийское государство, вознесшись на недостижимую высоту, круто низринулось в бездну.

В 626 г. Ассур-бан-хабал умер, и после непродолжительных беспорядков ему наследовал сын его Ассур-идиль-или. Против него восстал Киаксар, объединивший в горной стране Иране мидийские племена и освободивший Мидию от вторгшихся в нее скифов. Затем Киаксар соединился с вавилонским наместником Набо-полассаром и заключил с ним наступательный и оборонительный союз. Вследствие такой измены ассирийский царь вернулся в Ниневию и, не видя более никакого спасения, чтобы не попасть в руки врагов, сжег себя в своем укрепленном замке (625). Ниневия была разрушена, и ассирийское государство прекратило существование. Киаксар взял себе собственно Ассирию, а Наболаassar – Вавилон, Месопотамию, Сирию и Палестину. Так на развалинах Ассирии возникло два великих государства: Ново-Вавилонское и Мидийское. Их главными городами были Экбата на, Газа, Фрата и Бактра.

10. Падение царства Иудейского

Царство Иудейское было счастливее царства Израильского тем, что вообще имело более способных правителей. Вследствие этого падение Иудеи задержалось более чем на 130 лет. Среди иудейских царей выделяются: Иосафат (909–884), уничтоживший идолопоклонство, устроивший правильный и справедливый суд и отбивавшийся от нападений моавитян и аммонитян, а также сирийцев; и Азария (810–758), современник Иеровоама II. В свое долгое правление Азария возвел царство Иудейское к такому благоденствию, что пророки не могли вознести достаточной хвалы великолепию городов и дворцов, величественным крепостям, изобилию золота и серебра; но в то же время они выражали негодование роскошью одежд и женских украшений, излишествами в пище и питье, господствовавшими в его время.

Но при безбожном Ахазе (742–726), «предавшем огню» (принесшем в жертву Молоху) собственного сына, началось падение Иудейского царства. Пагубное решение Ахаза призвать себе на помощь ассирийцев привело к тому, что те роем пчел облепили его страну. Он даже радовался, когда ему удалось данью склонить могущественного Тиглатха-бал-азара, чтобы тот отпустил его домой.

Его благочестивый сын Езекия равно воздерживался от всякой враждебности к ассирийцам. Он отнесся с полным равнодушием к продолжительной осаде и падению Самарии. Но едва был убит Сарукин (704), Езекия немедленно стал на сторону мятежников, восставших в Финикии и снова рассчитывавших на помощь Египта. Тогда сын Сарукина, Сеннхерим (704–681), послал сильное войско против Иерусалима. Сам он с главными силами направился против египтян. Военачальник Сеннхерима Рапсак указывал Езекии, что, понадеявшись на Египет, он уподобился человеку, желающему опереться на надломленный ствол тростника, склоняющийся от первого к нему прикосновения. Однако Езекия, по совету пророка Исаяи, решил сопротивляться. «И в ту же ночь, – говорится в Библии, – совершилось чудо: ангел Господень снизошел с неба и поразил в стане ассирийском 185 000 человек». По другим свидетельствам, ассирийское войско в походе по Дельте было наполовину истреблено чумой, затем эфиопский царь Тиргак напал на него и обратил в бегство. Сеннхерим возвратился к себе в Ассирию через Иудею, снял осаду Иерусалима и более не показывался в Палестине. Для Иудеи, как в лучшие дни Соломона, наступили времена мира и благоденствия.

Однако безбожный сын Езекии Манассия правил так же дурно, как дед его Ахаз. Идолопоклонство, в особенности поклонение Ваалу и Астарте, а также человеческие жертвоприношения были повсюду в полной силе. При Иосии (640) началось было некоторое улучшение. К его величайшей радости, тогдашний первосвященник Хелкия и законник Сафан сделали важную находку: при обновлении храма они отыскали «Книгу закона». Когда царь прочел страшные угрозы Иеговы против тех, кто «оставили его и кадили другим богам», он от ужаса разорвал на себе одежды и со всей энергией принялся за искоренение идолопоклонства и восстановление истинного богослужения. Но политическая роль Иудеи уже близилась к концу.

Как раз тогда на месте Ассирии при Набополассаре и сыне его Навуходоносоре начало возвышаться царство Ново-Вавилонское. В то же время Египет при Псамметихе около 650 г. до н. э. снова освободился от ассирийского ига, наложенного на него Ассаргаддоном, и достиг выдающегося положения. Поэтому состояние Иудеи стало хуже прежнего. Находясь как раз между двумя могущественными державами, она могла быть раздавлена ими.

Сын и преемник Псамметиха фараон Нехао II (670) задумал воспользоваться минутной слабостью ново-вавилонского государства при состарившемся Набополассаре и, следуя примеру великих фараонов, Сефа I и Рамзесов I и II, перенес военные действия в Сирию.

Весной 608 г. он оставил Мемфис и двинулся к Евфрату по старой военной дороге. Когда он проходил долину Изреельскую, ему навстречу вышел царь иудейский Иосия. Сражение произошло при Мегидде. Иудеи не смогли выдержать натиска многочисленного и хорошо обученного войска египтян. Сам Иосия погиб. Нехао, не заботясь более об Иудее, продолжал путь дальше на север и овладел Сирией. На обратном пути он посадил на иудейский престол второго сына Иосии Иоакима.

Но владычество Нехао над Сирией и Палестиной продолжалось лишь до тех пор, пока против египтян в 605 г. до н. э. не выступил Навуходоносор. Недалеко от Кархемиша, на берегах Евфрата, произошла решительная битва. Нехао потерпел жестокое поражение и отступил в Египет. Навуходоносор не преследовал его, а поспешно направился в Вавилон, где, как он опасался из-за смерти отца Набополассара, могли возникнуть беспорядки и появиться какой-нибудь претендент на престол. Поэтому он отложил на время подчинение себе Иоакима и других мелких владетелей. Через 5 лет после битвы при Кархемише Нехао, успевший оправиться от тяжелого поражения и затаивший мысль об отмщении, убедил Иоакима отложиться от Навуходоносора. Иоаким вскоре умер, а явившийся туда опять Навуходоносор отбросил египтян к их границам и на обратном пути наказал иудейского царя Иехонию, вступившего на престол после Иоакима. В 597 г. Иерусалим был окружен со всех сторон и должен был отворить ворота неприятелю. На этот раз Навуходоносор пощадил Иерусалим, но оставшиеся в нем сокровища и храмовые сосуды были разграблены; молодой царь с матерью Некустой и знатнейшими жителями, воины и разного рода мастера и рабочие числом 7000 были уведены пленными в Вавилон. Царем победитель поставил 4-го сына Иосии Седекию.

Четыре года уже сидел Седекия на престоле иудейском, когда явились к нему послы царей сидонского и тирского и принялись искушать его изменой. Прибыли также послы аммонитян, моавитян и эдомитян. Они надеялись соединенными силами свергнуть ненавистное вавилонское иго. И на этот раз пророк Иеремия ревностно предостерегал от восстания. Но когда египетский фараон Хафра обещал помощь, иудеи восстали (589). Египетская помощь пришла слишком поздно. Навуходоносор налетел, подобно урагану, на Иерусалим и осадил его. Попытка египтян освободить город была отбита. Иерусалим был стеснен до невозможности, иудеи защищались с величайшим упорством и храбростью. Но нужда в городе увеличивалась с каждым днем. К страшным потерям убитыми и ранеными в сражениях добавились чума и голод. Однако царь и его советники оставались непреклонны и, не обращая никакого внимания на благоразумные советы Иеремии, решили защищаться до последнего. Наконец, после полуторагодовой осады, вавилонянам удалось взять приступом северную часть города, а затем оттуда постепенно завладеть и остальными его частями. Седекия бежал, но был настигнут близ Иерихона. Несчастному народу пришлось вынести ужасное наказание. В присутствии Седекии были казнены его сыновья и высшие иудейские сановники; самого Седекию ослепили, в оковах отвели в Вавилон и там заключили в темницу. Иерусалим был предан огню и мечу. Первосвященник Сераия и множество именитых граждан также были казнены. Так свершилась судьба иудейского царства. Иудеи потеряли все, кроме надежды: «на реках вавилонских сидели они» и ожидали времени, когда пробьет последний час и для царства вавилонского. Лишь немногие бедняки остались в городе. Среди них находился и пророк Иеремия. Победитель отличил его особой милостью и позволил ему самому избрать себе местопребывание. Иеремия решил, что лучше остаться с осиротевшими согражданами в отечестве, чем следовать за изгнанниками на чужбину. Но злая судьба его народа не дала ему воспользоваться тем, что дозволил ему победитель. Когда неприятель удалился, спасшиеся бегством вернулись в Иудею и в городке Массифе убили вавилонского наместника, поставленного над оставшимися жителями Навуходоносором, и бывших при нем воинов. Это убийство повергло в ужас несчастный народ и, страшась,

что гнев вавилонского царя не пощадит и невинных, он бежал в Египет, несмотря на увещания Иеремии. Будучи не в силах убедить беглецов, сам пророк последовал за ними, чтобы не оставлять соотечественников. В Египте, как и в плену вавилонском, Иеремия и другие, следовавшие за ним пророки старались удерживать иудеев от принятия иноземного идолопоклонства и поддерживать в них сознание, что они, будучи народом избранным, должны живо сохранять дух веры и Моисеевы законы. Только при соблюдении этих условий, возвещали пророки, Иегова не вечно будет на них гневаться, снова возвратит их из изгнания в отечество, а из рода Давида, царствование которого было в воспоминаниях иудеев высшим идеалом, произойдет новый блистательный и могущественный владыка мира. Эта идея, принявшая в народном сознании образ будущего Мессии, осуществилась гораздо позже и в ином смысле. Надежда же на возвращение на родину исполнилась менее чем через сто лет благодаря переменам, испытанным Азией при персидском царе Кире.

III. Арийцы

1. Общие сведения

От культурных народов семитского происхождения (египтян, евреев, ассирийцев и вавилонян) перейдем к народам арийского племени. Колыбелью их можно считать Центральную Азию – горную страну нынешнего Тибета. Отсюда арийцы (индоевропейцы) переселились частью в Иран и далее на запад, на Балканский и Италийский п-ва и дошли до берегов Атлантического океана, Северного и Балтийского морей; частью – в долины Инда и Ганга. По культуре прежде других (впрочем, позднее египтян мемфисского периода) выделились племена, занявшие горную страну Иран, и племена, поселившиеся в долине Инда и Ганга. Первые известны под именем арийцев; вторые, индийские арийцы, называются индусами.

2. Иранские арийцы, или зендский народ

Народ этот переселился из Тибета в Иран, на плоскогорье между Индом и Тигром, в особенности – в его плодородную часть, и основал там жреческое государство. О судьбах этого государства в древнейшие времена до нас не дошло почти ничего исторически достоверного. Гораздо лучше известно его культурное состояние. Сохранились большие отрывки из собрания священных книг, заключающих в себе систему религиозных, нравственных и правовых понятий.

Это собрание книг называется «Авеста» и написано на зендском языке. Составителем «Авесты» считается Заратустра (Зороастр). Учение его возникло приблизительно за 1000 лет до н. э. в стране Бактрии, откуда постепенно и распространило господство. Основные начала воззрений Заратустры заключаются в том, что существуют два царства: света и тьмы. Бог света зовется Ормузд; он стоит во главе добрых духов, помогающих в управлении вселенной. Ормузд сотворил мир словом своим. Но в самый день сотворения мира против него выступил злой бог тьмы Ариман, чтобы с помощью греха и преступления нарушить гармонию вселенной. Ему служат злые духи. Но стоит твердо противостоять этим вредным разрушительным демонам, чтобы побеждать их могущество. Происходит это с помощью жертвоприношений, совершаемых жрецами. В конце концов могущество злого духа будет совершенно уничтожено, смерть уступит место жизни, тьма – свету. Ариман вынужден будет признать первенство Ормузда, и после долгой жестокой борьбы между этими силами наступит гармония и во вселенной воцарится всесовершенство.

Ормузд не имел ни статуй, ни даже святилищ или алтарей; лишь на вершинах возвышались так называемые пиреи – храмы огня, в которых из поколения в поколение жрецами-магами поддерживалось священное пламя. Главным жертвенным животным был олень; приносили в жертву также и рогатый скот, коз и овец. После того, как готовили и раздавали присутствующим хаому (род опьяняющего напитка), жрец убивал животное, клал части его перед священным огнем, но не в огонь, ибо подобное соприкосновение осквернило бы священное пламя. Церемония завершалась пиршеством, на котором вкушали жертвенное мясо.

Борьба Ахура-Мазды с Анхара-Майнью.
Барельеф из дворца Дария I. V в. до н. э. Персеполь

Тела людей после смерти не сжигались, не погребались и не бросались в реку: при этом осквернялись бы огонь, земля или вода. Имелось два способа освобождаться от трупов, не нарушая чистоты этих трех стихий. Можно было покрывать труп воском и затем предавать земле; при этом восковая оболочка уничтожала осквернение, которое произошло бы от непосредственного соприкосновения с землей. Можно было также выставлять труп на открытый воздух и оставлять на растерзание птиц или хищных зверей. Для этой цели кладбищами служили большие круглые башни. Пробыв три дня вблизи брэнной оболочки, душа на рассвете четвертого дня покидала ее и отправлялась на место страшного суда. Гений Расну взвешивал на весах ее добрые и дурные дела и, смотря по тому, что перевешивало, объявлял ее свободною или осуждал. Потом душу приводили к мосту Цинват, ведущему в рай, но простиравшемуся над преисподней. Если душа была грешна, она не могла перейти мост и низвергалась в бездну, где доставалась в рабство Ариману. Если же она оказывалась непорочна, при помощи ангела Краосха переходила мост без труда. Там ее принимал ангел Вохумано, который ставил ее перед престолом Ормузда и указывал место, где ей следовало пребывать до воскресения мертвых. От восточно-иранских арийцев все эти религиозные представления и учреждения, в особенности поклонение огню и небесным светилам, перешли к соплеменным им мидянам, а от них – к персам.

3. Индийские арийцы, или индусы

При расселении арийцев по роскошным и богатым всевозможными тропическими плодами равнинам Инда и Ганга часть первобытных жителей, называвшихся «шудра», отступила в южные области п-ва Декан и в дикие неприступные горы. Другая часть покорила победителям и, хотя сохранила жизнь и свободу, должна была терпеть всякого рода унижения. Эта часть первобытных жителей имела темный цвет кожи, поэтому светлокожие пришельцы с самого начала переселения стали обращаться с ними не только дурно, но и с презрением. Тем самым образовавшиеся 2 класса населения заняли в отношении друг друга определенное и совершенно различное положение: арии с одной стороны и шудра – с другой. В свою очередь, арии распределились на 3 сословия: воинов, жрецов и земледельцев. Шудра оказались совершенно исключенными из всякого общения с этими тремя сословиями. Высшим сословием были жрецы – их называли браминами. Они ближе всех стояли к Бrame – душе света, совершенному существу. С помощью священнодействий, жертвоприношений и молитв брамины являются как бы посредниками между небом и землей. По учению браминов, из Бrame – безличной души света, произошел личный Брама – высшее божество. А уже от него пошли другие боги: Индра – бог грозы и бури, Агни – дух огня, Яма – бог ночи и смерти, Баруна – бог океана, Рудра – отец ветра, затем духи воздуха, далее святые и чистые люди и местности в том порядке, в каком они находились близ святости Бrame. За людьми следовали различные породы животных, деревья, растения, камни и т. д.

Такой отвлеченный, добытый философским умозрением бог не мог долго удовлетворять народную массу. Поэтому живое воображение индусов, старавшееся представить видимый и осязаемый образ божества и найти объяснение действующим силам природы, создало рядом с Бrameй еще двух главных богов: Вишну и Шиву. Вишну считался богом света; он проявляется в солнце, молнии, огне и приносит счастье. От него зависит зарождение и размножение: он производит в определенное время дожди и разливы рек. Напротив, Шива воплощает разрушительную силу природы. Поэтому он носится в урагане и опустошительной грозе. После его гнева Вишну посылает оплодотворяющие ливни, которые возвращают к жизни растения и радуют людей после нестерпимой засухи.

Жрецы объясняли, что Брама сначала выпустил из уст жрецов; потом из рук его вышли кшатрии (воины, высшие чиновники), из бедер – вайшьи (земледельцы) и, наконец, из ног – шудра. Подобное толкование не позволяло противиться такому разделению сословий – это было бы сопротивлением божественному порядку вещей. Поэтому никакой переход из одного сословия в другое и никакое смешение между ними были невозможны. Сословия застыли и превратились в касты. Совершенно отверженными и глубоко презираемыми остались потомки темнокожих первобытных жителей – парии, найденные переселившимися арийцами в диком состоянии. От них, вероятно, происходят и цыгане.

Однако жрецам потребовалось много времени, чтобы утвердить преимущества над 2 другими кастами. Для этого они прибегали к страшным угрозам: в самых ярких красках изображали народу муки, ожидающие каждого, кто не повинуется их предписаниям. Кроме низвержения в ад и адских мучений, самое глубокое впечатление производила угроза переселения душ и непрерывного воплощения в телах животных и людей. Совершив незначительный проступок, человек рождался вновь слоном, шудрой, львом, тигром, птицей или пясуну. Совершивший страшное злодеяние, в зависимости от степени виновности промучившись сто или тысячу лет в аду, должен был пройти 21 возрождение от разных животных, прежде чем увидеть свет. Проливший кровь брамина осуждался в аду на растерзание хищными зверями на столько лет, сколько пылинок коснется пролитая кровь. Душа человека, убившего брамина, возрождалась в телах самых презренных животных: собаки, осла, козла.

Около 1350 г. до н. э. жрецы собрали постановления религии, общежития и права в книге, которая называется «Веды» (знания). В ней прежде всего излагались богослужебные и жертвенные обряды. В жертву богам главным образом приносились: сома – по-особому приготовленный сок горного растения, которому индусы придавали таинственное значение; рис, молоко и масло. Всякое правильно совершаемое жертвоприношение должно было производить магическое действие настолько, насколько приносящий жертву приобретал при этом божественную сущность.

Затем следовали подробнейшие предписания относительно чистоты и выбора кушаний и напитков. Все предметы, которых касается человек, могут быть нечистыми, поэтому перед употреблением все должно быть очищено. В особенности тягостны были постановления о кушаньях. Поскольку в каждом животном могла находиться душа какого-нибудь умершего, даже друга, родственника или предка, брамины вообще запрещали мясную пищу. Но они не могли вполне укоренить это в народном сознании, потому ограничились строгим запретом есть мясо рогатого скота: корова почиталась священным животным, и ее молоко и масло должны были приноситься в жертву богам. Брамины рекомендовали есть молочную и растительную пищу, за исключением лука и чеснока. Таким образом они могут считаться родоначальниками вегетарианства.

Тот, кто осквернялся запрещенным кушаньем или совершал иной проступок, должен был, не ожидая наказания по суду, сам наложить на себя епитимью, соответствовавшую важности проступка и состоявшую в тысячекратном повторении молитв, посте, самобичевании и даже добровольной смерти. Съев запрещенное кушанье, человек должен был 30 дней есть только рис. Умышленно напившись – должен был пить кипящий рисовый отвар, пока тот не сожжет ему внутренности, и лишь тогда грех его будет искуплен. Кто неумышленно убивал корову, тот обязан был обрить себе голову, завернуться, как в плащ, в шкуру убитого животного, пойти на выгон, поклониться там коровам и прислуживать им. Если кшатрий намеренно убивал брамина, он должен был дать себя застрелить стрелой из лука или три раза броситься головой в огонь, пока не умрет.

Для браминов все эти предписания и запрещения были еще усилены. Их обязанности были изложены с такими подробностями, что определялось даже, в каком положении они должны принимать пищу, какими частями руки и пальцев совершать омовения, как должны вести себя во всех случаях жизни, в дороге и т. д., чтобы не утратить чистоты и святости. Самым похвальным делом для жреца было вообще удалиться из этого нечистого мира в уединение и там суровым покаянием и самобичеванием очиститься от всего земного. Целью такого религиозного отречения от всех чувственных наслаждений, умерщвления плоти, удаления от мира в уединение пустыни является не только внешнее очищение, но и очищение души: она, освободившись от оков чувственности, получает возможность вернуться к божественному источнику – Бrame. Поэтому, говорили жрецы, тело следует всеми средствами подчинять господству души; чувственная, материальная сторона человеческой сущности должна быть преодолеваема духом, в случае необходимости – до полного уничтожения. Людям, благоговевшим перед подобными воззрениями, следовало постепенно терять самостоятельность суждений, отвагу и энергию; они, собственно говоря, жили не для этого мира, а для будущего, для загробной жизни. Таким образом, тем, кто захватил власть, уже нетрудно было ее удерживать: не было никого столь смелого, чтобы оспаривать у них эту власть. Вследствие этого в индийских государствах образ правления был деспотическим. Цари пользовались божескими почестями, ибо полагали, что в них обитает божество. Цари происходили не из касты жрецов, а из кшатриев, которые были обязаны покровительствовать остальным сословиям. Однако советниками царя в основном являлись брамины. Царь был высшим всеобщим покровителем и судьей, он награждал добрых и наказывал злых. Он обязан был поддерживать существующий порядок строгим соблюдением его и устрашением

преступников соответствующими наказаниями. В трудных случаях, если до истины невозможно было добраться ни фактами, ни свидетельскими показаниями, ни присягой, царь прибегал к божьему суду. Брамины, женщины и дети, старики и больные испытывались весами, кшатрии – огнем, вайшьи – водой, шудры – ядом. Если испытываемый при вторичном взвешивании оказывался легче, нежели при первом, если раскаленное железо, пронесенное в семи шагах от испытываемого, оставляло на нем ожог, если выпитая святая вода причиняла ему вред, а от принятого яда он заболел, это служило бесспорным доказательством виновности.

Вследствие замкнутого устройства каст, жестокого деспотизма, тяжких наказаний и обетов, население стонало под невыносимым гнетом, а земля представлялась людям юдолью плача. Такое положение вещей неминуемо должно было возбудить в глубокомыслящем человеке вопрос, может ли такая печальная судьба быть непреложным уделом человечества? Поставил этот вопрос Гаутама Будда (просвещенный), живший в конце VI – начале V в. до н. э. Противопоставляя свое учение догмам браминов, он проповедовал равенство всех людей на земле. Он говорил, что нужно облегчать страдания друг друга, помогать переносить неизбежное в мире зло. Это достигается сострадательной деятельной любовью, непрерывно проявляющейся в делах милосердия. В гуманности по отношению к людям и животным он заходит так далеко, что говорит о непозволительности убивать любое живое существо. Совершивший грех нуждается не в мучительных наказаниях, а в чистосердечном, глубоком раскаянии. Одно древнее изречение так выражает сущность нравственного учения Будды: «Оставление всего злого, исполнение всего хорошего, укрощение собственных мыслей».

С новым учением Будда обратился непосредственно к народу. Он выступал публично, на открытых площадях и говорил не на непонятном священном санскрите, а на языке самого народа. Именно поэтому у него было много последователей: народ восторгался человеком, так кротко и смиренно выражавшем соболезнование и жалость к униженным труженикам и столь не похожим на гордых и надменных браминов. Неудивительно, что его считали одним из воплощений Вишну. Но он не избежал преследования даже со стороны родных. Положение браминов было слишком прочным, чтобы его мог поколебать буддизм, – особенно потому, что они в угоду народу низвергли старого Брахму и провозгласили высшим божеством Шиву. Основы учения браминов и поныне незыблемы в Индии. Учение же Будды кровавыми преследованиями было вытеснено с родины на другую сторону Ганга, далее на о. Цейлон, в Китай и Японию; оно стало там твердою ногою и в настоящее время насчитывает много миллионов последователей.

В Индии, управляемой не менее деспотически, чем Египет, также процветало строительное искусство. До сих пор сохранились высеченные в скалах древние храмы на о-вах Элефанте и Сальсете близ Бомбея. Близ Эллары в гранитном горном хребте на целую милю выдолблен полукружьем ряд храмов, часто – в два яруса, так что крыши нижних храмов, поддерживаемые многочисленными столбами, служат обширным основанием для верхних построек. Заслуживают внимания пагоды – храмовые сооружения с великолепными воротами, башнями, колоннадами, галереями, с примыкающими к ним бесчисленными покоями, устроенными для удобства богомольцев. Все эти постройки несут на себе необыкновенное множество украшений, состоящих из фантастических изображений браминской символики.

Индийская литература дала много выдающихся религиозных и светских произведений. Из них в особенности замечательны «Веды» и собрание законов Ману в 12 книгах, религиозные эпические поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна», а также драма «Сакунтала» поэта Калидасы. Все эти сочинения написаны на санскрите – одном из древнейших индоевропейских языков.

Насколько богаты и обильны источники о культуре древних индусов, настолько скудны достоверные сведения о древнейшей истории Индии. Примерно в середине II тысячелетия до н. э. арийцы переселились на равнины Ганга и основали там 2 главных государства: Куру со столицей Гастинапуром на Ганге, а позже – Панду. Эти государства, по свидетельству «Махабхараты», вели между собой истребительную войну. В конце концов «сыны Панду» победили и овладели Гастинапуром. Одновременно с ними на равнинах Ганга существовали и другие жреческие государства: царство Магада, на юге царство Пандия, на р. Кришне царство Карната. В Пенджабе (области индийского Пятиречья) уже во времена Александра Македонского было два государства – Таксила и Пора. После смерти Александра, в 312 г. до н. э., в царстве Магада явился могущественный государь, которого греки называли Сандракоттом, а индусы Кандрагуптою. Однако в конце концов он пал в борьбе с Селевкидами – преемниками Селевка Никатора, захватившего себе из наследства Александра Македонского все земли от берегов Сирии до р. Тигр.

IV. Персы

1. Мидийское царство при Астиаге

Основателем индийского государства был Киаксар. Он простер владычество до Малой Азии и напал на царство лидийское, находившееся под властью одного из преемников Гигеса – Алиатта (625–568). Шесть лет продолжалась безрезультатная война. Когда войска в очередной раз бросились друг на друга, наступило солнечное затмение, нагнавшее такой ужас на сражавшихся, что они прекратили битву и пожелали заключить мир. Мир был заключен, и границей между мидийским и лидийским государством стала р. Галис. Чтобы еще более упрочить мир, Алиатт выдал свою дочь Ариенис за сына Киаксара – Астиага. Оба государя скрепили дружбу тем, что прокололи, по тогдашнему обычаю друг другу руки и пили вытекшую из ран кровь. Последние годы царствования Киаксара прошли в мире; он умер в 596 г. Когда Астиаг вступил на престол отца, Мидия простиралась от Иранской пустыни до восточного берега Галиса.

Астиаг вел чисто восточную роскошную жизнь. Окруженный многочисленным двором, он охотился в лесах, окружавших его дворцы или тянувшихся на границах пустыни. Воинственные наклонности были ему чужды, и народ его также начал отвыкать от военного дела. Астиаг не имел наследника, поэтому престол ему пришлось передать дочери Мандане или ее детям. Эта дочь была выдана замуж за отцовского подданного персидского князя Камбиза. От этого брака родился Кир, будущий основатель всемирной Персидской монархии.

2. Кир – основатель персидской монархии

О детских и юношеских годах Кира историк Геродот сохранил предание, с помощью которого старался доказать неизбежность судьбы, predetermined человеку и непреодолимость гения, предназначенного для великих подвигов. В 1-й год супружества Камбиза с Манданой Астиагу приснился сон, что из утробы его дочери вырастает виноградная лоза, осеняющая собою всю Азию. Толкователи объяснили этот сон Астиагу в том смысле, что дитя Манданы со временем будет царствовать вместо него. Тогда царь вызвал дочь к себе, чтобы убить дитя, которое она должна была родить. Как только родился Кир, Астиаг позвал к себе Гарпага, верного друга-мидянина, и сказал ему: «Дело, которое я поручаю тебе, исполни со всем усердием и не обмани меня! Возьми мальчика, которого только что родила Мандана, в дом свой и убей его. Затем похорони его, как сам пожелаешь». Гарпаг отвечал: «До сих пор ты не мог найти во мне ничего достойного осуждения, и я остерегусь провиниться перед тобой и в будущем; а так как ты желаешь, чтоб это совершилось, долг мой – послужить тебе в этом со всем старанием». Затем Гарпаг получил ребенка и с плачем отправился к себе домой, где и рассказал жене все, что говорил ему Астиаг. Тогда жена спросила: «Что же ты предполагаешь делать?» Гарпаг отвечал: «Не то, что приказал Астиаг. Я не убью ребенка, как потому, что он мне сродни, так и потому, что Астиаг стар и не имеет мужского потомства. Когда со смертью ребенка правление должно будет достаться дочери, сына которой он хочет умертвить моими руками, чего же останется ждать мне, как не величайшей опасности? Однако ребенок ради моей безопасности все-таки должен умереть; поэтому убийцей его должен быть кто-нибудь из людей Астиага, а не из моих». Сказав это, Гарпаг тотчас послал за одним пастухом Астиага, который, как ему было известно, пас стадо в горах, изобиловавших зверями. Горы эти лежали к северу от Экбатаны, у Черного или, скорее, у Каспийского моря; здесь Мидия очень возвышенна и гориста, а остальные части ее ровны и плоски. Пастух поспешно явился, как было приказано, и Гарпаг сказал ему следующее: «Астиаг приказывает тебе взять этого мальчика и закинуть его в такое место, где горы всего дичее, чтобы он как можно скорее погиб. Сверх того он приказал мне еще сказать, что если ты не убьешь его, а где-либо и каким-либо образом сохранишь, то он поступит с тобою самым жестоким образом. Я сам потом посмотрю, куда ты кинешь ребенка». Пастух выслушал, взял дитя и возвратился с ним в хижину. Между тем жена его была в страшном беспокойстве, ибо не знала, зачем Гарпаг посылал за мужем. Когда пастух вернулся, жена спросила его, зачем так поспешно призывал его к себе Гарпаг. Он отвечал: «О, жена! Прибыв в город, я увидел и услышал там такие вещи, что не желал бы, чтобы они случились с нашим господином. Весь дом Гарпага был полон горя. Испуганный вошел я туда. Войдя в дом, я увидел лежащего ребенка, барахтающегося, плачущего и разодетого в золото и разноцветное платье. Увидев меня, Гарпаг приказал мне как можно скорее взять дитя, унести его и кинуть в такое место, где горы полны диких зверей, прибавив, что Астиаг жестоко разгневается, если я этого не исполню. И я взял ребенка и унес его, уверенный, что он принадлежит кому-нибудь из домашних, ибо никак не мог сообразить, откуда он родом. Однако я удивлялся, что одет он в золото и дорогое платье и что в доме Гарпага стоны и плач. Дорогою я узнал все дело от слуги, провожавшего меня из города и вручившего мне ребенка, а именно: это дитя Манданы, дочери Астиага и Камбиза, и Астиаг приказал умертвить его. Вот он». С этими словами пастух раскрыл ребенка и показал ей. При виде большого и прекрасного дитя жена пастуха заплакала и, обнимая мужу колени, просила не губить его. Пастух возразил, что он не может его оставить: придут соглядатаи Гарпага посмотреть, исполнил ли он приказание, и если узнают, что не исполнил, он сделается несчастным. Когда жене пастуха не удалось упротребить мужа, она сказала ему так: «Если я не могла убедить тебя не губить его, сделай

так, чтобы действительно оказалось, будто его бросили. В отсутствие твое я родила ребенка, но только мертвого. Так возьми его и брось! А мы воспитаем ребенка дочери Астиага как своего. Так тебя не обвинят в непослушании господину и нам самим не будет дурно. Мертвое дитя получит царское погребение, а живое не потеряет жизни». Рассудив, что жена дает очень хороший совет, пастух тотчас с нею согласился. Отдал жене предназначенное к смерти дитя, одел в его платье и положил в ящик мертвого ребенка, отнес немедленно в горы и оставил там в самом диком месте. На 3-й день, оставив вместо себя подпаса, он пошел в город и, придя к Гарпагу, сказал, что готов показать труп младенца. Гарпаг послал вернейших телохранителей, приказав удостовериться и похоронить ребенка пастуха; другого же, названного впоследствии Киром, взяла к себе жена пастуха и дала ему другое имя.

Когда мальчику исполнилось 10 лет, тайна раскрылась. В деревне, где находились стада, он играл с погодками. Мальчики в игре выбрали его, мнимого пастуха, царем. Одним он приказал строить дома, другим быть его телохранителями, иным – «очами царя», некоторым поручил докладывать дела. Один из игравших мальчиков, сын знатного мидянина Артембара, не исполнил приказания Кира и был схвачен и наказан. Возмущенный таким недостойным обращением, мальчик поспешил в город и пожаловался отцу на то, что он вытерпел от Кира. Он говорил, однако, не о Кире: последний не имел еще этого имени, – а о сыне пастуха. Разгневанный Артембар в сопровождении сына отправился к Астиагу и, пожаловавшись ему, что сын вытерпел от недостойного, сказал: «О, царь! Так осрамлен я сыном пастуха!» – и обнажил при этом у мальчика спину. Когда царь увидал это и выслушал рассказ, он приказал дать мальчику удовлетворение, сообразное положению его отца, и позвать к себе пастуха и его сына. Когда оба явились, Астиаг, взглянув на Кира, сказал: «Ты, такой мальчишка! Как смел ты так поступить с сыном моего первого сановника?» Кир отвечал: «О, государь! Я поступил с ним по праву. Наши мальчики, между которыми был и он, выбрали меня в игре царем; другие исполняли то, что им было приказано; этот же был непослушен, за что и был наказан. Если же я виноват, ну так вот я стою здесь». Когда мальчик сказал это, Астиаг тотчас узнал его. Черты лица показались ему похожими на собственные, а манеры – благородными. Он сопоставил и возраст мальчика. Пораженный этим, он долго оставался безмолвным. Придя, наконец, в себя, он отпустил Артембара, обещав ему всевозможное удовлетворение. Оставшись наедине с пастухом, он спросил, кто ему дал мальчика. Пастух отвечал, что это его сын, и мать его еще жива. Астиаг возразил, что он нехорошо делает, добровольно подвергая себя большому наказанию, и подал знак телохранителям схватить его. Когда пастуха хотели уже вести наказывать, он открыл истину, рассказав, как все было, и просил за это его помиловать. Как только пастух раскрыл истину, Астиаг более не сердился на него. Но, вспыхнув страшным гневом против Гарпага, он приказал телохранителям привести его к себе. Гарпаг предстал пред ним, и Астиаг спросил: «Как умертвил ты мальчика, ребенка моей дочери, которого я передал тебе?» Гарпаг, увидя пастуха, не пошел путем лжи, на котором мог быть изобличен, а сказал: «О, царь! Получив ребенка, я подумал, как должен исполнить твою волю, чтобы остаться пред тобой правым. Поэтому я так поступил. Я позвал этого пастуха, передал ему ребенка и сказал, что ты приказал умертвить его. И, говоря это, я не лгал, ибо таково было твое приказание. Но я передал ему ребенка и приказал бросить его в самое дикое место в горах и оставить там, пока не умрет. При этом я всячески пригрозил ему, если он этого не исполнит. Когда во исполнение твоего приказа ребенок умер, я послал самых верных моих служителей удостовериться в смерти ребенка и похоронить его. Вот как происходило дело и как умер мальчик». Хотя Гарпаг откровенно рассказал всю правду, Астиаг все-таки остался недоволен его поступком. Затаив неудовольствие, он рассказал Гарпагу все, что услышал от пастуха, и в заключение сказал, что мальчик жив, и он такой оборот дела признает совершенно справедливым. «Ибо, – продолжал он, – мне было очень прискорбно, что так поступили с мальчиком, и к

тому же я не мог оставаться нечувствительным к упрекам дочери. По счастью, все устроилось хорошо, и я желаю, чтобы ты прислал ко вновь обретенному мальчику сына. Затем я хочу возблагодарить богов за его спасение и желаю, чтобы ты явился к моему обеду». Услышав такие речи, Гарпаг бросился к ногам царя, а затем отправился домой, полный восторга, что его недосмотр окончился так благополучно и в заключение счастья он приглашен даже к царскому столу. Вернувшись к себе, он тотчас послал за своим единственным 13-летним сыном и приказал ему отправиться во дворец к Астиагу и делать там все, что тот ему прикажет. Сам же с радостью рассказал жене обо всем, что с ним случилось. Но когда сын Гарпага пришел к Астиагу, царь приказал убить его, разрезать на куски, один сварить, а другие зажарить и держать наготове. Наступило время обеда, явились приглашенные и с ними Гарпаг. Всем гостям и самому Астиагу подали баранину, а Гарпагу – мясо его сына, за исключением головы, ног и рук, которые были положены в закрытую корзину. Когда Астиагу показалось, что Гарпаг насытился, он спросил, по – нравилось ли тому кушанье. Гарпаг отвечал, что оно ему очень понравилось. Тогда ему подали корзину и предложили взять из нее то, что он пожелает. Гарпаг послушался, открыл корзину и увидел в ней останки сына. При виде их он не содрогнулся и по возможности сдержал себя. Астиаг спросил, знает ли он, мясо какого животного ел. Гарпаг ответил, что знает и, по его мнению, все, что ни делает царь, – справедливо. Затем взял останки сына и отправился с ними домой, чтобы предать их погребению.

Так отомстил Астиаг Гарпагу. Относительно же Кира он обратился к совету тех же магов, которые прежде объясняли ему сон. Они явились, и Астиаг спросил, как они объяснили ему сон. Те снова повторили, что мальчик, если жив, будет царствовать. Тогда он сказал им следующее: «Мальчик жив, воспитан в провинции, был выбран в цари мальчиками деревни и обзавелся при этом телохранителями, привратниками, послами. Что это должно означать?» Маги отвечали: «Если он жив и был царем неумышленно, то будь покоен и не теряй хорошего расположения духа, потому что он не будет царствовать вторично. Многие наши предсказания сбывались часто и в безделицах, а следствия сновидений бывают часто очень ничтожны». Астиаг отвечал магам: «Я сам того же мнения: если мальчик уже был царем, то более не может быть для меня опасен. Однако посоветуйте, что может быть всего безопаснее для дома моего и для вас». На что маги отвечали: «О царь! Для нас самих очень важно, чтобы власть твоя укреплялась. Ибо если она попадет к этому мальчику-персу, то перейдет в чужие руки. Мы, как мидяне, сделаемся рабами, и персы будут смотреть на нас не иначе как на чужеземцев. Если же ты останешься царем, то и мы будем господствовать вместе с тобой и пользоваться при тебе большим уважением. Поэтому мы обязаны как можно более заботиться о тебе и твоей власти и, если бы теперь мы видели опасность, то обо всем сказали бы тебе. Но сон твой окончился ничем, и мы продолжаем надеяться и советуем и тебе делать то же, а мальчика отослать в Персию к его родителям». Астиаг, услышав это, обрадовался, позвал к себе Кира и сказал ему: «О сын! Ради одного сна я поступил с тобою несправедливо, но твое счастье сохранило тебя. Возвращайся теперь радостный в Персию. Я велю проводить тебя. Там ты найдешь отца и мать, но уже других, а не пастуха и жену его». С этими словами Астиаг отпустил Кира. По возвращении в дом Камбиза Кира встретили его родители. Услышав, что он сын их, они приветствовали его как того, кого уже почитали умершим. Они спросили, как он спасся, и мальчик рассказал, что сам ничего другого и не предполагал: лишь то, что был сыном пастуха. Все дело узнал он в пути от провожатых. Он рассказал, как воспитала его жена пастуха, и не переставал восхвалять ее. Когда его родители узнали его настоящее имя Кюно, для того, чтобы спасение его могло показаться делом богов, они разгласили меж персами, будто брошенного Кира вскормила собака, ибо «Кюно» по-персидски означает «собака». Так возникла об этом народная молва.

Кир вырос и сделался храбрейшим и любимейшим между товарищами, и Гарпаг привлек его к себе подарками и соблазнил страстным желанием отомстить Астиагу. Он очень хорошо понимал, что сам он никак этого сделать не может. Но поскольку Астиаг был суров к мидянам, Гарпаг сначала собрал вокруг себя нескольких знатнейших мидян и внушил им, что следует призвать Кира, а Астиага лишить царского достоинства. Исполнив это, Гарпаг пожелал сообщить о намерении Киру, проживавшему в Персии. Но все дороги охранялись, поэтому он пустился на такую хитрость: взял зайца, вырезал ему внутренности и, не снимая шкурки, вложил в него письмо, где было изложено задуманное. Зашив снова зайца, он дал вернейшему слуге тенета, словно тот охотник, и послал в Персию с поручением: при поднесении зайца сказать Киру, чтобы тот разрезал его сам и при этом бы никого не было. Поручение было исполнено: Кир прочел найденное письмо. Говорилось в нем вот что: «Сын Камбиза! Тобою руководят боги, ибо иначе ты бы не был так счастлив. Ты жив благодаря богам и мне. Полагаю, что это тебе уже давно известно, равно как и то, что' должен был я выстрадать от Астиага за то, что не убил тебя, а отдал пастуху. Если ты захочешь теперь послушаться меня, то будешь царем над всем царством, которым правит Астиаг. Призови персов к восстанию и поведи их против мидян! Когда я, как предводитель, буду послан против тебя Астиагом, сделается так, как ты пожелаешь. То же самое произойдет и когда послан будет кто-либо другой из знатных мидян. Ибо они отпадут от Астиага, перейдут к тебе и постараются свергнуть его. Все это у нас подготовлено, и потому действуй – и действуй скорее». Прочтя письмо, Кир задумался, как ему поступить, чтобы уговорить персов отложиться, и скоро нашел способ. Он написал письмо и собрал персов. Открыл перед ними письмо и, прочитав его, сказал, что Астиаг назначает его предводителем персов. «В силу этого, – прибавил он, – приказываю вам, чтобы завтра каждый из вас явился с серпом». Когда все с серпами явились, Кир приказал им сжать в один день довольно большой участок поля. Персы исполнили заданную работу. Кир приказал им на другой день явиться в праздничных одеждах и в то же время велел согнать в одно место отцовские стада коз, овец и рогатого скота, забить их и приготовить разные яства для угощения персидского войска, а также приказал принести еще вина и другие дорогие кушанья. Когда на другой день явились персы, он пригласил их расположиться на траве и пировать. Когда пир завершился, он спросил, какой день кажется им лучше: вчерашний или сегодняшний? Те отвечали, что между ними чрезвычайная разница, ибо вчерашний день доставил им явную заботу, а сегодняшний – очевидную радость. Тогда Кир открыл им план в следующих словах: «Мужи Персии! Таково и ваше положение. Если послушаетесь меня, без рабского труда будете наслаждаться этим и другими удовольствиями; если же вы этого не желаете, вам предстоят тысячи трудов, подобных вчерашнему. Послушайте меня и будете свободны! Я верю, что волею богов я призван к жизни для того, чтобы доставить вам свободу, и полагаю, что вы ни в чем не хуже мидян, по крайней мере – в отношении воинских доблестей. Поэтому скорее отлагайтесь от Астиага».

Персы, имея такого предводителя, охотно провозгласили себя независимыми, ибо давно уже были недовольны господством мидян. Узнав, что сделал Кир, Астиаг отправил к нему посла и потребовал его к себе. Кир через того же посла велел ответить Астиагу, что он прибудет раньше, чем Астиаг того желает. После такого ответа Астиаг вооружил всех мидян и как бы ослепленный богами поставил над ними предводителем Гарпага, совсем забыв, что' он ему сделал. Когда мидяне сошлись с персами на поле битвы, некоторые, ничего не зная о заговоре, вступили в бой; другие же перешли на сторону персов; многие представились трусами и бежали. Узнав о постыдном бегстве индийского войска, Астиаг в гневе на Кира сказал: «Кир не должен так этому радоваться». После чего приказал распять магов-толкователей, убедивших его оставить Кира в живых. Затем он вооружил в городе остальных мидян, молодых и старых, и вывел их в поле. Но в сражении с персами войско его было разбито, сам Астиаг взят в плен, а мидяне, которых он повел в битву, погибли. К пленному Астиагу,

издеваясь и ликуя, явился Гарпаг. Меж другими язвительными речами, поминая то угощение, что приготовил ему тот из мяса его ребенка, он спросил, по вкусу ли Астиагу в сравнении с царской властью рабство, ставшее последствием этого поступка. Астиаг, устремив на него взор, спросил его, не приписывает ли он себе дело Кира. Гарпаг отвечал, что это он побудил к тому Кира и тем отплатил за обиду. Тогда Астиаг назвал его безрассуднейшим и несправедливейшим: безрассуднейшим – потому, что, если бы он сам выполнил это дело, то мог бы сам сделаться царем, а не передавать власти другому; несправедливейшим же – потому, что обратил в рабство мидян ради мести. Если он не может оставаться царем и им должен быть другой, лучше было бы отдать предпочтение мидянину, а не персу. Таким образом, ни в чем не повинные мидяне из господ должны сделаться рабами, а персы, бывшие до тех пор рабами мидян, сделаются их господами. Так окончилось господство мидян. Но Кир не прекратил завоеваний, а выступил против царства лидийского, процветавшего в Малой Азии.

3. Падение царства Лидийского при Крезе (540 г. до н. э.)

Обширная, плодородная, богатая и прекрасная область, известная под именем Малой Азии, была населена многими народами различного происхождения. Восточную часть занимали киликийцы и каппадокийцы, принадлежавшие по языку и обычаям к сирийскому племени. Западная часть полуострова была занята фригийцами, карийцами, лидийцами и мизерийцами: они были, вероятно, одного происхождения. Кроме того, вдоль морского берега жило множество переселившихся народов, среди которых особенно выделялись греческие колонии на западе и финикийцы на юге. Другие различные племена жили в горах, преимущественно на северо-востоке полуострова.

Это разнообразие племен породило множество отдельных государств, из которых раньше других прославились фригийское и лидийское. Затем сюда вторглись киммерийцы и сделали на некоторое время повелителями всех этих народов. Однако лидийцы выгнали чужеземцев (ок. 564), создали могущественное государство и скоро завладели большей частью Малой Азии. При царе Крезе, завоевавшем греческие колонии после продолжительной с ними войны его предшественников, власть лидийцев простиралась от берегов Средиземного моря до р. Галис, Памфилии и Ликии. Но государство это, достигши расцвета, близились к падению. Когда после Астиага, бывшего в свойстве с Крезом, власть перешла к Киру и принадлежавшая мидянам Каппадокия также была покорена персами, молодой завоеватель приблизился и к Лидийскому царству. Крезу скоро пришлось отважиться на решительный бой, в котором должна была решиться его участь, и лидийский царь нашел погибель. Но этому падению предшествовали такие необыкновенные и столь прославленные сохранными Геродотом преданиями происшествия, что мы приведем их здесь, ибо они живо изображают нравы и образ мыслей того времени.

Двор Креза – богатого, образованного и могущественного государя – был притягательным для всех людей, прославившихся в области наук и искусств, а поскольку царь властвовал и над греками, то к нему являлись и знаменитейшие из них. В числе других гостей прибыл однажды к Крезу афинянин Солон, который после составления своих законов путешествовал по Египту и Малой Азии. Крез принял его радушно и несколько дней спустя приказал слугам проводить его по сокровищницам и показать все, что у него было самого лучшего и блестящего. Когда Солон все осмотрел, Крез спросил: «Афинский пришелец! До нас дошел слух о твоих путешествиях, дошла великая слава о твоей мудрости. Поэтому я желаю спросить, видел ли ты где-либо человека счастливее меня». Солон, не привыкший льстить, а любивший говорить только правду, отвечал: «Да, государь. Афинянина Телла».

Крез удивился такому ответу и спросил с любопытством: «Почему считаешь ты Телла самым счастливым?» Солон отвечал: «Этот Телл в расцвете отечества имел, во-первых, прекрасных и добрых детей и от всех их видел внуков, и все они остались в живых. Но и эта, по нашим понятиям, счастливая жизнь заключилась блистательнейшим концом. Когда афиняне вступили в сражение с соседями при Элевсине, он помог обратить неприятеля в бегство и умер с величайшею славою. Афиняне похоронили его на общественный счет на том месте, где он пал, и почтили его великой честью».

Получение Крезом податей от лидийского крестьянина.
Фрагмент картины. Клод Виньон

Крез пришел в раздражение от этой похвалы и сказал: «Кого же ты считаешь счастливейшим после Телла?» Крез был уверен, что именно он займет второе место. Солон отвечал: «Клеобиса и Битона. Они, родом аргивяне, имели достаточное состояние и, сверх того, обладали большой физической силой. Поэтому оба получали награды на общественных играх. Однажды был у них праздник, и мать их должна была ехать в храм. Но волы ее не вернулись вовремя с поля. А поскольку нельзя было терять время, юноши сами запряглись в повозку и привезли мать в храм, проехав 45 стадий. Наградой за такой поступок была прекраснейшая смерть. Аргивские мужи прославили их добродетель, а аргивские жены похвалили их мать за обладание такими сыновьями. Мать, восхищенная поступком сыновей и общими похвалами, просила богиню даровать ее сыновьям лучшее благо в мире. По этой молитве, когда кончились жертвоприношения и жертвенная трапеза, юноши заснули в храме и больше не просыпались. Таким образом окончили они жизнь. Этим боги хотели показать, что человеку лучше умереть, чем жить. Аргивяне воздвигли юношам статуи и поставили их в Дельфах, чтобы каждый мог почитать их как достойнейших».

Недовольный Крез воскликнул: «О афинский пришелец! Неужели ты так мало ценишь мое благополучие, что сравниваешь меня с двумя простыми гражданами?» Солон отвечал: «О Крез! Меня ли, знающего, насколько боги завидуют и противодействуют счастью людей, спрашиваешь ты о делах человеческих? В жизни человек должен видеть и переносить многое, чего не желает. Жизнь человеческую я определяю в 70 лет, а они составляют 25 200 дней. Ни один не похож на другой по своим случаям. Поэтому, о Крез, судьба человека подвержена превратностям. Мне известно, что ты очень богат и повелеваешь многими людьми. Но о том, о чем ты меня спрашиваешь, я могу сказать, лишь когда услышу, что ты счастливо окончил жизнь. Потому что самый богатый человек не счастливее последнего бедняка, обеспеченного пропитанием лишь на день, если счастье не остается ему верным до конца его жизни. Во всяком деле, о государь, следует смотреть на конец его. Ибо многим боги дарят сначала

благополучие, а под конец жизни лишают всего». Солон, не только не доставивший речами удовольствия царю, но и не оказавший ему никакого предпочтения перед простыми людьми, был отпущен Крезом. Он показался ему весьма незнающим, ибо предписывал ждать окончания каждого дела, не придавая цены настоящему счастью. Однако вскоре после отъезда Солона Крезу пришлось испытать жестокий гнев богов – вероятно, за то, что он считал себя счастливейшим. Из двух сыновей его один был немой, но он потерял здорового: этот сын был нечаянно убит дротиком на охоте. Но еще более тягостные испытания готовила ему судьба в лице Кира. Военное счастье персидского царя и гибель мидийского царства от его рук вывели Креза из печали. Он пожелал остановить возраставшее могущество персов. Для этого он захотел воспользоваться советом оракула и обратился ко всем, что были в Греции и Ливии. Из них самыми знаменитыми были оракул в Дельфах, посвященный богу Аполлону, и оракул в оазисе Сивахе, на запад от Египта, посвященный Юпитеру Аммонскому. Но прежде он решил испытать оракулов, и, если они окажутся правдивыми – спросить, должен он воевать с персами или нет. Из столицы Лидии Сард выехали послы, которые на 20-й день после выезда должны были спросить всех оракулов, что делает в этот день лидийский царь, записать их ответы и привезти царю. Что ответили другие оракулы, неизвестно; когда же лидийцы прибыли в Дельфийский храм и обратились к божеству с заранее написанным вопросом, пифия послам отвечала следующее:

От меня никогда не скрыта глубь моря, все песчинки;
Немых слышу я; понимаю не меньше глухих.
Обоняю теперь запах я черепашьего мяса,
С мясом ягненка варимого вместе в медном сосуде,
И медью ж покрытом.

Этот ответ пифии лидийцы записали и отправились с ним в Сарды. Когда возвратились остальные посланцы с ответами, Крез рассмотрел написанное. Бо́льшая часть ответов не понравилась ему, когда же он услышал ответ Дельфийского оракула, исполнился благоговения и признал его единственно верным: он, послав людей к оракулам, в назначенный день разрезал черепаху и ягненка и сварил их вместе в медном сосуде, покрытом медной же крышкой. Желая снискать расположение божества, Крез послал в дар Дельфийскому оракулу 3000 животных и богатые подарки; среди них особенно знаменитыми были 117 золотых кирпичей, золотой лев, множество золотых и серебряных сосудов, золотая женская статуя в 3 локтя вышиной и, наконец, ожерелье и золотой пояс его супруги. При этом Крез приказал спросить, должен ли он начать войну против персов. Ответ был таков: «Если Крез выступит против персов – разрушит большое государство». Вместе с тем оракул советовал ему заключить союз с сильнейшими из эллинских государств. Услышав это прорицание, Крез очень обрадовался, потому что нисколько не сомневался, что разрушит персидское государство. Он одарил каждого дельфийского жителя золотой монетой – статером. Убедившись в правдивости Дельфийского оракула, он желал узнавать все больше и больше. В третий раз он велел спросить оракула, долго ли будет продолжаться его царствование. Пифия отвечала ему следующее:

Когда над мидянами царствовать будет лошак,
Тогда легконогий лидянин беги к берегам каменистого Гермеса,
Соппротивление брось и не стыдися быть робким.

Этому ответу Крез обрадовался еще больше, ибо предполагал, что лошак никогда не будет царствовать над мидянами вместо царя, и не только он, но и преемники его не потеряют власти. Затем он усердно стал разузнавать, кто из греков могущественнее. Важнейшими их государствами были Спарта и Афины, но наиболее могущественной в то время была Спарта. Поэтому Крез отправил в Спарту послов с подарками и предложением вступить с ним в

союз. Послы, прибыв в Спарту, передали слова Креза: «О, лакедемоняне! Божество посоветовало мне заключить с греками дружбу, и я узнал, что вы стоите во главе Греции, поэтому во исполнение воли богов призываю вас сделаться моими друзьями и союзниками без обмана и коварства».

Лакедемоняне, уже слышавшие о прорицании оракула Крезу и обязанные царю за оказанные им прежде услуги, обрадовались прибытию лидийцев и заключили с ними союз о взаимной помощи. Крез также заключил союзы с двумя другими могущественными государствами того времени – вавилонским и египетским, которым также угрожало возрастающее могущество персов, но все эти договоры мало могли принести пользы Крезу: быстрота Кира уничтожила все расчеты Креза. В надежде на ложно понятое прорицание оракула Крез повел войско в Каппадокию, чтобы уничтожить власть Кира и персов. Когда он еще был занят приготовлениями к этому походу, один лидиец, славившийся мудростью, дал Крезу следующий разумный совет: «О царь! Ты намерен вести войну против людей, которые одеваются в звериные шкуры и едят не столько, сколько хотят, а сколько дает им их скудная земля. Сверх того, они пьют не вино, а только воду, и не имеют ни фиг, ни других лакомств. Одержав победу, что можешь ты взять у них, когда они сами ничего не имеют? Напротив, если побежден будешь ты, подумай, сколько потеряешь. Потому что, раз вкусив наших благ, персы так крепко усядутся здесь, что не дадут уже себя отсюда выгнать. Я благодарю богов за то, что они не навели персов на мысль напасть на лидийцев».

Действительно, до покорения Лидии персы не знали никакой изнеженности и удобств жизни. Однако эти речи не изменили образа мыслей Креза. У него по-прежнему осталось желание завоевать Каппадокию и отомстить за Астиага, и он торопился выступить с войском в поход. Придя к Галису, он переплыл эту реку на судах или, как гласит другое предание, по совету известного философа Фалеса Милетского устроил на реке в виде полукружия идущий назад канал, из-за чего реку стало возможно перейти вброд. Затем, опустошая все на пути, Крез вступил в Каппадокию. Кир, тщетно стараясь склонить азиатских греков отпасть от Креза, выступил против него с войском. В последовавшей битве обе стороны сражались без решительного для себя результата, и когда ночь разделила оба войска, ни одно не одержало победы.

Крез винил недостаточное число войск: Кир превосходил его численностью. Поэтому он решил отступить к Сардам, чтобы призвать себе туда на помощь египетских, вавилонских и лакедемонских союзников, а следующей весной снова напасть на Кира. Служившие ему против персов наемные войска он распустил на зиму. Персидский царь, узнавши об отступлении Креза, хотел было также распустить войско, но, по зрелом размышлении, решил как можно скорее идти к Сардам, чтобы явиться туда раньше, чем соберется второе лидийское войско. И Кир совершенно внезапно для Креза появился на равнине близ Сард. Крез, к величайшему смущению, убедился, что дела приняли совсем иной оборот, нежели он ожидал. Тем не менее, он повел лидийцев в битву. В то время не было народа сильнее лидийского. Они сражались конные, носили длинные копья и считались лучшими всадниками. Оба войска расположились друг против друга на огромной открытой равнине, расстилавшейся перед Сардами; по ней протекала р. Гермос. Кир опасался лидийской конницы, поэтому по совету Гарпага приказал снять выюки со всех верблюдов, служивших для перевозки войскового провианта, и посадил на них вооруженных людей. Затем приказал им идти впереди остального войска навстречу лидийской коннице. За верблюдами следовала пехота, а за пехотой – конница.

Сделано так было потому, что лошади боятся верблюдов и не переносят не только их вида, но и запаха. Гарпаг и придумал так, чтобы конница, которой так гордились лидийцы, оказалась для Креза бесполезной. Почувяв и увидев верблюдов, лошади повернули назад. Но лидийцы не были трусливы: заметив хитрость, они соскочили с коней и вступили в

бой пешими. Наконец после больших потерь с обеих сторон лидийцы обратились в бегство и заперлись в городе. Персы осадили Сарды. Крез, надеясь, что осада затянется надолго, отправил послов ко всем союзникам с просьбой явиться к нему на помощь ранее условленного. Но при всей готовности союзников, в особенности спартанцев, они бы не успели – гибель настигла лидийского царя раньше.

Хотя Сарды мужественно защищались, один солдат из войска Кира по имени Гироиад нашел на стене место, оставленное без охраны, поскольку оно казалось неприступным. Он вознамерился туда взобраться. Увидев, как один лидиец, у которого упал шлем, спустился за ним и снова взобрался на стену, Гироиад тоже вскарабкался в этом месте, а за ним поднялись и другие персы; так город после 40-дневной осады был взят. Креза Кир приказал ни в коем случае не убивать, а непременно захватить живым. Но какой-то перс, не знавший Креза, бросился на него и хотел убить. Крез заметил нападавшего, но тяжкое горе сделало его равнодушным к смерти. Когда же глухонемой сын Креза увидел перса, устремившегося на отца, он вдруг обрел от страха и горя дар речи и воскликнул: «Человек! Не убивай Креза!» То были первые слова, сказанные юношей, и затем уже до конца жизни он мог говорить. Когда царственного пленника привели к персидскому царю, тот приказал воздвигнуть большой костер и возвести на него закованного в цепи Креза и с ним 14 лидийских юношей как первенцев победы.

Стоя на костре, Крез вспомнил слова Солона, что ни один человек не может считать себя счастливым до самой смерти. Это воспоминание проникло в его душу, и он после долгого молчания, прерываемого глубокими вздохами, трижды произнес имя Солона. Кир, услышав это, приказал через толмачей спросить Креза, чье имя он призывает. Крез ответил: «Одного человека, беседа с которым могла бы стать полезной для всех государей». И он передал разговор, который у него когда-то был с Солоном. Тогда Кир подумал, что и он человек, так же может испытать на себе превратности судьбы человеческой, а потому приказал потушить огонь, а Креза снять с костра. При этом Киру пришлось убедиться, насколько Крез добродетелен и любим богами. Когда старались погасить костер и не смогли справиться с разгоревшимся пламенем, Крез, заливаясь слезами, обратился к Аполлону. Тотчас ясное небо заволочлось тучами, и проливной дождь загасил огонь.

Крез послал в Дельфы свои цепи с вопросом, неужели греческие боги так лживы и неблагодарны. Пифия указала на неизбежность судьбы, предназначившей Крезу это несчастье, и на собственную беспечность лидийского царя: при первом прорицании оракула он не спросил, о каком именно государстве шла речь; а при втором не догадался, что под именем лошака можно было подразумевать Кира, рожденного от родителей не только разного происхождения, но и различного состояния. Тогда Крез понял, что он должен был обвинять себя, а не богов, и стал терпеливее переносить судьбу, которую персидский царь облегчил тем, что из-за его ума и опытности сделал его другом.

Благодаря этой дружбе и собственному влиянию Крез в скором времени спас свой народ и в особенности г. Сарды от совершенного уничтожения. Кир вместе с Крезом покинул Лидию, оставив в Сардах главнокомандующего, а надзор над захваченными лидийскими сокровищами поручил лидийцу по имени Пактиес. Но этот Пактиес, тотчас после отъезда Кира из Сард, поднял восстание, на сокровища собрал наемное войско и осадил Сарды. В наказание за это Кир хотел обратить в рабство всех лидийцев. Тогда Крез сказал ему: «О Царь! Не дай гневу всецело овладеть тобой и не разрушай старинный город, нисколько не виновный ни в прошлом, ни в настоящем. В прошлом виноват я, что мною и искуплено, а в настоящем – Пактиес, за что он и должен претерпеть наказание. Лидийцев же прости! А для того, чтобы они впредь не восставали и не были опасны, обяжи их следующим. Запрети им носить оружие, прикажи носить исподнее платье и высокие башмаки. Установи, чтобы они учили детей играть на цитре, пению и мелочной торговле. Тогда, царь, ты скоро увидишь,

что из мужчин они превратятся в женщин, и тебе не придется более опасаться, что они от тебя отпадут».

Крез дал такой совет, потому что считал это для лидийцев более выгодным, нежели обращение в рабство. Кир одобрил совет, приказал привести его в исполнение и продолжал поход. Гарпага он однако оставил, чтобы покорить карийцев и другие мелкие народы, в особенности – греческие колонии, за исключением Милета, с которым Кир заключил мирный договор.

Остальные греки также этого желали, но Кир был ими недоволен за то, что они не пожелали покинуть Креза, когда персидский царь предлагал им это раньше. Когда явившиеся к нему послы сказали, что греки желают подчиниться Киру на тех же условиях, на каких только что перед этим подчинились лидийцы, Кир отвечал им следующее: «Один флейтист, увидевший в море рыбу, начал играть на флейте, воображая, что она выйдет на берег. Увидев же, что обманулся в ожиданиях, он взял сеть, поймал в нее множество рыб и вытащил ее на берег. А когда увидел, как запрыгали рыбы, сказал им: пляшите теперь за то, что не хотели плясать тогда, когда я играл на флейте».

Кир так и поступил. Гарпаг захватил в крепкую сеть его могущества всех азиатских греков. Однако Кир оставил им учреждения, над ними поставил правителей – так называемых тиранов, знатных греков, которые были преданы персам и стали в некотором роде высшими чиновниками. Только два города, Фокея и Теос, избегли рабства тем, что жители из них выселились. Фокейцы отправились сперва на Корсику, а позднее – в Массилию. Теосцы основали г. Абдера во Фракии. Абдера прославилась глупостью жителей. Ионийцы не последовали совету мудреца Бианта из Приены (он был одним из семи греческих мудрецов) вообще оставить Ионию. Эта область стала местом, где сталкивались между собой европейские греки и персы. Страшась угроз персов, азиатские греки обратились к Спарте с просьбой о помощи. Спартанцы отправили в Азию послов и велели сказать персидскому царю, чтобы он не захватывал ни одного греческого города: Спарта не будет смотреть на это равнодушно. Но Кир велел им ответить так: «Я никогда не боялся людей, имеющих у себя в городах места, где они сходятся, дабы под видом клятв обманывать друг друга. Если я останусь здоров, им придется сожалеть не о страданиях ионийцев, а о собственных». Здесь он смеялся над всеми эллинами, поскольку те имели базарные площади; у персов же таковых не было.

4. Падение царства Ново-Вавилонского. Смерть Кира

Покорив таким образом царство лидийское и включив его в состав персидской монархии, Кир возвратился в Малую Азию, чтобы наказать союзников Креза и прежде других – Набунагида, правителя незадолго перед тем образовавшегося халдейско-вавилонского государства. Соправителем Набунагида был Валтасар. Столица этого государства, Вавилон, благодаря великолепию, громадности, многочисленному населению и богатствам, стала целью его наступления, что, однако, совершить было нелегко: благодаря укреплениям этот город мог оказать сильное сопротивление. Крепкие, соединенные асфальтовым цементом стены, настолько широкие, что на них могла развернуться повозка, расположены были вокруг города сплошным кругом. Протекавший через город Евфрат разделял его на две равные части; в одной стоял великолепный дворец царя, в другой – роскошный храм Бела, с вершины которого халдеи производили астрономические наблюдения. Внутри города по обоим берегам реки возвышались стены, к которым сходились поперечные улицы обеих частей. Эти стены могли запирались медными воротами так, что обе части города могли быть совершенно разобщены. За городом, между обеими реками, Тигром и Евфратом, пролежала так называемая мидийская стена, для удержания вражеских нападений мидян, до персидского нападения – опасных.

Но теперь явились новые враги, «которые не ценят ни серебра, ни золота, чьи стрелы пронзают столько юношей, враги, безжалостные даже к детям в утробах матерей». На пути к Вавилону Кир подошел к р. Гинд. Один из белых коней, посвященных солнцу, бросился в реку, но был увлечен быстрым течением и погиб в водовороте. Тогда Кир страшно разгневался на реку и повелел сделать ее такой мелкой, чтобы и женщины могли легко перейти ее, не замочив коленей. Разделив войско на две части, царь расположил воинов по берегам реки и приказал выкопать 180 прямых как стрела каналов. В эти каналы была спущена вода, таким образом течение реки ослабло. На эту работу пришлось затратить целое лето. Так покарал Кир р. Гинд. Но при этом он мог иметь и другую цель – сделать реку удобной и безопасной для перехода войска. Такой проницательный и опытный полководец, как Кир, не потратил бы на это целое лето и не дал бы вавилонянам укрепить оборону.

А те получили достаточно времени собрать в городе столь – ко съестных припасов, что, разбитые Киром в сражении, отступили в город и за его стенами могли не обращать внимания на осадившего их Кира. Долго персидский царь стоял перед оборонительными валами города, возведенными Валтасаром, не достигнув цели. Только благодаря одной хитрости удалось привести тщетные до тех пор попытки к счастливому окончанию.

Кир приказал лучшим войскам занять места по обе стороны города – там, где входит и выходит из него Евфрат, – с приказанием ворваться в город, когда они заметят, что река обмелела. Сам же с остальной частью войска направился к озеру, лежавшему недалеко от города и устроенному когда-то царицей Нитокрисой для отвода течения реки. В это озеро Кир при помощи канала отвел течение реки, из-за чего она вдруг настолько обмелела в старом русле, что ее можно было перейти вброд. Войска тотчас спустились в реку и вошли в город. Вторжение случилось так неожиданно, что вавилоняне не успели принять никаких мер к обороне. Они могли бы, заперев ворота, отрезать персов, вошедших в русло. Однако персидское войско напало слишком внезапно, а Вавилон был столь огромен, что горожане, жившие в центре, не знали, что враги уже заняли окраины, и еще долго продолжали беспечно отмечать какой-то праздник, когда неприятель находился уже в городе. Вдруг среди веселья раздался воинственный клич персов, и пораженная толпа дала изрубить себя без сопротивления. Сам Валтасар погиб в суматохе, а царский дворец сгорел. Набунагид сдался и был помилован. Благоразумным поведением он приобрел даже благосклонность персов, и

Кир его назначил правителем одной провинции. Ему пришлось пережить падение великого Вавилонского царства, занимавшего, кроме Халдеи и Ассирии, Сирию и Палестину и ныне перешедшего в руки персов.

Теперь Кир с тревогой смотрел на усиление Египта. Поэтому со стороны Кира было разумно было позволить евреям после падения Набунагида возвратиться в Палестину. Он желал иметь преданный и энергичный народ на границе с Египтом – столкновение с этим государством было неизбежным. Этим дозволением воспользовались 42 000 большей частью бедных людей из колен Иудина и Вениаминова. Их предводителями были Зерувавел и первосвященник Иесуя (536). Они немедленно принялись за восстановление иерусалимского храма и, несмотря на неприязнь самаритян, в 565 г. закончили его.

Безопасность границ прежнего мидо-бактрийского государства или иные причины принудили Кира повести войска против народов, кочевавших на севере Малой Азии, по обеим сторонам Каспийского моря. Самым многочисленным и богатым из этих народов были массагеты. Ими правила царица Томириса. Кир отправил к ней послов с предложением вступить с ним в брак. Но Томириса, верно угадав, что он помышляет не столько о ней, сколько о том, чтобы завладеть властью над массагетами, отклонила его предложение. Тогда Кир подошел к Яксарту (Сыр-Дарья) на востоке от Каспийского моря с целью напасть на массагетов. Он построил мосты для перехода через реку войск и суда для их перевозки.

Когда он был занят этими приготовлениями, Томириса отправила к нему посла и велела сказать следующее: «Царь мидян! Отступишь от своего намерения. Ведь ты не можешь знать заранее, пойдет ли тебе на благо сооружение этих мостов. Оставь это, царствуй над своей державой и не завидуй тому, что мы властвуем над нашей. Но ты, конечно, не захочешь последовать этому совету, а будешь действовать как угодно, но не сохранять мир. Если ты так страстно желаешь напасть на массагетов, прекрати строить мост. Мы отступим от реки на три дня пути, а ты между тем перейди в нашу страну. Если же предпочитаешь, чтобы мы пришли к тебе, сделай то же самое со своей стороны». Получив такой ответ, Кир созвал знатнейших персов и изложил им положение дел, чтобы рассудить, как ему поступить. Все мнения сошлись на том, что следует ожидать Томирис с ее войсками здесь, на своей стороне.

Но присутствовавший на совете Крез не одобрил это решение: «О, царь! – сказал он. – Я уже обещал тебе, сколь возможно, отвращать всякую беду, грозящую твоему дому. Мои столь тяжкие страдания послужили мне наукой. Если ты мнишь себя бессмертным и во главе бессмертного войска, тебе мое мнение без надобности. Если же ты признаешь, что ты лишь человек и царствуешь над такими же смертными, пойми прежде всего вот что: существует круговорот человеческих дел, который не допускает, чтобы одни и те же люди всегда были счастливы. По предложенному вопросу я имею иное, совершенно противоположное мнение. Если ты допустишь врагов в нашу землю, вот какая грозит нам опасность: потерпев поражение, ты погубишь всю державу. Ведь совершенно ясно, что, одолев тебя, массагеты не побегут в свою сторону, но вторгнутся в твои владения. Если же победа будет на твоей стороне, ты извлечешь из нее пользы меньше, нежели победив их по ту сторону реки и имея возможность преследовать их в бегстве. Разбив неприятеля, ты сможешь отнять у Томирисы ее царство. Кроме того, было бы постыдно Киру, сыну Камбиза, власть в государстве уступить женщине. Так вот, по-моему, нам следует перейти реку и затем проникнуть в глубь страны, насколько враги отступят, и постараться одолеть их. Как я узнал, массагетам совершенно не знакома роскошь персидского образа жизни и недоступны ее наслаждения. Поэтому нужно устроить в нашем стане обильное угощение для этих людей: зарезать множество баранов и выставить сосудов неразбавленного вина без счета. Приготовив все это, с остальным войском, кроме самой ничтожной части, снова отступить к реке. Враги при виде такого обилия яств набросятся на них и нам представится возможность совершить великие подвиги».

Кир отверг первое мнение и принял совет Креза. Царь известил Томирису, что она должна отступить, ибо он намерен переправиться в ее владения. Верная обещанию, Томириса отступила. Затем Кир передал Креза сыну Камбизу, назначенному преемником, и настоятельно внушил сыну почитать Креза и обходиться с ним хорошо, если нападение на массагетов окончится несчастливо. Он отослал обоих в Персию, а сам с войском переправился через реку. После дня перехода Кир привел в исполнение план Креза. Для этого он с отборнейшими войсками снова отступил к Араксу, а худшую часть войска оставил на месте. Тогда третья часть войска массагетов напала на оставленных Киrom воинов и перебила их. После победы, увидев выставленные яства, массагеты уселись пировать. Наевшись и напившись, они улеглись спать. Вернувшиеся персы убили большую часть врагов, а еще больше захватили в плен. В числе пленников был и сын царицы – предводитель массагетов по имени Спаргапис.

Томириса, узнав об участии войска и сына, отправила к Киру посла с такими словами: «Кровожадный Кир! Не кичись своим подвигом. Не силой оружия в честном бою, а соком виноградной лозы, который и вас лишает рассудка, когда, напившись, вы начинаете произносить непристойные речи, – вот этим-то зельем ты коварно одолел моего сына. Поэтому прими от меня благой совет. Возврати мне моего сына и оставь эту страну, безнаказанно торжествуя победу над третьей частью массагетского войска. Если же ты этого не сделаешь, то, клянусь тебе именем солнца, божества массагетов, я действительно напою тебя кровью, как бы ты ни был ненасытен». Кир не обратил внимания на слова посла. А сын царицы Спаргапис, когда хмель вышел у него из головы, понял бедственное положение и попросил Кира освободить его от оков. Лишь только царевич был освобожден, он умертвил себя.

Томириса собрала все массагетское войско и напала на персов. Эта битва была самой жестокой из битв между варварскими народами. Сначала противники, стоя друг против друга, издали стреляли из луков. Искерпав запас стрел, они схватились врукопашную, поражая друг друга копьями и мечами. Долго бились противники, и никто не желал отступать. Наконец, массагеты победили. Значительная часть персидского войска осталась на поле сражения, и сам Кир был убит. Томириса наполнила винный мех человеческой кровью и велела отыскать среди павших персов труп Кира. Когда тело Кира нашли, царица велела всунуть его голову в мех. Затем, издеваясь над покойником, стала приговаривать так: «Ты все же погубил меня, хоть я осталась в живых и одолела тебя в битве, ибо хитростью захватил моего сына. Теперь я напою тебя кровью, как я тебе обещала». Так Кир в 529 г. до н. э. окончил жизнь после почти 30-летнего царствования. Благодаря Киру множество мелких азиатских государств объединились в одно огромное персидское государство. После того, как к нему присоединился и Египет, государство это сосредоточило в себе всю культуру древнего исторического мира.

5. Псамметих I и последние фараоны (655–345 гг. до н. э.)

Псамметихом начинается XXVI династия. При помощи лидийского царя Гигеса, пришедшего к нему ионийских и карийских наемников, он сверг ассирийское иго, и Египет вернул самостоятельность и стал иметь собственных государей. Псамметиху вскоре пришлось защищать восточные границы. Это случилось из-за того, что он расположил постоянным лагерем на пелузийском рукаве Нила ионийцев и карийцев, «медных людей, вышедших из моря», как описал их оракул в г. Бутис. Принятие на службу чужеземных войск повлекло за собой ряд затруднительных последствий. Египет более не был замкнут. Псамметих открыл для чужеземцев египетские гавани, дозволил им свободу торговли и разрешил селиться внутри страны. Греки воспользовались этим как нельзя лучше: они явились в значительном числе. Центральным городом их торговли стал Навкратис. Они сумели так понравиться царю, что он заставил молодых египтян, в том числе – собственного сына, изучать греческий язык и обычаи. Негодуя на большие преимущества греческих наемников, получивших много земельных участков и пользовавшихся такой заботой царя, что пророк Иеремия сравнивал их с упитанными тельцами, большая часть касты воинов (ок. 200 000 человек) покинула Египет и переселилась в Эфиопию, вследствие чего Псамметих понес значительную потерю в оборонительных средствах и получил соседство, которое при случае могло оказаться весьма опасным.

Гораздо лучше он поставил себя в отношении жрецов: к их удовольствию, он восстановил богослужение в прежнем блеске. Он окружил священный храм Фта в Мемфисе стеной и прибавил с южной стороны ворота. Напротив он построил для Аписа окруженный колоннами двор с украшенными резьбой стенами. Его царский дворец в Саисе представлял величественное сооружение. При Псамметихе I вновь пышно расцвело египетское искусство. Постройки того времени отличаются легкостью, красотой и естественностью. Высокой степени изящества достигает иероглифическое письмо. Но по масштабам это обновленное искусство все-таки не могло сравниться с произведениями времен Рамессидов.

После Псамметиха I на египетский престол в 610 г. до н. э. вступил его сын Нехаб. Его злополучная попытка распространить господство Египта на Сирию окончилась жестоким поражением при Кархемише. Как и отец, он обращал внимание на развитие мореплавания и торговли. С этой целью он задумал соединить Нил каналом с Красным морем. Но это предприятие по разным причинам осталось невыполненным. Также для путешествий с целью открытий он принял к себе на службу финикийцев. Кратковременное царствование его преемника Псамметиха II (595–589) не оставило почти никаких следов.

Мало чем замечателен был и внук Нехао Хофра (589–570). Он везде и во всем был несчастлив. Навуходоносор разбил его, когда он хотел пойти на помощь к иудейскому царю Седекии. Но роковым был для него поход против греческой колонии Кирены в Ливии. Было бы неблагоприятно сражаться против киренян греческих наемников, которые при этом должны были бы сражаться с соотечественниками, поэтому Хофра отправил в поход против Кирены египетские войска. Египтяне потерпели при местечке Иразе поражение и, обращенные в бегство, понесли такие жестокие потери, что лишь самые ничтожные остатки войска вернулись в отечество. Тогда в народе начались смуты: думали, что Хофра умышленно пожертвовал египетскими войсками, чтобы избавиться от ненадежных людей. Хофра послал для усмирения бунтовщиков военачальника Амазиса – человека хоть и низкородного, но пользовавшегося всеобщей любовью за ум и открытый характер. Но когда Амазис хотел обратиться к возмущившимся с речью, один солдат надел ему на голову шлем и громогласно провозгласил его царем, что было охотно принято Амазисом. Хотя войско Хофры численно превосходило

мятежников, он был взят в плен и убит разъяренной чернью. Едва вступив на престол, Амазис пошел по стопам Псамметиха, покровительствуя всему греческому; но при этом он не пренебрегал и египетским.

Кроме двух жен гречанок, Лаодикеи и Себасти, он имел женами двух египтянок, из которых одна была дочерью Псамметиха II. Ее сыну он дал имя Псамметих, желая показать, что тот является наследником престола. Несмотря на расположение к грекам, Амазис был любим египтянами за необыкновенную заботливость об их благосостоянии. Поощрялось земледелие, была увеличена и улучшена сеть каналов, развивалась торговля. Геродот так пишет об этом времени: «Египтяне в его царствование находились в счастливейшем положении, потому что на все было обращено внимание, равно как и на то, какое влияние на землю могла иметь река, а земля на человека, и при этом было 20 000 населенных городов». В особенности процветали Мемфис и города в дельте. Среди них был необыкновенно украшен г. Саис. Здесь у храма Нейты Амазис воздвиг пропилеи (портик с колоннами), которые высотой, величиной и доброкачеством материала превосходили многое: они были сооружены из камня, добытого в гранитных каменоломнях Мемфиса и о. Элефантины. Эти пропилеи были украшены колоссальными статуями, и к ним вела длинная аллея сфинксов. Там же находились два больших обелиска и часовня, высеченная из одной каменной глыбы. 3000 лоцманов 3 года были заняты перевозкой этих колоссов из Элефантины в Саис. Усыпальницу Амазис устроил в Саисе возле усыпальниц Псамметихов, законным преемником которых хотел себя считать.

В ломке старины Амазис пошел еще дальше Псамметихидов. Он больше не соблюдал древнего церемониала в отношении царского достоинства, но при дворе предавался веселому наслаждению жизнью в греческом духе. Особенно он любил пировать с приближенными. Но скоро на горизонте блестящей жизни показалась тяжелая грозовая туча: могущественно возраставшее при Кире персидское государство. С тревогой приходилось под конец жизни думать Амазису о будущем, когда он увидел, как опасный враг все ближе придвигается к его восточным границам. Однако он умер прежде, чем сыну Кира Камбизу суждено было ступить на египетскую землю победителем.

Амазис известен также дружескими отношениями с Поликратом, правителем о. Самос. Когда о-ва Хиос и Лесбос подчинились персам, Самос под управлением Поликрата остался независим (536). Поликрат построил великолепный флот из 80 тяжелых и 100 легких кораблей и при его помощи успешно отстаивал независимость от персов, пока Камбиз для похода против египтян не собрал у берегов Финикии корабли малоазиатских приморских городов, финикийцев и жителей Кипра. Тогда Поликрату пришлось также подчиниться Камбизу и послать ему 40 хорошо вооруженных кораблей.

V. Греки. Первоначальная история

1. Начало греческих государств

Результаты исследований показывают, что обитатели Греции являлись арийскими (индо-европейскими) племенами и переселились в Европу из Азии. Первыми упоминаются пеласги и эллины. Пеласги – мирные земледельцы и скотоводы – жили в основном на плодородных равнинах Фессалии и Арголиды. Богослужение у них было просто, без идолов и храмов. Главным божеством был Зевс, а главнейшим городом его поклонения – Додона с древним оракулом, жрецы которого выводили предсказания из шелеста листьев священного дуба или журчания протекавшего ручья. Этим древнейшим жителям Балканского полуострова приписывают сооружение колоссальных построек из исполинских каменных глыб (циклопических построек). До настоящего времени сохранились львиные ворота в Микенах и сокровищница Атрея. В окрестностях Микен немецкий археолог Шлиман в 1876 и 1877 гг. обнаружил множество могил, в которых находилось оружие, инструменты, сосуды, золотые украшения и плиты с барельефами. Все это принадлежало, очевидно, еще к доэллинскому периоду искусства.

Эллины отличались от пеласгов воинственной предприимчивостью и подвижностью. Благодаря этому они возвысились, и еще до окончания дорических расселений название «эллины» стало употребимым как собирательное для всего народа. У Гомера греки, осаждавшие Трою, называются «аргивянами», «ахейцами» или «данайцами». По наречиям и обычаям эллины разделялись на четыре племени: эолийцы, дорийцы, ахейцы и ионийцы. Эолийцы обитали преимущественно в Южной Фессалии, дорийцы – в названной по их имени области Дориде, ахейцы – в Арголиде, Лаконии и Элиде, и ионийцы – в Аттике и Мегаре (до Истмийского перешейка) и на соседних островах. По преданию, свидетельствующему о связи греческой культуры с восточной, в особенности – финикийской и египетской, к этим первоначальным жителям присоединились многие переселенцы.

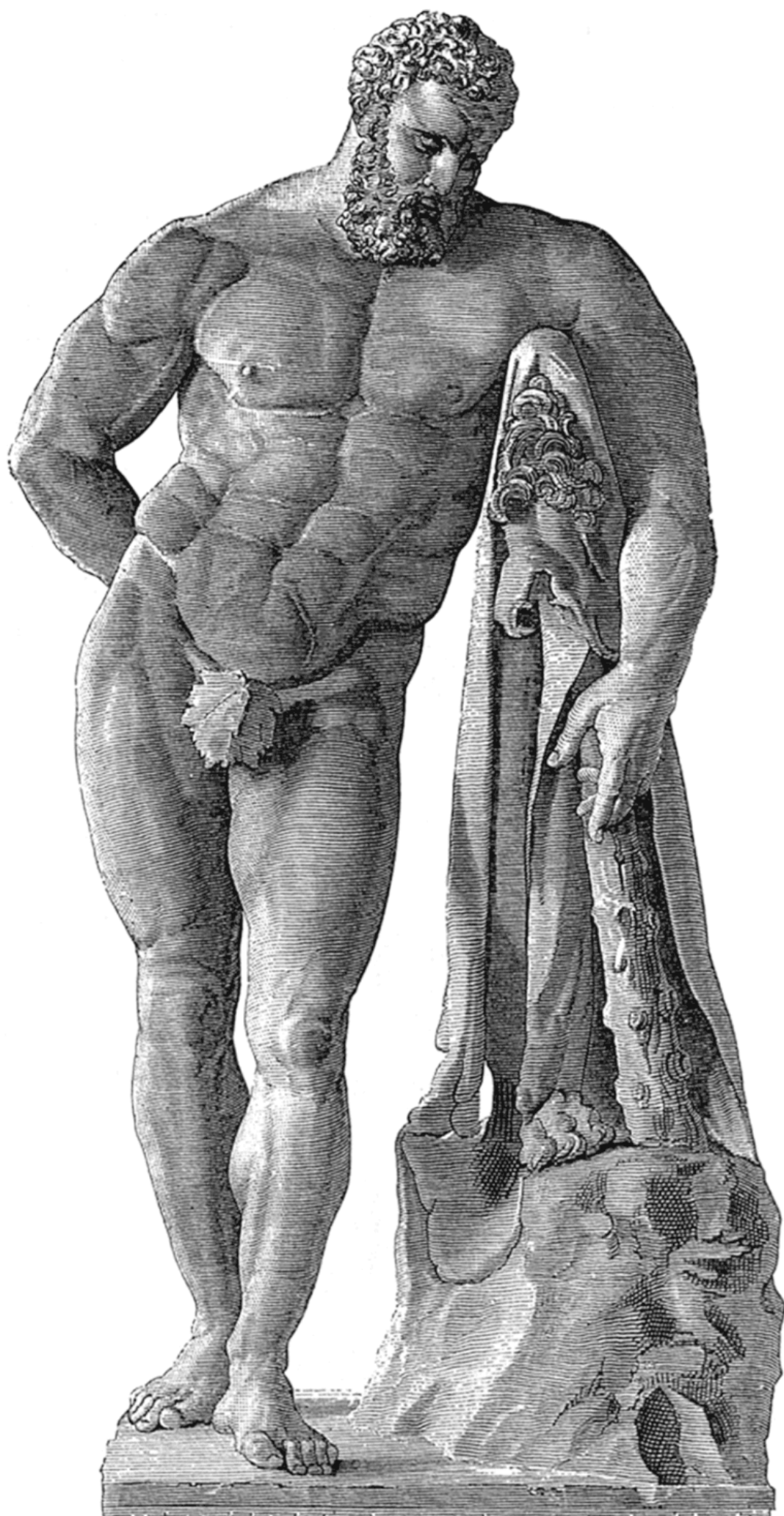
Так, в 1550 г. до н. э. из Саиса в Нижнем Египте переселился в Аттику Кекропс. Он был принят тамошним царем и женился на его дочери. Кекропс привел в порядок богослужение, установил браки и судилища, среди которых находился и знаменитый впоследствии ареопаг, и построил названную по его имени крепость Кекропию. Таким образом, он положил первое основание гражданского устройства и безопасности будущего афинского государства, чем и заслужил название основателя его. Девятому его преемнику, Тезею, удалось еще более сплотить население и тем возвысить его могущество. Из Финикии в Беотию прибыл Кадм. Он принес письмена, научил обработке руды и другим ремеслам, ввел новое богослужение и основал г. Кадмея, на месте которого четвертый его преемник, Амфион, построил впоследствии г. Фивы и переименовал кадмеян на фивян. Судьбы следовавших за ним правителей Фив послужили впоследствии трагическим поэтам темами для самых разнообразных произведений и повели к многочисленным войнам. Данаид из Хеммиса в Египте поселился в Аргосе и положил начало новой династии. Он выдал замуж 50 дочерей – Данаид – за сыновей своего брата Египта. Но оракул предсказал ему, что один из них лишит его престола и жизни, поэтому он приказал всем дочерям умертвить мужей в одну ночь. Те исполнили приказание; только одна, Гипермнестра, пощадила своего мужа Линкея. За такое преступление Данаиды присуждены были нести наказание в загробном мире: бесконечно носить воду в бездонную бочку. Подобно многим другим мифам, этот миф олицетворяет определенное явление природы: Данаиды, вечно наполняющие водой бездонную бочку, – ежегодно высыхающие реки и ручьи сухой Аргосской области. Преемники Данаид

впоследствии основали три государства: в Аргосе, Тиринфе и Микенах. Позднее переселился из Фригии сын Тантала Пелопс – от его имени произошло название Пелопоннеса (п-ов Пелопса). Его преемники владели тремя областями Пелопоннеса: Элидой, Арголой и Лаконикой и дали этим древним государствам особых правителей. Судьба Пелопидов необыкновенно трагична. Сыновья Пелопса Атрей и Фиест непримиримо враждовали и совершали ужасные злодеяния. Однажды Атрей сделал вид, что желает примириться с Фиестом, и пригласил его к себе на пир. Тот, ничего не подозревая, пришел в дом к Атрею, который зарезал его сыновей и накормил отца их мясом. Третий сын Фиеста Эгисф за это убил Атрея. Сыновья Атрея Агамемнон и Менелай бежали в Спарту.

2. Героический период греческой истории

Главные герои и их подвиги

Геракл, сын Зевса и смертной женщины Алкмены, был национальным героем дорийцев. Его всю жизнь преследовала ревнивая жена Зевса Гера. Еще во младенчестве он задушил двух змей, положенных ему в колыбель Герой. Повзрослев, Геракл в нерешительности остановился на жизненном распутье. Тогда предстали перед ним две женщины: скромная и простодушная Арета (добродетель) и бесстыдная и сладострастная Какия (порок). Каждая старалась склонить его идти по ее дороге; он последовал за первой. Когда он вполне возмужал, любимейшими занятиями его сделались охота и война. По приказанию микенского царя Эврисфея, Геракл совершил двенадцать подвигов. Особенно примечательны битва с немейским львом, которого он задушил и с тех пор стал носить на плечах львиную шкуру; битва с лернейской гидрой, у которой на месте одной отрубленной головы вырастали две новые. Затем он в один день очистил Авгиевы конюшни, вмещавшие в себе три тысячи быков; потом завладел поясом Ипполиты, царицы мужеподобных амазонок, и вывел из подземного царства адского пса Цербера. Из других походов Геракла можно упомянуть битву его с ливийским великаном Антеем, получавшим при каждом соприкосновении с матерью-землей новую силу; Геракл приподнял его и задушил. Далее следует комическая битва с карликами-пигмеями, нападшими на героя, когда он спал; Геракл собрал их в львиную шкуру и отнес в Микены.

Геракл Фарнезский

Но и Геракл подвергся гонению рока. Он влюбился в прекрасную Иолу и этим возбудил в супруге Деянире ревность. Деянира послала ему праздничную одежду, пропитанную ядом. Едва Геракл надел ее, яд проник в его тело. Мучимый жестокой болью, он старался сорвать с себя одежду и вместе с нею вырвал кусок мяса. В отчаянии Геракл воздвиг костер, чтобы в его пламени окончить страдания, но был внезапно подхвачен облаком, на котором, управляя четверкой лошадей, проносилась Афина-Паллада, и вознесен на Олимп. Там он получил бессмертие и женился на богине вечной юности Гебе.

Тезей, сын царя Эгея в Аттике, был национальным героем ионийцев, в особенности афинян, считавших его творцом их политической самостоятельности. Уроженец Трезена, он очистил дорогу в Афины от разбойников и чудовищ. Прежде всего убил Синида, который соединял две сосны вершинами, привязывал к ним ногами путешественников и таким образом разрывал их на части. Потом уничтожил Прокруста: малорослых пленников вытягивал на длинной кровати, высоких же укладывал на короткую и обрубал им ноги. Но величайшей заслугой Тезея стало избавление Афин от постыдной человеческой дани. Каждые семь лет, по приказанию критского царя Миноса, афиняне должны были посылать семь юношей и семь девушек в жертву чудовищу Минотавру, который жил в лабиринте, построенном знаменитым мастером Дедалом.

В 3-й раз наступило время платить ненавистную дань. Отцы и матери рыдали, юноши и девушки воплями оглашали город, и жребий должен был решить, кому суждено стать жертвой. Тогда выступил вперед Тезей и добровольно предложил себя в число 14 молодых людей. Вместе с черным парусом, поднимаемым в знак безнадежного траура, он приказал кормчему взять на корабль и белый, чтобы при возвращении поднять его в знак полного освобождения. Когда Тезей прибыл на Крит, влюбившаяся в него дочь Миноса Ариадна дала ему клубок, с которым он выберется из лабиринта, убив Минотавра. Тезей уничтожил чудовище и прекратил позорную дань. На обратном пути он заехал на о. Делос. Здесь, во исполнение данного обета и в благодарность Аполлону за дарованную победу, он учредил танец, в котором подражали извивам лабиринта.

Приближаясь на корабле к Аттике, Тезей забыл приказать кормчему поднять белый парус. Его отец Эгей, с беспокойством ожидавший возвращения сына, едва заметил вдали черный парус, бросился со скалы в море. У остальных граждан, охваченных на мгновение тою же скорбью, с прибытием Тезея страх сменился восторгом. Герой был встречен громкими криками радости и как избавитель от дани единодушно провозглашен царем. Корабль Тезея ежегодно украшали и посылали в честь Аполлона на Делос. Но Тезей задумал совершить еще более великое благодеяние – изменить отечественное законодательство.

Кекропс разделил Аттику на 12 небольших областей: они постепенно сделались независимыми и часто враждовали между собой. Из-за этого власть общего главы государства являлась крайне ограниченной. Для пресечения этого зла Тезей посетил все отдельные области, предложил уничтожить существовавшие судейские и правительственные должности и учредить один общий для всех суд в главном городе, которым впоследствии стали Афины. Чтобы вознаградить знатных и сильных, игравших в отдельных областях первенствующую роль, он предоставил им значительное участие в управлении государством, оставив на долю царской власти лишь предводительство на войне и наблюдение за исполнением законов.

Предложение было одобрено: все опасались выступлений беднейшей части населения, самой ограниченной в правах и бывшей на стороне Тезея. Так совершилось дело объединения, воспоминание о котором ежегодно отмечалось афинянами торжественным праздником – он назывался «синойкия» (сожительство). О том же событии напоминал и другой праздник – в честь богини Афины, справляемый с необыкновенным великолепием: его первоначаль-

ное название – «афинейский» – Тезей изменил на «панафинейский» (праздник всех афинян). Сверх того, Тезей заботился об увеличении населения Афин. Для этого он обещал дать права гражданства чужеземцам, которые не замедлили в большом количестве устремиться в Афины. Для установления правильных взаимоотношений Тезей также разделил всех граждан на три основных сословия: эвпатридов (благородных), занимавших правительственные должности, толковавших законы и наблюдавших за богослужением, земледельцев и ремесленников, не имевших доступа к этим должностям.

Такие важные перемены не могли обойтись без многократных волнений, направленных против Тезея. Один из эвпатридов, Менестей, завидуя славе и положению Тезея, старался озлобить знатных граждан, которые с трудом терпели Тезея, за то, что он лишил их прежнего могущества в собственных областях. Менестей подстрекал к бунту и простой люд, внушая ему, что его свобода призрачна, а Тезей погубил отечество, лишив его собственных святынь, и теперь вместо многих царей, законных и добрых, народ подчиняется одному владыке, который к тому же пришелец и чужеземец.

Все это привело к тому, что Тезей потерял любовь и уважение народа. Вернувшись в Афины с войны, он встретил вместо прежней покорности всеобщее сопротивление. Отчаявшись в успехе, он удалился на о. Скирос, с царем которого Ликомедом дружил, где вступил в отцовское наследство. Но потому ли, что Ликомед считал Тезея опасным для себя, или же был в тайных сношениях с Менестеем и его партией, но Тезей нашел в нем не друга, а предателя-врага. Позвав Тезея осматривать окрестности, Ликомед привел его на высокую скалу и столкнул вниз. Только после смерти Менестея дети Тезея могли вступить в Афинах в наследственные права. Впоследствии афиняне воздали должную справедливость и самому Тезею. Они причислили его к героям своей страны, воздвигли ему храмы и алтари и перенесли его прах в Афины.

Минос был царем Крита, сыном Зевса и Европы, дочери финикийского царя Агенора, которую Зевс похитил, приняв образ быка. Знаменитый афинский мастер Дедал построил царю Миносу на Крите лабиринт. Минос не захотел отпустить Дедала с острова, и тогда Дедал сделал искусственные крылья и улетел с Крита со своим сыном Икаром. Икар упал в море и утонул, Дедал же прилетел в Сицилию. Что касается Миноса, то он за мудрость после смерти стал судьей в подземном царстве.

Персей, сын Зевса и Данаи, совершил целый ряд подвигов. Он победил трех страшных крылатых дев – Горгон. Сопровожаемый Гермесом и Афиной, он застал их спящими. Взгляд Горгон обращал в камень всякого смертного, поэтому Персей осторожно приблизился к ним задом и с помощью зеркального щита Афины и серповидного ножа, данного ему Гермесом, отрубил Горгоне-Медузе голову и быстро спрятал ее в мешок. Остальных двух Горгон он победил благодаря шапке-невидимке Гермеса. Персей почитался в Аргосе.

Диоскуры (сыновья Зевса) Кастор и Полидевк были особенно чтимы в Спарте. Они совершили множество подвигов как превосходные возничие и замечательные кулачные бойцы. После гибели Кастора неразлучные братья с позволения Зевса стали жить попеременно то в загробном мире, то на Олимпе.

О фракийском певце Орфее предание рассказывает, что, очарованные его пением, за ним следовали дикие лесные звери, двигались деревья и утесы, а реки останавливали течение. Когда его жена Эвридика погибла от укуса змеи, Орфей спустился в подземное царство и так тронул душу владыки Аида, что тот позволил ему вывести Эвридику на землю, но Орфей нарушил повеленье не оглядываться, пока не выйдет из мрака, и Эвридике пришлось навсегда вернуться в царство мертвых.

Общие предприятия героического периода. Фиванские войны, Лабдакиды, или сказание об Эдипе

Соседнее с Афинами фиванское государство стало ареной больших волнений, начавшихся со вступления на престол царя Эдипа, судьба которого стала излюбленной темой греческих трагедий. Лаий, сын фиванского царя Лабдака, узнал от оракула, что будет убит собственным сыном. Поэтому, когда его жена Иокаста родила сына, он приказал бросить ребенка в лесу на съедение диким зверям. Ребенку прокололи ножки и оставили в лесу. Там его нашли пастухи и принесли коринфскому царю Полибу. Бездетный Полиб усыновил и воспитал мальчика, дав ему имя Эдип («с опухшими ногами»). Однажды насмешки товарищей, намекавшие на таинственность его происхождения, возбудили в Эдипе сомнения. Он отправился к оракулу спросить о своей судьбе.

Оракул посоветовал ему не возвращаться в отечество, ибо в противном случае он убьет отца и женится на матери. Тогда Эдип не вернулся в Коринф, а пошел в Фивы. На пути он встретился в одном ущелье с незнакомцем и, поспорив с ним о том, кто кому должен уступить дорогу, поссорился с ним и убил его. То был отец его Лаий. Затем Эдип освободил Фивы от сфинкса – чудовища, наполовину льва и наполовину женщины, сбрасывавшего с утеса всех, кто не мог разгадать его загадку: «Кто утром ходит на четырех, днем на двух, а вечером на трех ногах?» Эдип разгадал, что это человек в детстве, в зрелом возрасте и в старости с палкой. В награду Эдип получил руку овдовевшей Иокасты и фиванский престол. От этого брака родилось четверо детей: Этеокл, Полиник, Антигона и Йемена. Страшная тайна открылась благодаря слепому прорицателю Тиресию. Иокаста лишила себя жизни, а Эдип выколол себе глаза. Шурин его Креонт отрекся от Эдипа, и тот, проклиная жестокосердыми сыновьями, покинул отечество и, сопровождаемый дочерью Антигоной, нашел успокоение в г. Колон близ Афин. Проклятие отца перешло на сыновей.

Этеокл и Полиник условились между собой занимать фиванский престол попеременно, каждый в течение года. Первым занял престол Этеокл и до того пристрастился к власти, что по прошествии года не пожелал оставить трон. Обманутый Полиник удалился к аргосскому царю Адрасту, своему тестю, и просил у него помощи. Семь вождей выступили с отрядами против сильно укрепленных Фив: Полиник, Адраст, Тидей, Амфиарай, Капаней, Иппомедон и Партенопей. Прежде чем оставить Пелопоннес, они учредили в Немейской роще игры, остававшиеся у греков долгое время после этого в большом почете.

Этеокл заперся с войском в Фивах, и все семеро вождей, осадившие город, не могли выгнать его оттуда: они были сильны лишь в открытом бою, а не в осаде укрепленных мест. Уже много храбрых воинов пало с обеих сторон, а Капаней свалился с лестницы, которую уже приставил к городской стене, когда Этеокл и Полиник решили кончить распрю единоборством. Было выбрано время и место поединка. Братья бросились друг на друга, нанесли один другому смертельные раны и оба испустили дух. По обычаю греков, сжигавших покойников, обоих братьев положили на один костер. Взаимная ненависть братьев была настолько безграничной, что самое пламя разделилось, как бы боясь смешать даже их пепел.

Царем стал Креонт, брат Иокасты. Под страхом смерти запретил он хоронить прах Полиника. Но Антигона не могла допустить, чтобы тело ее брата осталось непогребенным, и совершила обряд похорон. За это она была замурована в подземелье, а ее жених Гемон, сын Креонта, лишил себя жизни. Это столкновение двух обязанностей – долга повиновения закону с долгом любви и благочестия – очень трогательно изобразил Софокл в трагедии «Антигона».

Креонт продолжал войну против городов. При первой же его кровопролитной вылазке почти все аргосские предводители пали. Из семи вождей в живых остался только Адраст. Он

с такой поспешностью обратился в бегство, что не успел даже совершить обычного жертвоприношения в честь убитых в сражении и сжечь их тела. Фиванцы торжествовали победу. Но семеро вождей оставили после себя сыновей, так называемых Эпигонов, оказавшихся достойными мстителями за отцов. Десять лет спустя они вторглись в страну врагов. На этот раз фиванцы потерпели поражение и покинули город, который был разграблен. Сын Полиника Терсандр, хотя и завладел властью в Фивах, но над фиванским государством во все время, пока им управляли преемники Эдипа, непрерывно тяготело удручающее несчастье.

Поход аргонавтов

Одновременно с этими событиями, сопутствовавшими образованию отдельных государств, появились новые движения, бывшие началом того общего стремления в Азию, что проистекало из осознания единства греческого народа. К ним принадлежит и поход аргонавтов. Этот поход – событие историческое, но подробности его, подобно всему рассказанному выше, приукрашены эпическими и трагическими поэтами.

Пелий, царь фессалийский, получил предостережение оракула против «обутого на одну ногу». Однажды на пиршество, куда он пригласил друзей, явился человек, потерявший при переправе через реку обувь с одной ноги. То был Язон, родственник Пелия, имевший право на фессалийский престол. Чтобы обезопасить себя от Язона, Пелий приказал ему предпринять опасный поход в отдаленную Колхиду и похитить у свирепых варваров золотое руно. Оно представляло собой шкуру золотого барана, на котором фиванский царевич Фрикс и его сестра Гелла, спасаясь от преследований мачехи Ино, некогда переправились из Греции в Колхиду. По дороге Гелла упала в море, которое с той поры было названо Геллеспонтом (морем Геллы), а Фрикс достиг Колхиды, барана принес в жертву богам и шкуру его повесил в священной роще бога Ареса, где она охранялась огнедышащим драконом. Позже Фрикс был убит тамошним царем.

Поход аргонавтов, кроме прочего, имеет значение и для истории кораблестроения. Корабль Язона назывался «Арго» и был невиданных дотоле размеров; его построил один финикийский мастер. На призыв к неслыханному в Греции путешествию откликнулось множество отборнейших героев: в их числе были знаменитые братья Кастор и Полидевк из Лакедемона, Геракл, Тезей и непревзойденный певец Орфей. Аргонавты вышли из Иолкского залива в Фессалии, направились сперва к о. Лемносу, оттуда проплыли через Геллеспонт и Пропонтиду; затем отправились через новый пролив, названный Боспором Фракийским, и вошли в Черное море. До этих пор оно называлось Аксинским (негостеприимным) морем, а после того, как аргонавтам удалось благополучно совершить путешествие, было переименовано в Эвксинский Понт (гостеприимное море).

Колхидой правил дикий варвар Эт, предложивший им опасные испытания: запрячь в плуг двух огнедышащих быков, вспахать ими твердое поле, посеять в борозды драконовы зубы, победить одетых в медные доспехи исполинов, которые вырастут из этих зубов, и наконец, убить самого дракона, стерегущего руно. Но все это не представило Язону особых затруднений: его полюбила единственная дочь царя Медея, умевшая колдовать; при помощи ее чар Язон оказался неуязвимым для огня и ударов. Она же дала ему усыпляющий напиток против дракона и волшебный камень. Когда он кинул этот камень в посеянные драконовы зубы, исполины обратили гнев против самих себя и растерзали друг друга.

Язон вместе с Медеей и золотым руном сел на «Арго» и бежал из Колхиды. Эт пустился за ними в погоню, но Медея, заметив возле устья Истра (Дуная) парус отца, прибегла к отчаянному средству. Она убила и разрезала на куски взятого с собою маленького брата Абсирта, выставила его голову и руки на высокой скале, а остальные части тела разбросала по берегу, чтобы отвлечь внимание отца и заставить его задержаться, дабы собрать

члены любимого сына. Язон вернулся с Медеей на родину. Но впоследствии, когда он захотел жениться на дочери коринфского царя – Креузе, его постигло мщение покинутой им Медеи. С помощью отравленной одежды и венца она убила невесту и убила собственных детей, рожденных от Язона. После этого она спаслась в Афины на колеснице, запряженной крылатыми драконами.

Троянская война

Еще более замечательным и прославленным в поэзии событием стала Троянская война. В ней как в общенародном предприятии приняли участие не только отдельные герои, но и все греческие государства. Еще до возникновения великой персидской монархии, начавшей впоследствии непримиримую борьбу с Грецией, на малоазийском берегу существовало троянское государство, старавшееся не столько распространить господство на Европу, сколько войти с нею в сношения. Во время похода аргонавтов Геракл и другие герои успешно сражались с тогдашним царем Трои Лаомедоном. Причиной новой войны стал дерзкий поступок сына троянского царя Приама Александра, обычно называемого Парисом.

Парис приехал в Пелопоннес, остановился у спартанского царя Менелая и, по тогдашнему обычаю, был принят им с необыкновенным радушием. Но Парис дурно отплатил за гостеприимство. Красотой он пленил супругу гостеприимного хозяина, знаменитую Елену, и в свою очередь сам пленился ею. В отсутствие Менелая Парис, захватив бо'льшую часть его сокровищ и Елену, уехал в Трою. Вся Греция не столько была возбуждена таким поступком, сколько соединенным с ним оскорблением. Поэтому Менелая удалось привлечь на свою сторону много влиятельных мужей, согласившихся объехать всю Грецию, чтобы пригласить всех царей и царских сыновей для участия в общем походе на Азию. Самыми известными были брат Менелая микенский царь Агамемнон, Одиссей – царь о. Итаки, лежавшего между областью Акарнанией и о. Кефалонией, и Диомед Аргосский. Одиссей прославился хитроумием и красноречием, а Диомед – неустрашимостью и силой.

Это предприятие сулило такую богатую добычу и такую выгоду от торговли с Понтом Эвксинским, уже открытым и посещенным аргонавтами, что собрало невиданно большое войско, для перевозки которого требовалось 1200 кораблей. Жители отдаленнейших областей при этом впервые познакомились друг с другом и научились сознавать себя членами одной великой нации. Агамемнона выбрали верховным вождем всех племен. Но этим правом он не мог пользоваться по своему усмотрению и был весьма ограничен во власти над воинами других предводителей. Перед началом всякого предприятия вожди собирались на общее совещание, сидя в большом кругу на камнях. Всякий желавший говорить приказывал вестнику подать себе скипетр, который, произнеся речь, возвращал. Особенным весом на этих собраниях пользовались мнения Одиссея и престарелого Нестора из Пилоса. В последующих битвах отличились аргосский царь Диомед, царь о. Крит Идомей, сыновья Теламона Саламинского Аякс и Тевкр, но больше всех – предводитель мирмидонян Ахиллес из Фтии в Фессалии, соединявший в себе силу, отвагу и мужество льва. При них находился и жрец Калхас, заботившийся о необходимых жертвоприношениях, вопрошавший богов и узнававший их веления по внутренностям жертвенных животных.

Все корабли и войска собрались в Беотии, в Авлидской гавани. Противный ветер долго задерживал выход флота, и это показалось признаком неблагоприятия богов. Прорицатель Калхас объявил, что в жертву богине Артемиде должна быть принесена Ифигения – за то, что ее отец Агамемнон убил священную лань. Но Артемиды спасла ее, унеся на облаке в Тавриду (Крым), где дочь Агамемнона стала жрицей при храме Артемиды. Ветер переменился, и флот греков счастливо приплыл к троянским берегам.

Однако здесь дела не сразу пошли так, как того желали греки. Троя была укреплена гораздо сильнее Фив. Неприятели были столь же многочисленны, как и греки: многие соседние племена поддерживали их и пришли на помощь, а собравшийся за стенами Трои народ имел в «шлемоблещущем» Гекторе, сыне троянского царя Приама, предводителя, не уступающего ни одному греку в силе и ловкости. Поэтому взятие города неожиданно замедлилось, как утверждает греческий поэт Гомер, на 10 лет.

Важным затруднением являлся недостаток съестных припасов. Для удовлетворения потребностей греки принуждены были частью заниматься земледелием в Херсонесе Фракийском, частью добывать необходимое мечом. Так, Ахиллес с фессалийскими воинами напал на о. Лесбос, разграбил его и увел оттуда множество женщин и девушек, которых разделил между остальными предводителями. В другой раз он побывал с такой же целью на Киликийском берегу. Вообще он завоевал 12 приморских и 11 внутренних городов. Поэтому греческое войско редко оказывалось в полном составе и не было в состоянии обложить город или предпринять решительное сражение. При этом военное и осадное искусства еще находились в зачаточном состоянии. Оба неприятельских войска сражались между собой не в полном составе и не по общему плану. Герои часто употребляли боевые колесницы; на них впереди стоял возница, герой из-за него бросал копье. Иногда вместо копья применялись тяжелые камни. Но чем менее было в этой борьбе военного искусства, тем более выказывалось в ней свободы и игры человеческих чувств и страстей.

3. Переселение дорян. Колонии (1100 г. до н. э.)

Троянская война несколько не привела к сближению Азии и Европы. Но стоило грекам ознакомиться с плодородными берегами Азии, как они стали сюда стремиться. В скором времени вся приморская полоса Азии покрылась греческими городами: многим эллинам пришлось покинуть отечество и искать пристанище на азиатском берегу. Причиной этому стал великий переворот: сначала он коснулся только Пелопоннеса, но затем распространился и на все греческие племена. То было знаменитое переселение дорян, известное под именем «возвращения Гераклидов», ибо во главе переселенцев стояли мнимые потомки Геракла. В сказании об этом событии, смешанном с преданиями, делались попытки доказать законность овладения Пелопоннесом дорянами. Те считали себя потомками Геракла, а отец Геракла, Амфитрион, когда-то владел Микенами, но из-за умышленного убийства вынужден был бежать в Фивы. Сын его Геракл, воспитанный в Фивах, ничего не сделал для возвращения отцовского государства – он долго служил фиванскому царю Эврисфею и по его приказанию совершил двенадцать подвигов. Однако сыновья Геракла предъявили права к Пелопидам: те благодаря брачным союзам подчинили своей власти не только микенское государство, но и весь Пелопоннес. После нескольких тщетных попыток правнукам Геракла Темену Кресфонту и Аристодему поддержанным этолийцами и другими племенами, через 80 лет после Троянской войны удалось вторгнуться в Пелопоннес. Сначала они пытались сделать это из Коринфа через Истмийский перешеек, но, наконец, следуя совету Дельфийского оракула, переплыли залив на кораблях, высадились в Ахайе и направились дальше. Они подчинили весь Пелопоннес, за исключением Аркадии, сохранившей независимость благодаря гористой местности и благоразумию царя.

Победители разделили между собой по жребию покоренную страну и образовали три новых государства: Мессению получил Кресфонт, Аргос достался Темену, а Лакония – двум братьям-близнецам, сыновьям умершего в походе Аристодема, Эврисфену и Проклу. Элиду отдали во владение союзнику – этолийцу Оксилу. Аргосские Гераклиды завоевали пограничные городские округа Сикион, Флиус, Трезен, Эпидавр. Внук Геракла Алет с дружиной дорян завоевал Коринф. Только Пелопиду Тизамону, изгнанному из своего государства, удалось опять вытеснить ионян из Ахайи и основать здесь новую державу. Остальные коренные жители Пелопоннеса, особенно в Спарте, в скором времени на весьма тяжких условиях должны были подчиниться власти новых победителей или выселиться. Именно так поступили вытесненные из Ахайи ионяне, которые направились в Аттику. Эти беглецы, лишившись жилищ, в конце концов покинули отечество и основали столь важные для греческой истории греческие колонии в Малой Азии, которые простирались от м. Триопийского до м. Лектонского и распространились на близлежащие острова. Жители колоний отличались деятельным, предприимчивым торговым духом, ранним развитием научного и художественного образования. Они первыми из греческих областей столкнулись с персами и втянули в это столкновение свою греческую родину. Важнейшими ионийскими колониями были Милет, Эфес, Смирна, Колофон, Клазомена, Фокея и о-ва Самос и Хиос. Не менее замечательными были колонии эолийские – Киме и на о. Лесбосе Митилена и Метумна, основанные сыном Ореста Пенфилом, бежавшим из Микен сперва во Фракию, а оттуда в Азию. Несколько позднее появились дорийские колонии, к которым принадлежали Галикарнас и Книд, а позже – о. Родос. Различные города этих колоний, принадлежавших к одному племени, имели, по древнему обычаю, общие храмы, где отмечались ежегодные празднества и происходили общие собрания. Эти установления служили сохранению политической связи между отдельными городами. Для этой цели ионянам служил Панионион на м. Микала, эолийцам – храм в Киме,

дорьянам – храм Аполлона Триопийского в Книде. С отечеством колонии находились в дружественно-родственных отношениях. При отъезде переселенцы брали с собой огонь из родного города. В празднествах города-метрополии принимали участие и жители основанного им колониального города. В позднейшее время и спартанцам, и афинянам удалось приобрести власть над колониями.

В первые столетия после переселения дорян в политической жизни греческих государств произошла важная перемена: всеобщее уничтожение царской власти и установление власти аристократов. Возвысившись благодаря родству с бывшими царями, военным заслугам, земельной собственности и высшему образованию, аристократы ограничились царскую власть, а потом и совсем вытеснили ее. Там, где благородные злоупотребляли властью и старались умалить права остальных граждан, аристократия вырождалась в олигархию (власть нескольких привилегированных фамилий). Из-за этого стали возникать смуты в народе и недовольство. Во главе недовольных становилась личность, выдававшаяся умом, и объявляла себя единовластителем. Подобное лицо, хорошо или дурно оно управляло, называлось тираном. Тиранами в лучшем смысле этого слова были, например, Периандр Коринфский (625), Поликрат Самосский, Писистрат Афинский, Питтак Лесбосский, Гиерон I Сиракузский. Тиранами в худшем смысле были оба Дионисия Сиракузские, Старший и Младший. Тирания была лишь переходной формой к демократии (народовластью при совершенной полноправности граждан). Лучшим примером такого государственного устройства служат Афины. Спарта, где царская власть сумела удержаться, представляет, напротив, пример неизменности и устойчивости первобытной формы правления.

4. Государственная реформа Ликурга в Спарте (ок. 800 г. до н. э.)

В Беотии царское достоинство было уничтожено в 1126 г., в Аргосе – в 984 г., в Элиде – в 780 г., в Коринфе – в 584 г. до н. э. О времени уничтожения царского достоинства в Ахαιе точных сведений нет.

Одна Спарта не утратила царского достоинства, но и она не избежала внутренних смут, свойственных прочим греческим государствам. Страсти были возбуждены до такой степени, что один царь, Эвном, при возмущении был убит на площади народом. Но как раз в период этих смут среди спартанских граждан нашелся муж, оказавшийся способным отыскать противоядие от этого государственного недуга. То был Ликург – младший сын царя Эвнома. Он должен был наследовать старшему брату Полидекту, который после кратковременного правления умер. Но на восьмом месяце правления он узнал, что вдова брата собирается родить. Тогда он торжественно объявил, что отказывается от престола. Вдова, женщина честлюбивая, велела тайно сообщить ему, что она умертвит ребенка, если Ликург согласится жениться на ней и остаться царем. Гнушаясь подобным предложением и желая спасти жизнь ребенка, Ликург медлил с ответом и в то же время поручил слугам скрытно наблюдать за матерью и, как только родится ребенок, немедленно принести его. Он сидел за столом со знатными спартанцами, когда ему принесли только что родившегося племянника. В радости Ликург воскликнул: «Спартанцы! У вас родился царь!» Он немедленно объявил себя опекуном новорожденного и назвал его Харилаем, что означает «радость народа». Сам же отказался от престола. Несмотря на такую благородную скромность и бескорыстие, Ликург не избег клеветы оскорбленной царицы и ее приверженцев. Те распустили слухи, что он хочет уничтожить младенца. Для устранения всяких подозрений Ликургу пришлось покинуть Спарту. Возможно, он уже тогда возымел намерение предпринять путешествие для обогащения себя политическими сведениями и опытом, чтобы принести затем пользу отечеству. Прежде всего он отправился на о. Крит, славившийся мудростью и строгими законами Миноса. Здесь, должно быть, впервые Ликург принял решение сделаться законодателем народа. Затем он направился в Малую Азию, объехал тамошние греческие колонии и привез оттуда неизвестные до того времени в Греции поэмы Гомера. По некоторым известиям он посетил и Египет.

Пока Ликург вдали от родины усердно готовился стать законодателем отечества, лица, жаждавшие восстановления порядка и прочных основ государства, с нетерпением ожидали его возвращения. Именно на них мог рассчитывать Ликург, собираясь проводить в жизнь свои законы. Он также не упустил случая на обратном пути в Спарту посвятить в тайну и намерения расположенных в его пользу людей. Многие из личных соображений были против изменения порядка в государстве. Ликург обратился к Дельфийскому оракулу, спросив, следует ли вводить новые законы. Пифия объявила, что почитает Ликурга более божеством, чем смертным, а составленные им законы наилучшими. Подкрепленный божеской помощью, Ликург выступил на площади с торжественным объявлением о преобразованиях. С ним вместе явилось 30 вооруженных сторонников – для отпора возможным противникам. Преобразования касались взаимных отношений властей и граждан, частной собственности и образа частной жизни. Благодаря этим преобразованиям должна была установиться прочная власть государства над отдельными лицами, взаимное равноправие граждан и свободное слияние их в общее целое. В своем законодательстве Ликург сумел искусным образом соединить старинные обычаи с новыми законоположениями, иноземное с отечественным. Упорная привязанность спартанцев к старинным обычаям и совершенно изменившееся культурное положение остальных эллинов позволяют думать, что нововведения Ликурга – действительно нечто новое и преднамеренное, хотя и основанное на древних дорических законах.

Во главе государства в Спарте издавна стояли два царя. Отношения между властью наследственных царей и правами народного собрания Ликург старался упрочить учреждением герусии (совета старейшин). Тот состоял из 28 геронтов и обоих царей. Геронтам полагалось быть людьми рассудительными и опытными, поэтому каждому должно было исполниться 60 лет. Только безукоризненная жизнь могла придать им это достоинство. Выборы нового геронта происходили так: в день выборов кандидаты один за другим являлись перед народным собранием; особые лица, которые находились в отдельном закрытом помещении и не видели кандидатов, решали, кого народ встречал более громкими приветствиями и кто оказывался тем самым наиболее достоин занять столь почетную должность. А должность была важна: в руках геронтов находилось государственное управление. Они также предварительно обсуждали все предложения, которые рассматривало народное собрание. Это собрание состояло из всех спартиатов, достигших 30 лет. Голосование происходило криком одобрения или неодобрения, без подсчета голосов. Решения народного собрания распространялись на вопросы войны и мира, договоров и выбора новых должностных лиц. За царями сохранились два чрезвычайно важных преимущества: они предводительствовали войском на войне и были первосвященниками. В этом звании они как в мирное, так и в военное время совершали торжественные жертвоприношения от лица всего народа, вели дипломатические переговоры с иностранными государствами и в наиболее важных случаях выносили окончательные приговоры по судебным делам. Позднее была введена должность эфора. Пять сменяемых ежегодно эфоров имели высший надзор за свершением правосудия. Они составляли демократический противовес власти царей и геронтов. Значение эфоров впоследствии достигло такой силы, что сами цари должны были подчиняться их приговорам.

Чтобы это новое государственное устройство имело прочное основание, Ликург постарался уничтожить главную причину недовольства – поразительно неравномерное распределение имущества между гражданами. Он разделил всю Лаконскую область на равные земельные участки; при этом земельная собственность самих спартанцев (дорийских завоевателей) состояла из 9000, а периеков (покоренных спартанцами людей) из 30 000 частей. Чрезмерно разбогатевшие лица с большим трудом принуждены были к этому разделению. Весьма вероятно, что Ликург возобновил лишь старинное разделение страны, которое существовало после покорения Спарты Гераклидами, и восстановил это разделение на старинных правах, уничтоженных силою, хитростью или случаем. При этом Ликург позаботился так устроить новое распределение собственности, чтобы возвращение к неравенству в имущественном отношении стало невозможным. Для этого он запретил землевладельцам продавать участки и определил, что наследство отца должно всегда переходить к старшему сыну, а если сына не будет, участок переходит к дочери, но эта дочь могла выходить замуж только за человека, не имеющего никакой собственности.

Особое внимание уделяли законы Ликурга воспитанию юношества. Ликург считал детей собственностью государства, а воспитание их – правом государства. Поэтому дети тотчас после рождения подвергались осмотру, здоровы ли они, сильны и не увечны ли. В последнем случае дети, как не могущие стать способными орудиями государства, обрекались на гибель, для чего сбрасывались в пропасть с Тайгетской скалы. Если же они были здоровы, то возвращались родителям на воспитание. Но родители занимались этим делом только до 6 лет. На 7-м году воспитание принимало на себя государство. Все городские мальчики разделялись на разряды и классы и жили вместе под наблюдением особо назначенных государством надзирателей. Надзиратели, в свою очередь, со всеми подчиненными находились под начальством главного надзирателя – педонома. Эту должность обычно занимал один из знатнейших и почетнейших граждан. Таким совместным воспитанием достигалось то, что все дети проникались общим духом. Детей воспитывали в величайшей простоте и умеренности, подвергали всякого рода лишениям. Пища их была дурна и настолько недоста-

точно, что они должны были сами добывать себе пропитание, но пойманный при этом подвергался наказанию. Одежда детей состояла из простого плаща, и они всегда ходили босиком. Спали на сене, соломе или тростнике, собираемом ими самими из р. Эврот. Ежегодно в праздник Артемиды мальчиков секли до крови, и некоторые падали замертво, не произнеся ни звука, не издав ни одного жалобного стога. Этим полагали достичь того, что вышедшие из таких мальчиков мужчины не будут бояться в сражении ни ран, ни смерти.

Законы, касавшиеся частного образа жизни, также были направлены на уничтожение неравенства. Ни один спартанец не имел права есть у себя дома, а все пользовались общим столом в т. н. общественных фидитиях или сисситиях, обыкновенно из 15 человек за одним столом. На покрытие издержек такого общего стола каждый спартанский гражданин был обязан ежемесячно доставлять какое-то количество съестных припасов: ячменной муки, вина, сыру и фиг. Приправы приобретались на незначительные денежные взносы, составлявшие для каждого десять обол. Самые бедные, кто был не в состоянии платить взносы, от них освобождались. Но от сисситии мог быть освобожден только тот, кто занят жертвоприношением или устал после охоты. В этом случае, чтобы оправдать отсутствие, он должен был послать в сисситию часть принесенной жертвы или добычи. Это исполнялось так строго, что когда впоследствии царь Агис, возвратившись домой после войны с афинянами, пожелал обедать дома, распорядители непустили из сисситии следовавшей ему порции. Для поддержания этих сисситий служил еще один закон, по которому ни под каким видом не дозволялось есть до обеда дома, а за общественным столом только делать вид, что ешь. К различного рода невкусным кушаньям принадлежала и знаменитая «черная похлебка». То был род супа, сваренного из крови и уксуса. Однажды сиракузский тиран Дионисий попробовал этого национального спартанского блюда. На вопрос, как ему понравилось, он отвечал, что оно ему пришлось вовсе не по вкусу. Тогда повар заметил: «Охотно верю, потому что в нем недоставало приправы – ни трудов на охоте, ни испарины после купания в Эврот, которые и составляют приправу, придающую вкус кушанью для спартанцев». В частных жилищах Ликургом был изгнан всякий признак роскоши, для чего им было предписано не употреблять при постройке домов никаких других инструментов, кроме топора и пилы.

Естественным следствием простоты таких отношений и потребностей было то, что в государстве деньги в большом количестве не обращались, и при ограниченности торговли с другими государствами, в особенности в первые времена, жители легко обходились без золота и серебра. Это обстоятельство приписывается Ликургу, будто бы изгнанному из государства все золото и серебро и заменившему их железной монетой, которая тяжестью и количеством должна была затруднить денежный оборот. Но в столь ранние времена не было ни надобности, ни необходимости отменять золотую монету: у спартанцев никогда не было большого количества благородных металлов, так что они не могли впоследствии даже доставить золота, потребного на позолочение головы Зевса Амикклейского. Поэтому скорее всего можно предположить, что малое количество золота и серебра во времена Ликурга было весьма естественно и только позже, когда в остальных греческих государствах золотая монета вошла в большое обращение, Спарта стала отличаться тем, что в ней было мало золота. Таким же образом напрасно приписывают Ликургу и запрещение всякого умственного занятия в то время, как в остальной Греции сначала в немногих местах, а потом и во всей эллинской нации уже проявлялись признаки научного образования.

При необыкновенной привязанности спартанцев к своим законам и обычаям умственное развитие их задерживалось всей системой древних учреждений, приспособленной к их государственному устройству. И когда в других греческих государствах появлялись ораторы, софисты, философы, историки и драматические поэты, умственная сторона воспитания у спартанцев ограничивалась лишь обучением грамоте и письму, священным и воинственным песням, которые пели на празднествах и начиная битву. Мальчиков приучали с ранних лет

к кратким, ясным ответам. Такая речь называлась лаконической. Речь эта отличалась меткостью и остроумием, а в выражении духовной свободы и независимости возвышалась над речью тех, кто, хоть и имел прославленное образование, но утратил силу, ясность и душевную чистоту. С такими понятиями, вытекавшими из жизненного опыта, неразрывно было связано свойственное преимущественно спартам и прославившее их почитание старших, ибо мудрость приобретается главным образом долгой жизнью. Цицерон рассказывает один показательный случай. Однажды в Афинах некий мудрец вошел в театр, но не нашел себе места между согражданами. Тогда он подошел к местам, занятым случайно находившимися в Афинах спартанскими послами, которые все встали, чтобы дать мудрецу место. Такая самобытность в нравах и образовании, которую поддерживали законы Ликурга, еще больше усиливала отличие спартанцев от прочих эллинов и вела к пушей отчужденности природного характера спартанско-дорийского племени. Поэтому, хоть и указывают на Ликургов закон, по которому ни один иностранец не мог оставаться в Спарте дольше необходимого времени и ни один спартанец не имел права долго жить вне отечества, очевидно, что таков просто был обычай, вытекавший из самой сущности вещей. Природная суровость Спарты уже сама по себе удаляла от нее чужеземца, а привлекать его туда могла только любознательность. Для спартам же чужая сторона не могла иметь никакой заманчивости: там он встречал чуждые обычаи и условия жизни, к которым приучался с самого детства относиться не иначе как с презрением. А поскольку Ликург постарался как можно теснее слить всех граждан с государством, каждый в отдельности и не стремился удаляться из страны и долго жить в чужих краях, за исключением того случая, когда он шел туда в составе всего государства, т. е. войной.

Кроме изложенных выше законов, устанавливающих умеренность, сохранение телесного здоровья, презрение ко всякого рода опасностям, существовали и другие постановления, непосредственно стремившиеся образовать из спартанцев воинов и храбрых мужей. Пребывание в военном лагере считалось праздником. Здесь строгость домашней жизни получала некоторое облегчение и жилось несколько свободнее, а отнятая у неприятеля добыча доставляла большее разнообразие и изобилие в пище и питье. Багряная одежда, носимая спартам на войне, венки, которыми они украшали себя, вступая в сражение, звуки флейт и песен, сопровождавших их при наступлении на врага, – все это придавало страшной прежде войне веселый и торжественный характер. Храбрые воины, павшие на поле битвы, погребались в лавровых венках. Еще почетнее было погребение в багряной одежде; имена указывались только на могилах убитых в сражении. Трус же наказывался оскорбительным позором. Кто бежал с поля битвы или уходил из строя, тот лишался права участвовать в гимнастических играх, в сисситиях, не смел ни покупать, ни продавать – одним словом, во всем выставлялся на всеобщее презрение и поношение.

Ликург запретил окружать город стенами и укреплениями и искать защиту его в чем-либо ином, кроме храбрости его граждан. Спартамцы не любили и не умели осаждать укрепленные города и башни. Сражаться один на один – вот искусство, которое они изучали с детства, и все гимнастические упражнения и звериная охота, составлявшие их ежедневные занятия, основывались только на правилах подобной войны. Упражняясь в единоборстве, метании диска, военных плясках, плавании, приобретали они ту неустранимость, благодаря которой их короткий, изогнутый меч в единоборстве, длинное, далеко достававшее копье, тесно сплоченная фаланга при наступлении приводили к расстройству противника. Для того, чтобы никакие посторонние влияния не могли помешать этому направлению, спартанские девушки и молодые женщины должны были также участвовать в гимнастических упражнениях, причем имели отдельные места для этих занятий, но при некоторых состязаниях и играх молодежь обоего пола присутствовала вместе. Законодатель хотел, чтобы они даже ценой потери женской стыдливости не только рожали стройных и сильных сыновей, но и

сами проникались мужественным духом и не уступали мужчинам в любви к отечеству, презрении к смерти и перенесении всяких лишений. Поэтому насколько их похвала была поощрением для спартанских юношей, настолько порицание было огорчением и унижением. Нет ничего удивительного в том, что спартанские женщины пользовались в государстве таким большим уважением. Женщины в Спарте так же мало, как и мужчины, занимались ручным трудом, но проводили жизнь исключительно в занятиях, наиболее соответствовавших их гражданскому призванию. Такая свобода граждан основывалась на тяжелом рабском труде, давшем повод к известной во всей Греции поговорке: «нигде свободный человек не свободнее, а раб не более притеснен, чем в Спарте».

Завоевание Пелопоннеса дорийцами породило 2 совершенно противоположных по правам класса жителей: победителей – дорийцев и побежденных – ахейцев. Только спартиаты считались действительными, полноправными гражданами; побежденные, известные под именем периеков, а также лакедемоняне, жившие внутри страны и в приморских городах, занимались частью торговлей, частью ремеслами или же возделыванием оставленных им полей, от дохода с которых должны были отдавать часть спартамцам. Они также обязаны были нести военную службу в войсках и флоте, но не имели права участвовать в государственном управлении и исключались из народных собраний. Периеки составляли переходную ступень к третьему классу – илотам или общественным рабам. Илоты были собственностью государства, и оно отдавало их в пользование отдельным спартамцам. Название их, по общему мнению, произошло от имени г. Гелос, жители которого были обращены в рабство. Завоевание других городов увеличило число илотов. Им, впрочем, дозволялось вступать в брак. Илоты были обязаны возделывать государственные земли и поля спартамцев и доставлять определенное количество ячменя, вина и оливкового масла, исполнять различные мелкие работы: прислуживать при общественных обедах, носить тяжести в походе, работать в военное время при укреплении лагеря, а в случае нужды сопровождать спартамцев и на войну в качестве легковооруженных воинов. От свободных граждан илотов отличала одинаковая одежда – кожаная шапка и овчина. Они должны были часто напиваться допьяна, чтобы пьянство представлялось молодым спартамцам в отвратительнейшем виде, петь неприличные песни и танцевать непристойные пляски. Но петь песни, сочиненные Терпандром и Алкманом для возбуждения благородных чувств, илотам не дозволялось: такие песни могли петь только спартамцы.

Сурова и бесчеловечна была так называемая криптейя, которую тоже считают Ликуровым постановлением. То была правильно организованная система шпионажа. Молодых спартамцев посылали бродить по стране, подслушивать речи илотов и всех подозрительных убивать кинжалами. Самых сильных и отважных илотов тайно убивали, а в отношении прочих имели в виду, что их не должно быть больше 500 000, так как в противном случае они могли быть опасны для 9000 спартиатских семейств. Таким образом, спартамцы жили, постоянно опасаясь илотов, а илоты всегда были готовы к возмущению и к мщению, «подстерегали несчастье Спарты», как говорил один писатель. Эти взаимоотношения становились все враждебнее: гнет илотов увеличивался и делался бесчеловечнее, а с другой стороны после покорения Ликуром Мессении жители ее были обращены в илотов, и их число значительно увеличилось.

О смерти знаменитого законодателя существуют разные сомнительные сообщения. По одному преданию, Ликург, написав и введя в действие законы, предпринял путешествие в Дельфы, чтобы спросить оракула, не следует ли изменить что-либо в законодательстве, а перед отъездом взял с соотечественников клятву не предпринимать никаких изменений в законах до его возвращения. Когда же оракул ответил, что при этих законах Спарта возвысится и возвеличится, Ликург послал этот ответ в Спарту, а чтобы лишить спартамцев возможности освободиться от данной ими клятвы, добровольно уморил себя голодом в Фокиде

или Элиде. По другим же сказаниям, он умер на о. Крит и приказал там же сжечь его тело, а пепел бросить в море, чтобы с перенесением его останков в Спарту граждане не сочли себя освобожденными от данной клятвы, а наоборот строго исполняли бы его постановления. Спартанцы исполняли законы Ликурга много веков. Благодаря духу этого законодательства они окрепли и достигли преобладающего положения не только среди дорийских племен, но на некоторое время, как покажет дальнейший ход истории, возвысились даже над всеми эллинами. Прежде всего, они очень скоро заняли первое место в Пелопоннесе благодаря войне с мессенцами. Счастливый исход войны создал для них внешнюю безопасность в такой же мере, как законодательство Ликурга способствовало благоприятному развитию их внутреннего гражданского быта.

5. 1-я и 2-я Мессенские войны (730–710 и 645–630 гг. до н. э.)

Ближе других к Лаконской области лежала Мессения (средняя, или внутренняя страна). Уступая по площади Лаконии, она была гораздо плодороднее. Находясь в неприятельских руках, она могла быть угрозой, а будучи во власти спартанцев – являлась щитом Лаконии. Это и побудило спартанцев полностью упрочить положение присоединением Мессенской области к своей территории. Взаимные притязания и опасения обоих государств и некоторые случаи, толкуемые каждой стороной в свою пользу, привели к открытому столкновению. Вина в этом отношении была более на стороне спартанцев. Тайно подготовившись к войне и дав торжественную клятву не слагать оружия, пока неприятельская сторона не будет завоевана, спартанцы в 730 г. до н. э., не известив мессенцев, как то следовало по принятому обычаю, внезапно начали войну. Ими руководил царь Алкамен, отец которого Телекл был убит мессенцами при жертвоприношении, на которое собрались оба народа. Спартанцы вторглись в Мессенскую область, завладели пограничной крепостью Амфеей и убили большинство жителей или в собственных постелях, или в храмах у жертвенников, где многие, пытаясь спастись, искали убежища.

Это несправедливое нападение пробудило остальных мессенцев от безмятежного покоя. Не теряя мужества, хотя и вполне сознавая, что они не могут одержать верх над опытными и искусными в военном деле спартанцами, они удалились в укрепленные города, ревностно предались военным упражнениям, отбили неприятеля от укреплений и отплатили за грабежи удачными набегами на область лакедемонян. Война без решительного перевеса продолжалась 4 года. В одном большом сражении мессенцы бились с таким ожесточением и отвагой, что показали себя вполне достигшими спартанского военного искусства. Когда военные силы мессенцев ослабели, они решились покинуть города, удалиться на крутую гору Итому, укрепить ее и на этом месте сосредоточить защиту свободы и независимости. Одновременно они обратились к пользовавшемуся у всех дорийцев величайшим уважением Дельфийскому оракулу с вопросом о своей судьбе и получили ответ, что мессенцы победят, если в жертву подземным богам будет принесена непорочная девушка из царского рода. Их герой Аристодем добровольно предложил свою дочь и собственноручно умертвил ее. Но спартанцы, поверив в счастье и спасение мессенцев, больше ничего не предпринимали против них.

Однако спартанцы вскоре благодаря счастливым предсказаниям ощутили новое воодушевление и достаточную силу для новых предприятий. В новом большом сражении мессенцы, еще находясь в полном уповании на оракула, сражались так мужественно, что опять не было никакого перевеса. Но в этом сражении мессенцы потеряли царя Эфая и вместо него провозгласили царем Аристодема. Тот 6 лет причинял спартанцам большой вред опустошительными набегами в их область. Поддержанный аргивянами и аркадянами, он в одном сражении нанес им такое жестокое поражение, что спартанцы на некоторое время совершенно присмирели. Но конечная победа оказалась все-таки на их стороне. Мессенцы на вопрос к Дельфийскому оракулу, кому достанется честь победы, получили ответ: «Тому, кто первый поставит вокруг жертвенника Зевса в Итоме 100 треножников». Мессенцам исполнить это было легче всего, и они не торопились. Спартанцы же, узнав о таком прорицании, упредили их. Приготовив поспешно из глины сто треножников, они пронесли их незаметно ночью в святилище. Эта удавшаяся хитрость и другие дурные предзнаменования породили в мессенцах твердое убеждение в неизбежности собственной гибели. Аристодем лишил себя жизни на могиле напрасно умерщвленной дочери, а прочие мессенцы после упорной попытки отбить от Итомы неприятеля также предались отчаянию. Они покинули Итому из-за голода;

часть спаслась бегством к союзникам, аргивянам и аркадянам, посвятила себя Элевсинским таинствам и переселилась в Элевсин, остальные рассеялись по всей стране. Беднейшая часть народа осталась на родине и принуждена была к зависимости от спартанцев. Обязанные присягою, они не должны были никогда отпадать от спартанцев, предоставлять в их пользу половину сбора с полей и, подобно перизкам и илотам, являться в черной одежде на погребение спартанских царей.

Мессенцы еще раз попытались сбросить с себя позорное иго упорной войной. Выросло новое, сильное молодое поколение, горевшее одним чувством – желанием отомстить Спарте. Вся сила этой мести и стремления к свободе сосредоточилась в Аристомене, юноше из царского рода. Он стал душой нового восстания; все мессенцы возложили упования на ум и мужество этого юноши, который к тому же смог договориться о помощи с аргивянами и аркадянами. Так началась 2-я Мессенская война. В первом же сражении между мессенцами и спартанцами Аристомен настолько доказал свою храбрость и способности, что мессенцы предложили ему сперва царское достоинство, а потом, когда он отказался, – неограниченную власть предводителя. Вскоре после Аристомен проник ночью в Спарту и положил в храм Афины Халкиокийской щит с надписью: «Аристомен посвящает его богине после победы над Спартой». Спартанцы должны были противопоставить такому страшному противнику самого выдающегося человека. Они спросили Дельфийского оракула, и тот посоветовал обратиться за помощью к афинянам. Те же вместо войска прислали поэта Тиртея. Пламенными песнопениями и военными гимнами он водворил мир и согласие между враждовавшими до тех пор гражданами и вновь воодушевил и оживил их упавшее мужество. Однако мессенцы благодаря храбрости Аристомена и в открытом бою, и в набегах постоянно побеждали спартанцев. В конце концов, спартанцы прибегли к самому постыдному средству – предательству. Они подкупили аркадского царя Аристократа, приведшего к мессенцам вспомогательное войско. В самый разгар сражения он ушел с войсками и тем привел мессенцев в такое расстройство, что спартанцы одержали над ними полную победу. Мессенцам не оставалось другого выхода – лишь тот, к которому они прибегли в 1-ю Мессенскую войну. Они оставили за собой лишь западный берег. Жители остальной страны, в особенности способные сражаться, заняли укрепленную гору Иру. Отсюда Аристомен предпринимал такие успешные набеги, что спартанцы решили не обрабатывать полей в близлежащих областях Мессении и Лаконии: Аристомен уничтожал все посевы на них. Такое положение создало голод и повело к возмущению землевладельцев, которых с трудом усмирил Тиртей.

Аристомен же становился все смелее. Он напал даже на г. Амиклы и разграбил его. Но при этом нападении он вместе с 50 товарищами был схвачен спартанцами и брошен в пропасть с Тайгетской скалы, откуда сбрасывали осужденных на смерть. Казалось, ничто не могло спасти его, и спартанцы рассчитывали, что со смертью Аристомена окончится и война. Но к радости своих и к ужасу врага, случай, изукрашенный в легенде вымыслом, спас Аристомена от верной гибели. Из всех брошенных в пропасть мессенцев одному ему спастись удалось. Сначала, казалось, счастье совсем покинуло его, и он приготовился к мучительной смерти, как вдруг он услышал шорох и увидел лисицу, пожиравшую труп. Появление этого животного доказало ему возможность выхода из пропасти, и он возымел надежду найти для себя этот выход. Незаметно и проворно схватил он одной рукой хвост лисицы, а другой, обмотав ее плащом, защищался от укусов. Следуя за лисицей, он достиг прохода, расширил его, насколько позволили силы, и убежал из пропасти к своим на Иру. Ликующие мессенцы собственными глазами убедились в спасении Аристомена, которого считали умершим. Спартанцы не хотели верить случившемуся, но вскоре им пришлось убедиться в справедливости слухов: Аристомен напал на коринфян, шедших на помощь спартанцам, и рассеял их войско. Спартанцы не пренебрегали ничем, чтобы обезвредить такого противника. По случаю наступления в Амиклах священного праздника Гиацинтий они заключили с

мессенцами перемирие. Аристомен, полагаясь на договор, разъезжал по Мессении. При этих разъездах он был схвачен находившимися на жалованье у спартанцев критскими стрелками и, связанный, отправлен был в Спарту. Но на остановке в пути, в доме одной мессенянки он был снова спасен ее дочерью от неминуемой гибели.

Аристомен и его народ казались непобедимыми. Но боги решили погубить Мессению, что и было возвещено оракулом. Для окончательного падения Мессении судьба воспользовалась минутой, когда полученная Аристоменом при одном набеге рана помешала его обычной бдительности и заботе об охране и защите укрепленной горы Иры. Случилось так, что в одну дождливую и темную ночь в надежде, что спартанцы ничего не предпримут в такое время, мессенские часовые покинули посты и ушли домой. Один спартанский беглец случайно спрятался в доме ушедшего с поста мессенского часового. Узнав таким образом о совершенной беззащитности крепостных стен, он поспешил в спартанский лагерь, рассчитывая за такую новость получить позволение вернуться в отечество. Спартанцы не замедлили воспользоваться этим и ворвались в крепость, прежде чем мессенцы успели их заметить. Пробужденные шумом мессенцы, еще три дня и три ночи отчаянно защищались под предводительством Аристомена. Наконец, когда превосходство сил все прибывавших спартанских войск сделало сопротивление невозможным, Аристомен постарался спасти остаток народа. Он собрал всех вокруг себя, стал сам во главе, свободно прошел сквозь расступившиеся ряды спартанцев, которые не пожелали купить победу над этой горсткой врагов слишком дорогой и кровавой ценой, и направился в Аркадию. Отсюда спасшиеся бегством мессенцы, соединившись с толпой соотечественников, населявших западную часть Мессении, отправились в Сицилию. Там они овладели г. Занкле и назвали его Мессаной. Аристомен же отправился на о. Родос к царю Дамагету. Тот, повинуясь Дельфийскому оракулу, повелевавшему ему жениться на дочери лучшего из греков, вступил в брак с дочерью Аристомена. Мессенский герой умер на этом острове, собираясь ехать сначала к мидийскому, а от него к лидийскому царю. Оставшиеся в своей области мессенские жители были обращены спартанцами в илотов, а вся земля их была разделена между спартанцами. С победой над мессенцами Спарта получила решительный перевес над государствами Пелопоннеса, что и было теми признано. Только один Аргос выражал неудовольствие и впоследствии, завидуя гегемонии Спарты, держался от нее в отдалении. Даже за пределами отечества Спарта как сильнейшее государство Греции пользовалась в VI в. до н. э. большим уважением, что доказывает, например, тот факт, что Крез обратился к Спарте с предложением принять участие в его войне против Кира.

6. Солон – законодатель афинский (594 г. до н. э.)

Гораздо позднее и совсем в ином духе перешло к прочной форме правления афинское государство. Переход этот совершился благодаря деятельности Солона, государственные способности которого, подобно Ликургу в Спарте, были действительно необходимы, чтобы вывести государство из обуревавших его смут. Между царями и эвпатридами (благородными родами) вспыхнула борьба. Царское достоинство было принесено в жертву греческому духу свободы, но при этом по отношению к последнему царю сохранились признательность и благоговение.

Дорийцы во время переселения, овладев всем Пелопоннесом, проникли до области Мегары. Афиняне, желая изгнать из этой важной области чужеземное и враждебное племя, начали войну с дорийцами. Оракул обещал в этой войне победу дорийцам, если они не убьют тогдашнего афинского царя Кодра. Но Кодр, узнав о таком прорицании, принял героическое решение доставить афинянам победу ценой жизни. Он переоделся крестьянином, отправился в неприятельский стан и, оскорбив одного дорийца, затеял спор и был убит в драке. Вскоре под рубищем бедняка узнали афинского властителя, и пелопоннесцы, усомнившись в счастливом исходе войны, отступили, удовольствовавшись завоеванием Мегары. Эвпатриды воспользовались этим обстоятельством, чтобы положить начало правлению аристократии. Они сумели искусно согласовать признательность к царю с государственными и гражданскими интересами. Ни один смертный, говорили они, не достоин быть преемником такого царя, как Кодр, и никто, кроме Зевса, не должен после него царствовать в Афинах. Таким образом они отменили царское достоинство, и старший сын Кодра Медонт был поставлен во главе правления с титулом архонта (1068). Это новое достоинство, как и предшествующее царское, было пожизненным и наследственным и совмещало в себе те же права, не исключая прав верховного жреца и высшего надзора за религиозными обрядами.

Но достоинство архонта постепенно проникалось все более и более республиканским духом и по истечении 300 лет, когда от должности архонта был отрешен 13-й архонт из рода Кодра Алкмеон, перестало быть пожизненным и некоторое время было ограничено 10 годами. Оно, по возможности, сохранялось в роде Кодра. Брат Алкмеона первый был избран архонтом на 10 лет с обязательством отдавать отчет в управлении эвпатридам. Около 683 г. до н. э. вместо одного архонта стали выбирать 9 и уже не на 10 лет, а на год. Первый архонт назывался эпоним (его именем назывался год), второй – базилевс, он заведовал религиозными обрядами; военными делами заведовал третий – полемарх. Остальные 6 назывались фесмофетами и вели судебные и законодательные дела. Таким образом единство царской власти было раздроблено. Многие благородные фамилии достигали высшего достоинства, и в Афинах господствовала аристократия.

Однако Афины не остановились на этой перемене; она составила лишь переходную ступень в дальнейшем развитии политической и гражданской жизни, к которому было предназначено афинское государство. Из правления благородных со временем должна была возникнуть демократия, потому что благородные роды, полные честолюбия, враждовали между собой, оспаривая друг у друга власть над Афинами, и угнетали народ. Ряд смут и междоусобиц наполняет историю Афин того времени. Потребность в прочном законном порядке и в составлении писаных законов против своевольного правления архонтов-эвпатридов чувствовалась все сильнее и настоятельнее. Но первая попытка в этом роде архонта Дракона в 620 г. до н. э. не достигла цели, и безотрадное положение дел продолжалось. По законам Дракона за каждый проступок, даже за кражу плодов, полагалась смертная казнь, так что один из позднейших ораторов, Демад, сказал о них, что законы Дракона были написаны

кровью. Следствием жестокости этих законов было кровавое восстание Килона. Его победа на Олимпийских играх увеличила его природную славу как человека знатного происхождения, а брак с дочерью тирана Мегары еще больше увеличил его могущественные фамильные связи. Полагаясь на такие преимущества положения, Килон вознамерился присвоить себе в Афинах верховную власть. Воспользовавшись раздорами эвпатридов и склонив на свою сторону народ различными обещаниями, в том числе обещанием передела земли, он овладел Акрополем – крепостью Афин. Но как только эвпатриды узнали об этом государственном перевороте, под предводительством Мегакла, принадлежавшего к не менее могущественной фамилии Алкмеонидов из рода афинских царей, они поспешили отнять у Килона Акрополь. Сторонники Килона, находившиеся в крепости, из-за недостатка в воде и съестных припасах, были доведены до бедственного положения. Самому Килону удалось спастись бегством; его же приверженцам оставалось только искать спасения в храмах крепости. Враги выманили их из храмов обещанием даровать жизнь и умертвили как их, так и тех, кто искал спасения у жертвенников богинь Эвменид. Это злодеяние, совершенное против религии, вызвало в афинском народе опасение за благосостояние города. Афиняне опасались, чтобы гнев богов не обрушился вместе с преступниками и на сам город. Прежде всех отложились эвпатриды. После долголетних смут эвпатриду Солону удалось наконец убедить Алкмеонидов подвергнуть себя третейскому суду, составленному из граждан одного с ними сословия, и по приговору суда удалиться в изгнание. Затем, по указанию Солона, нужно было совершить обряд очищения города от поругания святынь. Жертвоприношениями и другими умиловительными обрядами город был очищен, и граждане вновь обрели мужество и надежду.

Но источник непрерывных смут заключался главным образом в отсутствии прочного устройства государственных и гражданских отношений и в различии желаний и стремлений политических партий. Таких партий было три, и они назывались историками по местностям афинской области, в которых жили: диакрии или гиперакрии (жители гор), педии (жители равнин) и парали (жители побережья). Диакрии – самые бедные ограниченные в правах, стремились к переделу земельной собственности, а главным образом, к равноправию всех граждан, т. е. к демократии; парали – граждане среднего сословия, торговцы и мореходы, желали умеренных законов; педии, состоявшие из благородных землевладельцев, желали видеть управление в руках немногих, т. е. олигархию. К диакриям примкнула большая часть бедных из других областей, которые сильно задолжали богатым (явление, встречаемое почти во всех государствах того времени) и принуждены были отдать им в залог маленькие земельные участки или самих себя. Они жили под постоянным гнетом строгих законов, охранявших права заимодавцев, и готовы были прибегнуть к самым отчаянным средствам, лишь бы уничтожить мучителей. Умиротворить с возможной осторожностью так много страстей и удовлетворить, по возможности, столь различные требования составляло далеко не легкую задачу. Эту задачу выполнил Солон – человек, от проницательного ума которого не ускользнуло, что должно стать истинным средством помощи государству в беде. Наделенный мягким характером и обширным умом, он обладал сверх этого даром привлекать к себе людей. При этом по общественному положению, одинаково далекому и от заносчивой гордыни знатных, и от слепого отчаяния угнетенного народа, он был более других способен выступить посредствующим и примиряющим законодателем.

Солон уже успел доказать свои способности и привлечь на свою сторону уважение народа различными делами, направленными на пользу государства. Ему обязаны были возвращением о. Саламин, отнятого у афинян тираном Теагеном из Мегары в отместку за неудачное предприятие его зятя Килона. После многократных и тщетных попыток возвратить столь необходимый для торговли остров афиняне, уже отчаявшись в возможности этого дела, издали закон, запрещающий под страхом смертной казни кому бы то ни было даже упо-

минать о нем. Этот закон наносил прямой ущерб городу, и все дело сводилось к тому, чтобы уничтожить его, не подвергая жизнь опасности. Солон указал средство для исполнения всеобщего желания. Он заперся у себя дома, распустил слух, что сошел с ума, сочинил относившееся к Саламину стихотворение и, выучив его наизусть, выскочил из дома на площадь, прокричал стихотворение, в котором призывал граждан к обратному завоеванию Саламина. Сговорившиеся с ним заранее друзья, в особенности Писистрат, не замедлили поддержать перед собравшимися это предложение. Когда труднейший шаг, а именно упоминание о деле, был сделан, пошли дальше, и закон был отменен. Счастливый исход похода, возвративший Саламин в руки афинян, окончательно возвысил славу и авторитет Солона.

Еще большее значение для него имело благоволение Дельфийского оракула. Это положение он приобрел тем, что настоял перед судом на строгом наказании фокейского г. Кирры за ограбление области Дельфийского божества. То была так называемая 1-я Священная война (600–590). Кирра была разрушена, принадлежавшая ей земля посвящена Аполлону, а всякий, кто отважился бы снова возделывать ее, предавался проклятию. В благодарность за энергичное заступничество за честь божества оракул поддержал стремление Солона выступить законодателем для граждан. Ему было прислано следующее изречение:

Сядь посреди корабля и возьми правящее весло в свои руки.

Для управления; многие афиняне, готовые помогать тебе, появляются.

Солон должен был удовлетворить желания различных партий, и его законы носили примирительский характер. Это доказывается его собственными словами, что он выбрал для афинян законы не лучшие сами по себе, а лучшие из тех, которыми граждане могли воспользоваться. Согласно желанию угнетенной и притесненной части народа, он мог, по примеру Ликурга, разделить земельные участки поровну между всеми гражданами. Но Солон предпочел прибегнуть к менее насильственному средству – т. н. сейсахтии (облегчению тягостей долгов). Под этим следует понимать не полное погашение долгов, но, с одной стороны, известное уменьшение накопившихся процентов, а с другой, уменьшение самого капитального долга на 27 % через введение новой денежной системы. Например, кто должен был при старой денежной системе сто драхм, хотя и платил по новой системе также сто драхм, но равнявшихся 73 старым. Кто должен был старый (эгинский) талант, платил за него только новый (эвбейский), который был дешевле на 27 %. К этому Солон присоединил строгое запрещение, чтобы никто в будущем не мог отдавать в залог личную свободу, и придал этому закону обратную силу, т. е. все, кто к тому времени находился за долги в рабстве, были объявлены свободными. То обстоятельство, что он, по уверению историков, не вполне удовлетворил этими законами ни бедных, ни богатых, говорит за справедливость и беспристрастие его постановлений.

Подобным же уравнительным образом распределил он право участия в управлении государством между знатными родами, представители которых управляли до тех пор, и народом, который до этого времени не принимал никакого участия в управлении государством. Он разделил граждан на 4 класса, различавшиеся между собой размерами имущества. Кто из имущества или земельного участка получал ежегодно 500 мер (медимнов) хлеба или соответствующее количество вина и масла, т. е. обладал податным капиталом в 6000 драхм, тот принадлежал к 1-му классу, члены которого назывались пентакосиомедимнами (получающими 500 мер хлеба). Принадлежавшие ко 2-му классу должны были получать от 300 до 500 мер и обладать податным капиталом не менее чем в 3600 драхм. Они назывались всадниками, потому что могли содержать коня, и из них выбирались конные воины. Находившиеся в 3-м классе назывались зевгитаями – теми, кто в состоянии содержать для обработки поля 1 запряжку волов и получали от 150 до 300 мер ежегодного дохода, равнявшегося 1800 драхмам капитала. Они должны были иметь полное вооружение гоплита (тяжелово-

оруженного воина), в качестве которых и служили на войне. Феты (работники, поденщики, ремесленники, торговцы) составляли 4-й класс. Его члены имели годовой доход меньше 150 медимнов. Они составляли в войске легковооруженных и служили матросами во флоте. Этот самый многочисленный класс был свободен от налогов, имел право голоса в народных собраниях, но был лишен права занимать государственные должности. Доступ к таким должностям имели только члены первых 3-х классов; достоинство же архонтов осталось исключительно за членами 1-го класса. Право голоса в народных собраниях имело, однако, весьма важное значение. Народное собрание решало вопросы о мире и войне, утверждало законы, выбирало должностных лиц и требовало отчета в государственных расходах. Народное собрание составлялось из всех граждан, достигших 20-летнего возраста, и утверждало решения большинством голосов (поднятием руки, черепками или камешками). Особенно строго соблюдалось участие в народном собрании только афинских граждан. Ни один иностранец под страхом смертной казни не смел являться в народное собрание. Приобретение же права гражданства Солон весьма затруднил.

Для того, чтобы придать осмотрительность и благоразумие этой подвижной массе народного собрания, способной по легкомыслию увлекаться, Солон, по его собственному выражению, установил «два якоря». Одним был ареопаг, который до Солона был уголовным судом, заседавшим в ночной темноте. Солон устроил ареопаг совершенно иначе – в соответствии со всем новым законодательством. Членами ареопага назначались ежегодно выбывающие архонты, т. е. ареопаг состоял из представителей только 1-го класса. Круг его действий, кроме разбирательства дел об убийстве и других тяжких преступлениях, состоял в наблюдении за исполнением законов и религиозных обрядов и правами граждан. Он также имел право высказывать возражение против всякого решения совета или народного собрания, если это решение представляло опасность для благосостояния государства или заключало в себе нарушение существующего государственного устройства. Один римский писатель сравнивал влияние ареопага на афинское государство с божественным провидением о вселенной. В первые времена без ареопага не принималось никаких сколько-нибудь важных решений. Вторым якорем, предназначенным Солоном для укрепления народного собрания, был совет четырехсот, позднее – пятисот, когда число классов в Афинах увеличилось. Хотя в этот совет выбирали все 4 класса, но избираемые должны были принадлежать к лицам только первых 3 классов, причем прошлая жизнь их подвергалась строгому разбору, который назывался докимасия. Докимасия включала проверку наличия полных гражданских прав, фамильного склепа, исполнения воинской обязанности, уплаты налогов и почтения к родителям. Этот совет имел право созывать народное собрание и предварительно рассматривал все вопросы, прежде чем они предлагались народному собранию. То, что он не считал полезным, вовсе исключалось из обсуждения народного собрания. Он имел исключительное право заведовать финансами, в нем сосредоточивалась правительственная и административная власть. Совет также ведал вооружением войска и флота и мог задерживать и сажать в тюрьму государственных преступников. Председатель совета был хранителем государственной печати, ключей от казнохранилища и крепости. Однако власть совета была ограничена, и без одобрения народного собрания никакое его постановление о войне или мире не могло иметь само по себе окончательной силы. Совет заседал в особом помещении и в определенное время. В промежутке между заседаниями текущими делами управлял комитет из ста избранных членов совета, которые назывались пританами.

Хотя оба эти учреждения и должны были обуздывать народное собрание, последующая история покажет нам, как, несмотря на это, народное собрание, ослабляя значение обоих противовесов, постоянно расширяло власть и давало все больше и больше простора коренившемуся в народе демократическому духу. Составился и народный суд, гелиэя, в который архонты ежегодно назначали по жребию из всех 4 классов по 1000 граждан из каждого. Сна-

чала суд этот был апелляционным, а впоследствии стал высшей судебной инстанцией для уголовных преступлений и важнейших юридических вопросов.

Республиканским духом проникнуты и многие другие узаконения, касавшиеся частных отношений. Каждый афинский гражданин мог кому угодно завещать имущество. До Солона это не было позволено, и имущество должно было оставаться в семье как общая родовая собственность. Теперь же гражданин, не имевший детей, получил право отказывать все свое по своему желанию. Таким образом, имущество впервые перешло в собственность. Далее, всем гражданам было дозволено заниматься ремеслами, и сын не был обязан содержать в старости отца, если тот не научил его какому-нибудь мастерству. Эти 2 постановления поощряли афинян к промышленности и торговле, в которых так нуждалась неплодородная и в то же время столь удобная для мореплавания Аттика.

В высшей степени замечателен выдающийся всю политическую проницательность Солона закон в силу которого каждый, кто во время народных движений не принимает чьей-либо стороны, должен объявляться бесчестным. Этим законом Солон желал противодействовать вредному равнодушию благомыслящих людей к общественным делам, вследствие чего часто одерживают верх дурные начала.

Воспитание юношества Солон не обратил, как Ликург, в дело государственное: напротив, он предоставил больше на волю и средства частных лиц. Гимнастика, по общему греческому обычаю, составляла в Афинах, как и в Спарте, главную школу при воспитании юношества, но ею не заставляли заниматься с такой суровой строгостью. Свобода и многосторонность, предоставленная Солоном деятельности афинских граждан, вносили нравственное, умственное и художественное начала в их образование и в высшей степени способствовали богатству и разносторонности развития государства. Юношество должно было обучаться музыке, чтению и в совершенстве знать лучшие произведения поэзии, в особенности – религиозного содержания. Солон заботился и об оживлении любви к отечеству. По одному из его постановлений, дети павших на поле сражения с оружием в руках воспитывались за счет государства; по другому, убитым в сражении устраивались торжественные похороны, сопровождаемые похвальными речами. И действительно, оба эти постановления способствовали подъему в гражданах воинственного духа для защиты отечества.

Господствовавшая в афинском государстве кротость происходила также от того, что Солон отменил кровавые законы Дракона, сохранив их только за убийство и за другие уголовные преступления, а также в отношении тех, кто обижал бедняка, ребенка, женщину или раба. По кроткому обращению с рабами Афины в особенности отличались от Спарты; поэтому говорили, что рабы в Афинах менее стеснены, чем свободные граждане в других государствах. Особого восхваления заслужил также закон Солона, запрещающий дурно говорить об умерших. Этими и подобными им законами Солон положил основание дальнейшему развитию отличительного афинского духа. Законы его, написанные на деревянных досках, были открыто выставлены в городе. После того, как граждане поклялись 10 лет не отменять и не изменять новых законов, Солон отправился путешествовать в Египет, на о. Кипр и в Малую Азию и на пути посетил Креза, царя лидийского.

7. Писистрат (560–510 гг. до н. э.)

Но за время путешествия Солон в Афинах произошли события, показавшие, что законы не могут удержаться сами собою, а для упрочения нуждаются в поддержке сильного правителя. Уже в то время, когда Солон как законодательный архонт пытался укрепить государство новыми установлениями, многие изъявляли желание, чтобы он стал верховным правителем Афин или тираном (в греческом смысле слова). Отрывки из стихотворений Солон показывают, что он считал необходимым защищаться от тех, кто упрекал его в том, что он желает господства не себе, а законам, и усматривали в этом не скромность, а слабость и малодушие. Подобную скромность считали неблагоразумной. Не думая, что убеждения и законы достаточно сильны сами по себе для изменения государственного устройства, они охотно бы подчинились управлению столь справедливого и благоразумного человека, как Солон.

То, что отверг Солон, удалось получить его родственнику Писистрату. Тот отличался властолюбием и воспользовался настроением умов к тирании не только ради личных интересов, но и к выгоде государства. Лишь только Солон удалился, тотчас выступили друг против друга три партии, которые из перемены правления хотели извлечь каждая для себя гораздо больше пользы, чем предоставлялось им уравнительным Солоновым законодательством. Во главе педиев стал Ликург, паралиев – Мегакл из рода Алкмеонидов, а диакриев – Писистрат. Таким образом к партии Писистрата принадлежала беднейшая часть народа, всецело покоренная его высоким умом и увлекательным красноречием. Она ожидала от предводителя расширения политических прав и распределения земельной собственности.

Писистрату легко удалась хитрость, которой он создал для себя независимую власть. Он сам нанес себе рану и, приказав привезти себя в таком виде на колеснице на городскую площадь, сумел уверить народ, что пострадал от врагов за политические убеждения. Раздраженный народ изъявил готовность сражаться за него и охранять его, а один из друзей Писистрата сделал предложение дать ему для охраны 50 вооруженных телохранителей. Это предложение было одобрено советом четырехсот и утверждено народным собранием. Писистрат в скором времени увеличил число этих телохранителей по собственному усмотрению и начал беспрекословно править Афинами.

Между тем Солон вернулся и стал свидетелем всех этих событий. Но волнения партий пересилили его общественное влияние, а преклонные лета требовали покоя, поэтому он устранился от общественной жизни и лишь старался переговорами с предводителями партий внести мир и согласие в их отношения. Но старания его не имели успеха. Так же тщетно старался он убедить народ не поддаваться обману и не предоставлять в распоряжение Писистрата охранной стражи. Наконец, увидав, что одна часть граждан введена Писистратом в ослепление, а другая от страха не решилась сопротивляться ему, Солон удалился с городской площади, сказав: «Писистрат умнее первых и мужественнее вторых».

Достигнув власти, Писистрат выказал себя благоразумным, продолжая уважать и пользоваться советами престарелого Солон, который не переставал в речах и стихотворениях упрекать граждан в их неблагоразумии и малодушии. Когда Солон умер, Писистрат не перестал соблюдать его законы и, как рассказывают, уже будучи тираном, сам явился на суд в ареопаг, когда был обвинен в убийстве. Архонты и члены совета выбирались по-прежнему; при этом заботились только о том, чтобы большинство их состояло из приверженцев Писистрата. Однако власть Писистрата еще не была настолько прочной, чтобы противостоять каждому случавшемуся сопротивлению. Мегакл и Ликург, бежавшие из Афин в страхе за жизнь, возвратились и с помощью приверженцев в 554 г. изгнали Писистрата из города. Но

вскоре они сами вступили в борьбу друг с другом и сильно потесненный Ликургом Мегакл предложил Писистрату вступить в брак с его дочерью, обещая за это помочь ему снова получить верховную власть. Писистрат принял предложение, и они для достижения цели придумали хитрость, которую Геродот считает несколько грубой для эллинов, с давних пор отличавшихся от варваров умом и сметливостью, – и в особенности для афинян, которые по уму занимали первое место среди греков. Они выбрали женщину, отличавшуюся высоким ростом и необыкновенной красотой, поставили ее во всеоружии на колесницу и въехали с нею в город. Впереди шли глашатаи и громко восклицали: «Примите Писистрата с любовью: сама богиня Афина уважает его более других смертных и вводит в свой город!» Слух о том, что женщина эта – сама богиня, быстро распространился по городу, и афиняне, убежденные в справедливости слуха, хорошо приняли Писистрата (550). После этого Писистрат разошелся с дочерью Мегакла. Тогда Мегакл, разгневанный и оскорбленный, снова соединился с противниками Писистрата. Узнав об этом, Писистрат покинул Аттику, удалился в Эретрию и старался там добыть себе людей и денег в соседних государствах, которые прежде были с ним в союзе.

Лишь спустя 11 лет, собравшись с силами, Писистрат снова вернулся в Аттику (538), занял Марафон и получил значительную поддержку из Афин и из самой области Аттики. Во главе собранного войска он напал на Афины и в битве при Паллене обратил противников в бегство. Со свойственным ему благоразумием он тотчас послал за бежавшими сыновей и приказал ободрить их и уговорить вернуться домой, обещая, что им ничего дурного не сделают. Когда беглецы вернулись, Писистрат не стал вести дальнейшую борьбу. Многочисленные враги его или пали в сражении, или, спасая жизнь, тотчас бежали. Чтобы избавиться на будущее от противников, Писистрат распорядился захватывать и отсылать как заложников на покинутый о. Наксос детей знатных граждан, казавшихся ему подозрительными. Он правил Афинами справедливо и умеренно до самой смерти в 527 г. и постоянно старался распространять в них умственное образование.

8. Дельфийский Оракул. Союз Амфикионов. Общественные игры

Рядом со Спартой и Афинами, которые частью уже в это время, а частью впоследствии вступили между собой в борьбу и неприязненные отношения, в Греции существовало множество других государств. Но история их не настолько известна: мы знаем только, что их государственное устройство уподоблялось или афинскому, или спартанскому. Что же касается политического значения, то они почти всегда примыкали к одному из этих двух государств. Однако, несмотря на то, что общий мир эллинских государств распадался на множество отдельных, самостоятельных частей, которые с трудом соединялись в одно целое – и то лишь для отражения общего врага, угрожавшего их общему отечеству, – существовали такие учреждения, благодаря которым все эллины сознавали единство своего происхождения. Таковыми были их общая религия и связанные с ней оракулы, Амфикинии – род религиозных союзов, священные игры, а также общий язык и излагавшиеся на нем произведения, художественные и научные.

Свойственное всему миру в древности убеждение, что боги непосредственно общаются с людьми, и вера в то, что такое общение отчасти выражается в известных откровениях богов, породили множество учреждений, среди которых самыми замечательными являются оракулы. Оракулов в Греции было несколько, но ни один не приобрел такого значения и уважения, как Дельфийский, посвященный богу Аполлону. В Фокиде, в диком ущелье горы Парнас, находится пещера с трещиной в земле. Через эту трещину выходят газообразные испарения, производящие опьяняющее действие. Это место и было избрано жрецами для устройства прорицалища. Над дымящейся трещиной ставили треножник, на который садилась жрица, называемая пифией (сначала в пифии выбиралась молодая женщина, впоследствии – старая). Испарения, поднимавшиеся из трещины, приводили пифию в исступление. В подобном состоянии, считавшемся доказательством того, что она вдохновлена Аполлоном, пифия произносила бессвязные и отрывочные слова. Жрецы из этих слов слагали гекзаметрами предсказания, которые согласовывались с обстоятельствами. Эти предсказания часто заключали в себе двусмысленные ответы на предложенные посетителями вопросы, касавшиеся как отдельных лиц, так и целых государств. В Греции, особенно у дорийских племен, не предпринималось ничего сколько-нибудь важного без предварительного мнения Дельфийского оракула. Всеобщее уважение, которым пользовался этот оракул и за пределами Греции (доказательством служит пример Креза), выражалось в богатых приношениях звонкой монетой, драгоценностями, произведениями искусства, наполнявшими храм, на котором знаменательная надпись гласила: «Учись познавать самого себя». Охраняли эти священные жертвоприношения жрецы, состоявшие из почетных граждан Дельф. Стечение множества иностранцев, непрестанные празднества и процессии доставляли и занятия, и выгоды всем дельфийским жителям. Влияние Дельфийского оракула в первые времена было по большей части благотворно. Нередко сила его прорицаний, имевшая величайший авторитет, предотвращала раздоры и кровавые столкновения. Таким образом, оракул составлял связующее звено между греческими племенами, разъединенными взаимным соперничеством. Позже, вероятнее всего с началом Пелопоннесской войны, этот оракул стал приходить в упадок из-за усиливавшейся продажности жрецов и возраставшего просвещения народа. В конце концов он стал предметом презрения и насмешки.

В тесной связи с Дельфийским оракулом находилась Дельфийская Амфикиния – союз 12 соседних государств, первоначально созданный с целью празднования общих религиозных торжеств, а впоследствии служивший для охраны Дельфийского храма, святилища Деметры в Анфеле и для надзора за Пифийскими праздничными играми. Вскоре эта Амфи-

ктиония, состоявшая из фокеев, фессалийцев, беотийцев, а также афинян и спартанцев, приобрела и политическое значение. Она устанавливала основные международные правила, имевшие обязательную силу как во время мира, так и во время войны.

Весною Дельфы служили сборным местом, осенью же собрания происходили в Анфеле, при Фермопилах. Эти собрания состояли из послов государств, имевших право принимать участие в союзе. К нему обычно причисляют следующие племена: ионийцы, дорийцы, беотийцы, фессалийцы, локрийцы, фокее, перребы, ойтейцы, магнеты, феотийцы и долопы. Названия племен указывают на то, что первоначально союз ограничивался народами Фессалии и ближайших к ней областей. Но когда некоторые народы (дорийцы и ионийцы) распространились в большей части Греции, то в союзе приняли участие все государства, основанные каким-либо из народов, входящих в Амфикионов союз. Каким образом распределялись голоса между относящимися к одному племени различными государствами, неизвестно. Послы, отправляемые членами союза, назывались пиллагами и иеромнемонами; пиллагеры составляли род постоянного совета для обсуждения политических вопросов; иеромнемоны назначались для решения религиозных дел.

Совсем иного рода, чем Амфикиония, но также связующим всю Грецию учреждением были торжественные общественные игры, которые давали повод к большим многоядным собраниям. В Дельфах каждые 8 лет проходили Пифийские игры в честь бога Аполлона, Истмийские устраивались каждые 2 года на Коринфском перешейке в честь Посейдона и Немейские происходили также каждые 2 года в честь Зевса в Немее, в Арголиде. Но все эти игры далеко уступали по значению играм Олимпийским. Эти праздновались в Олимпии, в Элиде, каждые 4 года, в июле и устраивались в честь Зевса Олимпийского. Считается, что первые Олимпийские игры учредил Гераклес, а возобновил их Ифит, царь Элиды, современник спартанского Ликурга. Дельфийский оракул на вопрос Ифита о возобновлении игр не только одобрил это намерение, но и предписал, чтобы все государства, которые будут принимать участие, устраивали на время игр перемирия для того, чтобы те могли проходить как можно спокойнее и на них могли стекаться все эллины. Жители Элиды, на которых, по преданию, еще Гераклес возложил заботу об играх и жертвоприношениях, были объявлены посвященными служению Зевсу, не имели права вмешиваться в военные распри и были признаны неприкосновенными от всякого нападения. Празднества длились 5 дней. Начало и окончание игр сопровождалось жертвоприношениями Олимпийскому Зевсу на алтаре, который возвышался почти на 60 м. Священные процессии и пение гимнов прославляли Олимпийские игры и возводили их в степень религиозного обряда. Представления всякого рода искусства телесного и духовного характера делали этот праздник средоточием физического и умственного развития эллинского мира. Поскольку сюда стекалось множество народа со всей Эллады, победа на этих играх, награждаемая оливковым венком, составляла предмет величайшей славы и счастья. Сами цари, например, Гиерон и Дионисий Сиракузские, Филипп Македонский, добивались победы на Олимпийских играх. Когда отдельные лица одерживали победу, она служила к прославлению и их родины: имя ее провозглашалось вместе с именем победителя. Поэтому в честь победителя сограждане воздвигали его статую в Олимпии.

При первоначальном основании и восстановлении этих игр они были не состязательны и весьма просты. С течением времени характер и значение празднества увеличились. Главным предметом состязаний вначале был только бег на расстояние в 1 стадий (192,28 м). Постепенно к бегу присоединились конские ристания на четверке лошадей, борьба, кулачный бой, метание дисков и прыжки в длину. Игры обычно начинались с восходом солнца на берегах р. Алфей. Здесь была устроена ровная, длинная дорога, разделенная на 2 части. Левая сторона, ипподром, предназначалась для конских ристаний, правая, стадиум, служила для бега и борьбы. Увенчание победителей происходило в священной роще при восторженных кликах собравшегося народа. Кроме того, поэты прославляли победителей песнями.

Творцом таких торжественных гимнов был, например, Пиндар Фиванский (522–442). Чтобы слава такой победы доставалась одним лишь эллинам, и только достойнейшим из них, было установлено, что правом участвовать в играх могут пользоваться только свободные лица греческого происхождения и безукоризненной нравственности, рожденные в законном браке. Почти тысячелетнее существование этих игр свидетельствует о том, какую приверженность сохраняла к ним вся Эллада. Так как они в то же время служили к объединению всех эллинов, впоследствии правильное повторение Олимпийских игр через каждые 4 года послужило основанием для летосчисления и хронологического определения событий греческой истории, которая и разделялась по Олимпиадам. Последняя Олимпиада античности состоялась в 393 г. н. э.

9. Духовная жизнь греков: религия, искусства и науки

Главными источниками для ознакомления с духовной жизнью, в частности – с религией древних греков, являются творения двух поэтов: Гомера (ок. VIII до н. э.) и Гесиода (ок. 700 до н. э.). По выражению Геродота, «они создали эллинам родословное дерево богов», т. е. привели представления о давно почитаемых богах и их деятельности в систему, которая не изменилась существенно и впоследствии. Согласно этой системе, народ представлял себе внешний облик, жизнь и взаимные отношения богов такими же, как у людей. По понятиям древних греков, боги – не непорочные, нравственно возвышенные, всесовершенные существа, а лишь существа, наделенные страстями в значительно большей степени, чем люди. Но они свободны от всех человеческих скорбей и печалей, привольно живут, пользуются в неиссякаемом избытке юношеских сил чувственными наслаждениями и питаются только нектаром и амброзией. Жилищем бессмертным богам служила гора Олимп.

Греческий язык, отражавший в своей гибкости, правильности, ясности, глубине и благозвучности отличительную особенность духа эллинского народа, был вторым главным элементом, благодаря которому эллины сознавали свое единство. Он состоял из 4 главных диалектов: ионийского, аттического, дорийского и эолийского. Наличие разных диалектов не мешало характеру общности языка, так как все они были знакомы каждому греку и служили для выражения различных родов поэзии. Например, ионийско-эолийский диалект был основой эпоса, а дорийский – хорового пения.

Гомер и его поводырь.
Уильям Бугро. 1874 г.

Древнейшие известия о возникновении греческой образованности и литературы начинаются с имен легендарных Орфея, Лина и Мусея. Это, скорее всего, были мудрецы, жрецы и учителя народа, и их религиозным и нравоучительным песням приписывается первоначальное просвещение греческого народа, введение мистерий – таинственных высших учений. Они были родом из Фракии и оттуда распространили учения по всей Греции.

Греческая поэзия возникла тогда, когда эллинам после завершения переселений и умиротворения внутренних смут удалось достигнуть прочных форм существования, а отдельные племена, благодаря прекрасному климату и счастливому положению страны, способствовавшим развитию торговли, благосостоянию и развитию искусств, возвысились до более свободного и благоустроенного образа жизни. Такое счастливое стечение обстоятельств в особенности выпало на долю ионийских колоний на побережье Малой Азии, и в них впервые расцвел гений, который стал образцом для всех времен в области эпической поэзии, – Гомер. Место его рождения неизвестно, и впоследствии 7 городов оспаривали друг у друга славу именоваться его родиной. Знаменитый поход на Трою и возвращение героев оттуда составляют содержание творений этого поэта – «Илиады» и «Одиссеи». Известно, что первым принес эти поэмы в Элладу Ликург. Писистрат же поручил целому обществу ученых собрать и привести в порядок отдельные разрозненные части этих поэм, и именно в этом виде с тех пор читались и заучивались в школах наизусть песни Гомера.

Песни Гомера были образцовыми творениями, ни одно эпическое произведение, написанное после Гомера, не достигало его высоты. После Гомера появились так называемые киклические поэты, создававшие большие или меньшие циклы песен, описывающих события Троянской войны. В поэмах «Разрушение Илиона» и «Малая Илиада» были изложены события, составлявшие продолжение содержания гомеровской «Илиады».

Затем появились первые исторические повествования, начало которых было также в Ионии. Самыми древними историческими писателями, которых называли логографами, были Кадм из Милета, Дионисий, Гекатей и Гелланик. Отцом истории считается Геродот (484–425), на которого мы не раз ссылались. Он был родом из г. Галикарнас в Кари, историю он написал на ионийском диалекте.

Первым исторически достоверно установленным поэтом был Гесиод, родившийся ок. 700 г. до н. э. От него до нас дошло два произведения: «Теогония» и «Труды и дни». Первое повествует о сотворении мира из хаоса и излагает генеалогию богов. Во втором поэт излагает разные правила житейской мудрости, дает советы по ведению домашнего хозяйства и особенное внимание уделяет описанию сельскохозяйственных работ.

Примерно в это же время процветали и так называемые «семь греческих мудрецов», к которым принадлежали: Солон, Фалес из Милета, Хилон из Спарты, Биант из Приены, Питтак с острова Лесбос, Периандр Коринфский и Клеобул. Им принадлежат знаменитые изречения, не утратившие силы и в наше время: «Укажи дорогу заблудшему» и «Никогда не делай через меру» (Солон); «Прощение лучше мщения» и «Не попрекай никого бедою, ибо сам в нее попасть можешь» (Питтак); «На пути от юности к старости запасись мудростью» (Биант); «Не будь заносчив в счастье и малодушен в несчастье» (Клеобул); «Дело мастера боится» (Периандр); «Держи язык за зубами» (Хилон); «Счастлив тот, кто здоров, богат и образован» (Фалес).

Упомянем и знаменитого баснописца Эзопа, жившего в VI в. до н. э. и происходившего из Фригии или Фракии. Сама история его жизни представляется нам баснословною: он был маленького роста, горбат и настолько беден, что вынужден был продаться в рабство. Басни его, составленные первоначально в прозе, сохранились далеко не в первоначальном виде. Существующий и в настоящее время сборник басен Эзопа был составлен поэтом II в. н. э. Бабрием, который их собрал и обработал.

Нежный и спокойный дух созерцания вселенной, проявившийся у вышеназванных поэтов, достиг наибольшего развития у поэтов лирических, принадлежавших, в основном, к эолийскому или дорийскому племенам. Архилох с острова Пароса (сер. VII в. до н. э.) прославился силою и живостью стихотворений, в которых он впервые употребил ямб. Рассказывают, что в одном сражении Архилох трусливо бросил щит на поле боя и бежал. По этой причине некий Ликамб, обещавший ему руку дочери, отказал ему. За этот отказ поэт отомстил такими язвительными стихами, что Ликамб и его дочь решили повеситься. Острыми нападениями на знатнейших граждан Архилох возбудил к себе неприязнь и был изгнан с родного острова. Но вскоре после того, как в состязании с лирическими поэтами на Олимпийских играх Архилох заслужил гимном в честь Геркулеса всеобщую похвалу, родной город принял изгнанника со славой и ликованием. Алкей (ок. 610) происходил из г. Митилены на о. Лесбос, главного местопребывания эолийцев. Он писал любовную лирику и особенно ценился за песни против тиранов. Лесбос был также родиной пламенной Сапфо (р. ок. 650 до н. э.), стихотворения которой, выражавшие страстную любовь, пользовались в древности большой славой. Жизнь и смерть Сапфо окутаны легендарными рассказами. Существует предание о том, что она, восплавав пламенной любовью к одному юноше и будучи им отвергнута, бросилась в море со скалы. Уроженцем Лесбоса был и Терпандр. Про него рассказывают, что он водворил согласие между спартанцами, погруженными в гражданскую войну и междоусобные распри, и имел большое влияние на развитие музыки в Лакедемонии. В Спарте же прославился хоровыми песнями и Алкман, уроженец лидийского г. Сарды, писавший на дорийском диалекте. О Тиртее и замечательном воздействии его стихотворений на воинственный дух спартанцев говорилось выше. В Афинах, в доме Писистрата, жил поэт Анакреон. Стихотворения его исполнены веселости, он воспевал вино, любовь и молодых девушек, жалующься на старость. Подобным же содержанием, преисполненным жалобами на непрочность жизненных наслаждений, отличаются элегии Мимнерма из Колофона. Следует упомянуть Ивика из Регия (556–468), писавшего гимны для хорового исполнения, и Симонида с острова Кеос, создававшего песни в честь победителей спортивных состязаний.

В это же время зародилось драматическое искусство. Из обрядовых игр на праздниках в честь бога Диониса возникла греческая трагедия. Творцом ее считается современник Солона Феспид. Его произведения до нас не дошли. Сохранились трагедии его последователя Эсхила (525–456), который ввел второго актера и сделал действие драмы более динамичным.

Все больше развивалась философия. Первые философы появились у ионийских племен. Таким был знаменитый Фалес Милетский (624–546), который прославился астрономическими и математическими познаниями. Боги для него не существовали, и он признавал божественною сущностью во вселенной только безличное жизненное начало (душу мира). Его последователями были Анаксимандр и Анаксимен, Диоген из Аполлонии, Ферекид из Сиры и Гераклит Эфесский. Другим глубоким мыслителем был Ксенофан из Колофона, для философии которого характерно враждебное отношение к традиционной греческой религии. Изгнанный из отечества, он жил и учил в г. Элей на Сицилии, и в особенности в Нижней Италии, усеянной греческими колониями. Эти колонии были по большей части дорийского происхождения: Тарент, Сиракузы, Агригент, Мессана и прочие; основаны они были VIII–VII вв. до н. э.: Кротон и Сибарис – ахейцами; Катана, Леонтина и Ги – мера – ионийцами с о. Эвбеи. Все эти колонии были издавна богаты, могущественны и принимали участие в духовной жизни греческого народа. Здесь жило много последователей и сторонников Ксенофана. Нижняя Италия была также местопребыванием пифагорейцев.

Пифагор (540–500) происходил с о. Самоса, главного местопребывания ионийцев. Он отличался необыкновенными физическими и умственными способностями. На 18-м году жизни он одержал победу на Олимпийских играх. Уже на Самосе он занимался математикой,

геометрией и музыкой и, надо полагать, был посвящен Ферекидом в натуральную философию. Для дальнейшего образования Пифагор совершил несколько путешествий, о которых сохранилось много вымышленных рассказов. Достоверно, что, кроме Элей и Крита, он посетил Египет. Своеобразное государственное устройство и мудрость Египта в это время привлекали к себе все выдающиеся умы Греции, а цари его начали активно общаться с греками (например, Амасис с Поликратом, властителем Самоса). Многие из последующих установлений Пифагора носят на себе следы влияния египетских жрецов. У Пифагора родилась мысль образовать союз людей, тесно связанных между собой общим учением и образованием и стремящихся к общей цели – управлению государством на основе науки. Быть может, он имел в виду осуществление идеала, выраженного впоследствии Платоном в следующем изречении: «Те государства будут счастливейшими, в которых правящие философствуют или философы управляют».

Возвратившись из путешествия, Пифагор убедился, что отечество его, о. Самос, который находился под властью тирана Поликрата, мало пригодно для его цели. Он покинул Самос и избрал полем деятельности греческие колонии в Нижней Италии. В первый раз Пифагор выступил публично в Кротоне. Его телесная красота, бросающаяся в глаза, заимствованная, вероятно, у египетских жрецов льняная одежда, добродетель, сохраненная воздержанием от всего чувственного, увлекательная плавность красноречия собрали вокруг него множество слушателей и принесли ему уважение. Благодаря этому Пифагор получил возможность осуществить идею о союзе.

Первые последователи Пифагора, принятые после предварительного испытания в этот союз, составили тесное общество. Их жизнь была подчинена определенным правилам и постановлениям, направленным на то, чтобы сделать тело здоровым, а дух воздержанным. Для этого предписывалась особая диета (им, в частности, были запрещены бобы и мясо), и они были обязаны часто заниматься музыкой, как источником всякой гармонии, законы и содержание которой были открыты Пифагором. Отдавая ежедневно отчет в своих деяниях и поступках, они должны были точно соблюдать предписания нравственного образования. Кроме того, они должны были заниматься науками, в особенности математикой. Математика обязана Пифагору замечательными открытиями – например, названной его именем теоремой; открытие этой теоремы доставило Пифагору такую радость, что он принес в благодарность богам гекатомбу. Помимо математики, пифагорейцы занимались нравственными и политическими исследованиями.

При посвящении в цели союза и в передаче познаний соблюдались различные степени. Принимаемые в союз подвергались испытанию: они должны были в течение первого года молчать и беспрекословно исполнять определенные обряды и предписания образа жизни. После продолжительного и всестороннего испытания новичок посвящался в высшие степени. Пройдя все степени, можно было стать полноправным участником общественной жизни союза и принимать участие в управлении Кротоном наравне с самим Пифагором, который, хоть и не занимал никакой определенной должности, имел большое влияние на общественную жизнь. Пифагорейцы и за пределами Кротона сохраняли связь друг с другом. Рассказывают, что один пифагореец умер на чужбине, не имея возможности оплатить расходы на содержание. Перед смертью он написал несколько иероглифов на доске и просил домохозяина выставить ее на большой дороге. Много времени спустя кому-то из единомышленников покойного случилось приехать в эту местность; он увидел знак и уплатил хозяину. Сам Пифагор пользовался в союзе таким уважением, что одно уверение: «он сказал это» – считалось неоспоримым доказательством справедливости сказанного.

Союз пифагорейцев, отличительными качествами которого были единство и согласие, в первоначальной форме существовал недолго. В скором времени он возбудил против себя недовольство частью со стороны тех, кому было отказано в приеме, частью со стороны

народа, который видел в нем тесно спланивающуюся аристократию. Есть сведения о том, что в кротонском сенате заседали 300 пифагорейцев. Наконец, скрытое сопротивление превратилось в явное восстание против этих пифагорейских братских союзов; многие члены союза погибли. Пифагор, по одним известиям, сам лишил себя жизни; по другим, отправился в Метапонт, на побережье Тарентского залива, где и умер в глубокой старости. Но и после его смерти пифагорейцы продолжали существование. Они образовали философскую школу и преимущественными предметами занятий избрали нравственно-политические учения и математику. Таким пифагорейцем был, например, философ Архит Тарентский, который прославился в отечестве и как полководец, и как государственный деятель.

VI. Римляне. Первоначальная история

1. Коренное население Италии

Италия впервые озаряется в своей южной части блеском, распространенным на нее светом греческого гения. Но уже приближалось время, когда она должна была заблестеть собственным светом, найдя средоточие в Риме. Римское государство выросло так быстро, потому что сделалось центром соприкосновения интересов различных народов Италии.

Среди коренных обитателей полуострова различают 3 племена: первым являются италики, которые принадлежали к индоевропейской расе и были в родстве с греками. Они жили на юге полуострова и в его центральной части и распадалась на 2 народа: латины и сабеллы. Вторым племенем, обитавшим на юго-востоке, были япиги, но они довольно быстро смешались с поселившимися в Нижней Италии греками и исчезли с исторической сцены. Третьим племенем, которое отличалось необыкновенно высоким образованием, являются этруски. У них процветали земледелие и торговля. Были они весьма сведущи в искусствах. В зодчестве их считают изобретателями сводчатых построек, на что указывают развалины исплинских стен в Тоскане. Они были искусными ваятелями из металла и глины, и этрусские вазы пользуются всемирной славой. От этрусков римляне заимствовали значительную часть богослужения, жертвоприношений, празднеств и церемоний, которые были в употреблении в Цере, одном из 12 древних этрусских городов. От этрусков римляне переняли и искусство гадания по различным внешним приметам и предсказания по внутренностям животных, приносимых в жертву; они взяли у этрусков и знаки достоинства высших сановников: пурпурную одежду, кресла из слоновой кости и сопровождение сановников прислужниками, которые назывались ликторами. Ликторы несли пучок прутьев (фасции), из середины которых выставлялся топор, что служило символом власти над жизнью и смертью. Верхнюю Италию населяли кельты (галлы), находившиеся во враждебных отношениях с италиками.

О передвижениях и переселениях, происходивших на Италийском п-ве, подобно тому, как и в Греции, достоверных данных нет. Приходится ограничиться предположением, что эти переселения произошли частью с севера сухим путем, частью с востока — морем.

2. Основание Рима. Ромул (753 г. до н. э.)

Древнейшая история Рима во многом является легендарной. Старинные предания о первых веках Рима являются смесью достоверных событий с поэтическим вымыслом. Прежде всего легендарным представляется рассказ о переселении в Лациум троянского героя Энея. Без сомнения, основанием к нему послужили оживленные торговые сношения, поддерживаемые римлянами с греческими колониальными городами в Нижней Италии. По древним сказаниям, Эней основал г. Лавиниум, а сын его Асканий Юл – г. Альба-Лонгу. В этой Альба-Лонге, городе в области Лациум, около 754 г. до н. э. правили вместе два брата из рода Аскания – Нумитор и Амулий. Но Амулий хотел царствовать один и вытеснил Нумитора. Для большей безопасности он убил сына Нумитора, а дочь сделал весталкой – жрицей богини домашнего очага Весты. Весталки должны были оставаться девственницами. Но дочь Нумитора Рея Сильвия нарушила обет и родила от бога Марса двух детей. Жестоко-сердный дядя тотчас после их рождения велел положить мальчиков в корыто и бросить в Тибр. Мать подверглась заключению.

Но корыто зацепилось за смоковницу, и, когда поднявшаяся вода Тибра снова вошла в берега, дети остались на твердой земле и были вскормлены волчицей. Вскоре их нашел царский пастух Фаустул и отнес жене Лауренции, которая только что родила мертвого сына. Фаустул воспитал найденных детей, назвал их Ромулом и Ремом и сделал из них пастухов. Оба мальчика с ранних лет выказали немалые физические и умственные способности. Они пасли царские стада и охотились в горах, на которых впоследствии был построен Рим. Жили в хижинах, выстроенных ими самими из дерева и тростника. Одна из этих хижин как святыня сохранялась и поддерживалась еще во времена историка Дионисия (ок. 30 г. до н. э.). Когда Ромул и Рем достигли 18 лет, одно случайное происшествие совершенно изменило их общественное положение. Однажды они поссорились из-за выгонной земли с пастухами Нумитора, который жил в Альба-Лонге, несмотря на свое смещение. Ромул и Рем поколотили противников, и те решили им отомстить. Во время праздника подкараулили братьев, схватили Рема и привели к царю. Амулий отослал Рема к Нумитору, чтобы тот наказал его по своему усмотрению. По решительным манерам и смелому обращению Нумитор понял, что этот пастух высокого происхождения. Сходство лица навело его на верный след, и он догадался, что Рем его внук. Между тем Фаустул открыл Ромулу тайну его истинного рождения, и, когда Ромул пришел за братом к Нумитору, настоящее положение вещей окончательно разъяснилось. Братья приняли решение отомстить за несправедливость к их деду и к ним самим. Они возбудили волнения среди населения и, подкрепленные толпой недовольных, напали на царя, убили его и посадили на престол деда Нумитора.

В благодарность за эту услугу им было позволено основать поселение на том месте, где они были брошены и спасены. К ним присоединились их сторонники, окрестные пастухи. Но вскоре между братьями возник спор, кому должна принадлежать честь называться основателем города. Вынести решение они предоставили богам. Для этого Ромул и Рем сели каждый на определенном месте и стали выжидать благоприятного знамения. Рему первому явилось счастливое знамение в виде 6 пролетевших мимо коршунов, но затем мимо Ромула пролетело их 12. Поскольку решение богов являлось двусмысленным и каждая сторона толковала его в свою пользу, между братьями и их сторонниками произошла ссора, в которой Рем был убит, а Ромул остался победителем. Тогда Ромул приступил к постройке нового города с соблюдением различных священных обрядов. Он запряг в плуг белого быка и белую корову и провел плугом круговую борозду, которая должна была обозначать окружность нового города и линию его будущих стен. В том месте, где должны быть ворота, плуг был

приподнят: этот вход и выход не являлся священным. Весь город поначалу занимал только Палатинский холм.

В скором времени появились первые признаки того воинственного характера, благодаря которому маленькое поселение Рим сделалось средоточием всего известного в древности мира. Война, победа и распространившийся из-за этого страх были первыми узами, с помощью которых Ромул соединил новое государство с ближайшими соседями. На Капитолийском холме под покровительством религии было построено убежище для лишенных отечества и беглецов всякого рода. Существование в Италии множества маленьких государств, частые раздоры партий в них, гнет и нужда, царящие во многих, обедневших из-за тяжести государственных долгов, и другие подобные обстоятельства подавали надежду на большой прилив переселенцев. Они приносили с собой ненависть к прежним согражданам и знание государств, из которых приходили. Эти два качества оказались как нельзя более кстати для воинственного духа Ромула и его завоевательных замыслов, но в то же время должны были сделать Рим ненавистным соседним государствам. Знаменитое похищение сабинянок явилось поступком, который еще более возбудил ненависть соседей.

Когда сабиняне отказались выдавать дочерей замуж за римлян, те прибегли к следующей хитрости. Ромул объявил, что в определенный день в Риме будут происходить праздничные торжества в честь бога жатвы Конса, и пригласил жителей ближайших городов. Явилось множество мужчин, женщин и детей, и все веселились на празднике. В последний день торжеств обнаружился предательский замысел. Когда всеобщее внимание было обращено на зрелище, по данному сигналу римские юноши бросились похищать девушек. Пришедшие зрители, пораженные, таким насильственным нападением, бежали, проклиная вероломство римлян. Ромул постарался успокоить похищенных и всех торжественно обвенчал с молодыми римлянами. Оскорбленные сабиняне решили отомстить. Только война представляла желанное удовлетворение и подавала надежду уничтожить грозящий опасностями город. Но нападение было совершено слишком поспешно, не сообщая, потому и цель не была достигнута. Первыми начали нападение жители Ценины и были разбиты, а царь их Акро был убит Ромулом собственноручно. Во главе победоносного войска, неся доспехи убитого царя, Ромул торжественно въехал в Рим на колеснице, запряженной четверкой лошадей. Вражеские доспехи он сложил у священного дуба и тут же определил место для храма Юпитера. Таково происхождение самого древнего римского храма – храма Юпитера на Капитолийском холме.

Затем против римлян поднялись жители г. Крустумериум и Антемна, но были также побеждены Ромулом. К этим городам было впервые применено установленное Ромулом правило, которое с тех пор соблюдалось и в последующие времена – и, бесспорно, способствовало распространению власти Рима и утверждению его владычества. Вместо разрушения завоеванного города и обращения его жителей в рабство, как было обычаем в Греции и у других народов Древнего мира, часть жителей переселяли в Рим, а на их место посылались римляне. Они получали в завоеванных городах часть земельной собственности и таким образом способствовали образованию римских колоний.

Наконец, против римлян выступили и сабиняне, собравшие большое войско под предводительством царя Тита Тация. Они дошли до Квиринальского холма, который находился напротив римской крепости на Капитолии. Измена дочери начальника крепости отдала ее в руки врагов. На следующий день на равнине между Капитолийским и Палатинским холмами завязалось жаркое сражение. Продолжалось оно до тех пор, пока похищенные сабинянки с развевающимися волосами и в разодранных одеждах не бросились в ряды сражавшихся и не умолили прекратить битву. Их мольбы достигли цели. С обеих сторон начались переговоры, и наконец был заключен мир на следующих условиях: Таций и Ромул должны были пользоваться одинаковыми властью и почетом в Риме. Город должен был называться Римом,

а его граждане – римлянами; объединенный народ по имени родины Тация, г. Куры, получал название квиритов (в более позднее время квиритами называли мирных граждан в противоположность воинам). Все сабиняне получили римское гражданство. Ромул имел местопребывание на Палатинском холме, Таций – на Капитолийском. Хотя они правили сообща и по взаимному соглашению, ни между ними самими, ни между их народами не было истинного, внутреннего единодушия. На пятом году совместного правления во время жертвоприношения в Лавиниуме Таций был убит оскорбленным им гражданином г. Лаурент и притом не без тайного участия в этом деле Ромула. Это тем более вероятно, что Ромул, который не желал терпеть при себе даже брата, без сомнения, должен был стремиться к удалению чужеземного соучастника своей власти.

Прежде чем рассказать о конце правления и смерти Ромула, следует упомянуть о некоторых приписываемых ему внутренних установлениях, которые послужили основой последующего государственного устройства Рима. В этом отношении самым важным представляется разделение всего римского населения на 3 части – трибы. Оно было основано не на произволе царя, а на различиях в происхождении жителей Рима. Эти 3 трибы – вернее, народа – были латины, сабиняне и этруски. Каждая получила долю в земельных угодьях, разделенных для этой цели тоже на 3 части. При этом каждая имела и особенный округ в самом Риме. Каждая триба была разделена на 10 курий. Они были связаны между собой общим богослужением и участием в управлении государством. Каждая курия, в свою очередь, распадалась на 10 родов. Члены всех 30 курий назывались патрициями (имевшими отцов); это были полноправные граждане. Образование плебса – бесправной массы народа рядом с полноправным сословием патрициев – упоминается впервые только во времена царя Анка Марция. Кроме курий, в управлении государственными делами принимал важное участие сенат, который состоял из 100 патрициев; впоследствии число сенаторов возросло до 300. Патриции, добиваясь свободы и самовласти, вступили в борьбу с самодержавной властью победоносного царя и искали случая отделаться от него. Ромул внезапно исчез: по одним преданиям – когда присутствовал в собрании сената в храме Вулкана, по другим – когда однажды делал общий смотр всему войску на поле, за городом. Внезапно наступило солнечное затмение и разразилась буря; народ разбежался и оставил царя одного с патрициями. Тогда, должно быть, он был убит патрициями, а они рассказали народу, будто Ромул был унесен с земли богами. Народ начал сомневаться и выражать подозрение и гнев против сената. Но некто Юлий Прокул, человек уважаемый и верный друг Ромула, явился к собравшемуся народу и торжественно уверил, что Ромул предстал ему на дороге в блестящем вооружении и в увеличенном виде. Устрашенный Прокул обратился к нему со словами: «Царь! За что ты своим внезапным исчезновением оставляешь нас на незаслуженные обвинения и повергаешь город в безысходную печаль?» На это Ромул будто ответил ему: «Так совершилось по воле богов. Можешь сказать римлянам, что они мужеством и благоразумием достигнут высокого могущества; я же буду их гением-хранителем в образе Квирина». Народ перестал сомневаться в достоверности рассказанного патрициями и, охваченный священным восторгом, постановил почитать Ромула в виде бога Квирина и соорудил ему алтарь на Квиринальском холме.

3. Нума Помпилий (715–672 гг. до н. э.)

После исчезновения Ромула сенаторы приняли такие постановления, которые показывают, что они были заинтересованы в смерти царя. Сенат не выбрал тотчас же нового властителя и для того, чтобы самому получить возможность пользоваться царской властью, учредил на один год междуцарствие, при котором делами управляли по очереди сенаторы, каждый – по 5 дней. Но когда народ обнаружил в этом правлении одни лишь притеснения и снова потребовал царя, между старыми римлянами и присоединенными к ним сабинянами обнаружился разлад: каждая сторона желала выбрать царя из своей среды. Наконец, решили выбрать Нуму Помпилия из сабинян, который отличался мудростью и справедливостью; проживал он в то время в Курах. Он до тех пор не хотел принимать правления, пока не получил благоприятных знамений, стоя на Капитолийском холме в окружении жрецов. Затем Нума Помпилий собрал патрициев в их куриях и спросил, желают ли они добровольно повиноваться всем его приказаниям. Лишь когда они его в этом уверили, он согласился принять царское достоинство.

Нума Помпилий принес народу мир, согласие, внутренний порядок и богослужение. Казалось, что все это происходит из божественного источника. Поэтому предание уверяет, что всеми свершениями он был обязан мудрым наставлениям нимфы Эгерии, с которой был соединен священными узами. Нума Помпилий рассчитывал, что религия и власть ее над сердцем человеческим должна иметь благотворное влияние на одичавших от войн римлян. Для этого богослужения были обставлены так, чтобы возбуждать в гражданах благоговение к богам. Во время богослужений, жертвоприношений или религиозных церемоний он каждый раз приказывал глашатаям ходить по улицам и предписывать тишину и прекращение всяких частных занятий, дабы никакой шум или крик ремесленников и других рабочих не мог нарушать необходимого спокойствия. Чтобы придать богослужению определенное и прочное устройство, Нума Помпилий наряду с обычными жрецами – фламинами, учредил еще жреческие коллегии, а именно: высших жрецов (понтификов), имевших общий надзор, птицегадателей (авгуров), на обязанности которых лежало узнавать волю богов по небесным знамениям, по полету и крику птиц и по клеванию зерен священными петухами; гаруспиков, предсказывавших по внутренностям жертвенных животных.

Кроме того, он ввел новые роды богослужения. К ним причисляют учреждение весталок – молодых девушек, подобных тем, что существовали когда-то в Альба-Лонге, как это видно из истории Ромула. Обязанность и долг этих весталок-девственниц главным образом состояли в том, чтобы поддерживать священный огонь на алтаре богини Весты. Он был для всего города тем же, чем и неугасимый огонь, что горел в очаге каждого дома и считался священным для всех членов семьи. Таким образом, и огонь в храме Весты символизировал государство как единую семью. Если огонь угасал, это предвещало бедствие для города, и виновные весталки жестоко наказывались: их погребали заживо. Такое же наказание постигало и тех, кто нарушал обет девственности. Но в то же время весталки пользовались величайшим почетом и уважением.

Подобно тому, как весталки поддерживали священный огонь, салии (танцовщики) охраняли упавший с неба при Нуме Помпилий щит. Для того, чтобы вернее сберечь его, Нума Помпилий приказал изготовить много других щитов, совершенно с ним схожих. В марте и октябре салии исполняли ритуальные танцы, имея в левой руке один из таких щитов, а в правой – копьё. Салиев сравнивают с критскими куретами, которые исполняли в честь богини Реи танцы под музыку и стук оружия. Это было единственное бряцание оружия, дозволенное царем, так как он старался, насколько мог, уничтожить действительный шум оружия и

военной брани. В этом отношении получили важное значение введенные им фециалы. Эти священные жрецы занимались делами войны и мира. Они обязаны были стараться улаживать мирным образом всякую ссору, возникавшую между римлянами и другими народами. Когда же неприятельский народ не поддавался на убеждения, они должны были предварительным объявлением оправдывать начинаемую римлянами войну. Обряд объявления заключался в том, что фециалы, призвав в свидетели богов, пускали копье на неприятельскую землю.

Поддержанию мира служило также почитание бога границ Термина, которому были посвящены все пограничные камни. Ежегодно в феврале в честь этого бога устраивались терминалии. Ему приносились бескровные жертвы, частью для того, чтобы границы при этом всегда удерживались в памяти, частью же для того, чтобы охранение и соблюдение границ считалось делом религиозным. Подобные пограничные камни обозначали не только границы между государствами, но и служили для разделения земельных угодий отдельных граждан. Поэтому священное почитание границ не только противодействовало войнам между Римом и прочими народами, но и способствовало поддержанию мира и согласия между отдельными гражданами. Достигнуть этого было одной из главных и труднейших задач Нумы Помпилия. При вступлении его в управление между старыми родами, поселившимися вместе с Ромулом, и новыми, которые присоединились вместе с Тацием, было еще сильное разногласие: римляне старались сохранить прежние преимущества, а сабиняне добивались равноправия. Нуме Помпилию удалось восстановить согласие между патрициями тем, что он даровал всем равные права.

Существовало и другое зло, заключавшееся в том, что многие из вновь присоединившихся жителей были неимуществами. Чтобы отвлечь их от беспокойной деятельности и от склонности к войне, от которой они ожидали богатой добычи и сокровищ, Нума Помпилий наделил их принадлежавшею государству завоеванною землею и старался приучить их к мирному и благотворному для всего государства земледелию. После образцового 43-летнего царствования Нума Помпилий умер в глубокой старости, оплакиваемый соотечественниками и чужеземцами, как учредитель порядка и мира. Но с его смертью двери храма Януса, которые оставались во время его правления в знак мира закрытыми, оказались вновь растворены воинственною и мощною рукою его преемника.

4. Тулл Гостилий (672–640 гг. до н. э.)

После смерти Нумы Помпилия выбор римского народа пал на храброго Тулла Гостилия. Завоеванием Альбы-Лонги он сделал большой шаг к возвышению Рима. Неприязнь, которая существовала между метрополией Альба-Лонгой и быстро развивавшимся колониальным г. Рим, приводила к частым взаимным набегам. Теперь, когда не было больше примиряющего духа Нумы Помпилия, эта неприязнь привела к открытой войне. Оба вооруженные войска уже стояли друг против друга, когда по древнему обычаю было предложено решить спор единоборством отдельных лиц, выбранных из обоих войск, с тем, чтобы та сторона, чей единоборец будет побежден, покорилась победившей стороне. Предложение было принято, и судьба, казалось, сама помогла тому, что для этого поединка были выбраны из римского войска три брата, отец которых звался Горацием, а в альбанском – тоже три брата из рода Куриациев. Фециалы утвердили договор священными обрядами, и оба войска, полные ожидания, стали зрителями вокруг борцов. При первом столкновении пали один римлянин и один альбанец. При втором столкновении был сражен на землю второй римлянин, тогда как остальные два альбанца были только ранены. Альбанцы воспряли духом. Но оставшийся в живых римлянин обманул их хитростью. Он обратился в бегство, предвидя, что альбанцы не в состоянии следовать за ним с одинаковой быстротой, так как один был ранен легко, а другой тяжело. Как только Гораций заметил, что они на большом расстоянии друг от друга, он неожиданно повернул назад и сразил одного за другим обоих альбанцев. Римское войско приветствовало победителя Горация радостными кликами. При его возвращении в город во главе римского войска впереди торжественно несли доспехи трех сраженных Куриациев. Только одна душа была опечалена среди этого всеобщего ликования – собственная сестра Горация, которая была помолвлена с одним из Куриациев. При известии о смерти жениха и при виде его одежды, которую она сама ему сшила, она пришла в отчаяние, распустила волосы и с плачем называла имя жениха. Душу победителя возмутили вопли сестры, омрачавшие его радость и победу. Выхватив меч, он заколол девушку, воскликнув при этом: «Отправляйся к своему возлюбленному с твоею не в пору пришедшей любовью! Так погибнет всякая римлянка, которая станет оплакивать врага отечества!» Весь Рим пришел в смущение от поступка Горация. Наказать спасителя отечества представлялось бесчеловечным, оставить же безнаказанным убийцу сестры являлось безбожным. Уголовные судьи приговорили Горация к смерти. Но народ, к которому он обратился, отверг приговор судей и объявил виновного свободным, основываясь на том, что отечество следует ценить выше всех семейных уз, и сочувствуя престарелому отцу, который в один день потерял троих детей. Но для того, чтобы умиловить богов, разгневанных из-за убийства сестры, и очистить город от греха, были совершены умиловительные жертвы. Сам виновный с покрытым лицом был проведен под некоторого рода виселицей, т. е. под бревном, лежащим на двух столбах. (Этот способ унижения часто употреблялся впоследствии во время войн над сдавшимся в плен неприятелем.) Так думали удовлетворить божеские и человеческие законы, а затем все снова предались ликованию по случаю покорения альбанцев.

Но альбанцы весьма тяготились зависимым положением. Вскоре, в силу принятых на себя обязательств, они должны были предоставить римлянам вспомогательное войско для войны с фиденатами и вейями. По совету предводителя Меттия Фуфетия, они решили воспользоваться этим случаем для мести римлянам. Альбанцы намеревались во время сражения перейти на сторону неприятеля и тем погубить римское войско. Но Фуфетий решил только на полумеры. Чтобы оставить себе выход, он, хотя и удалился в начале сражения от римлян, но не стал соединяться с неприятелем сразу, а встал в стороне, выжидая, на чью сторону

будет клониться победа. В худшем случае он рассчитывал представить уход военной хитростью и объяснить, что хотел зайти в тыл неприятелю. Вследствие этого мужество и надежда неприятеля не увеличились, а римляне, действительно смущенные вначале, скоро оправились от охватившего их замешательства. Тулл Гостилий, узнав об уходе Фуфетия, с величайшим присутствием духа крикнул своим: «Так надо, я ему приказал это: они окружают фиденатов!» И римляне, сражавшиеся храбрее, победили. Так избежали римляне предназначавшейся им участи. Но не избег своей Фуфетий. Увидев, что римляне побеждают, а замысел его расстроен, Фуфетий стал храбро преследовать бежавших фиденатов. После сражения он явился к Туллу Гостилию, поздравил его с победой и рассчитывал получить от него благодарность за выказанную преданность. Но Тулл Гостилий понял его хитрость и, внешне сохраняя прежние дружеские отношения, принял быстрое, сильнейшее и поэтому вернейшее средство для наказания альбанцев и их вероломного предводителя. Он тайно послал Горация с отборным отрядом в Альба-Лонгу с поручением завладеть городом и его жителями. При этом он приказал город разрушить и сравнять с землей, за исключением храмов, но запретил причинять гражданам дальнейший урон. Он приказал объявить альбанцам, чтобы они со всеми семействами переселились в Рим. Пока это приводилось в исполнение, Тулл Гостилий призвал к себе альбанское войско, как бы желая похвалить храбрейших за оказанную ими в последнем сражении службу, и приказал римлянам, каждый из которых имел скрытый под плащом меч, окружить собравшуюся толпу альбанцев. Затем Тулл Гостилий вззошел на трибуну и объявил альбанцам, что знает об их измене и намерен наказать их. Всякая попытка к сопротивлению была в этих обстоятельствах немыслима. В то же время Тулл Гостилий объявил, что г. Альба-Лонга уже уничтожен Горацием. Беднейшие классы он привлек на свою сторону обещанием при поселении в Риме наделить их земельными участками. Часть знати убедил тем, что принял их в число патрициев и в сенат и для их собраний приказал построить на площади огромное здание – Гостилиевы курии. Благодаря переселению альбанцев, для местожительства которых была определена Целийская гора, население Рима удвоилось. Фуфетий не спасся от жестокого наказания. Он был привязан к двум лошадям; пущенные в разные стороны, они разорвали его тело как бы в знак того, что он хотел разорвать два государства, связанные отныне навсегда.

Последние годы правления Туллы Гостилия наполняет многолетняя борьба с латинами, которые не соглашались предоставить римлянам место в Латинском союзе, занимаемое до тех пор альбанцами. Тулл Гостилий кончил жизнь тем, что сгорел в собственном доме.

По уверению некоторых древних историков, боги поразили его дом молнией в наказание за то, что во многочисленных сражениях он пренебрегал религиозными обрядами и для умиловления гнева богов прибегал к незаконным средствам.

5. Анк Марций (640–616 гг. до н. э.)

Избранный царем Анк Марций был внуком Нумы Помпилия и унаследовал его благочестивый и миролюбивый образ мыслей. Запущенное в предшествующее правление богослужение было восстановлено и вновь возродилось господствовавшее при Нуме мирное стремление к земледелию и пчеловодству. Но Рим уже настолько запутался в распрях с соседями, что миролюбивые наклонности царя не могли перевесить необходимости вести войны. Сабиняне, вейи, латиняне и другие племена вынуждали царя браться за оружие, чтобы доставить своему государству более обеспеченное существование. Он завоевал и уничтожил много городов и увел их жителей в Рим, где назначил им местожительство на Авентинском холме.

Жители покоренных городов, силою переселенные в Рим, образовали римскую общину – плебс. Плебеи были лично свободны и пользовались покровительством закона; они могли заниматься ремеслами, торговлей, приобретать собственность, но не принимали никакого участия в управлении. Одни патриции составляли римский народ; они избирали царя, решали вопрос о войне или мире и одни сражались и получали военную славу и добычу. Плебеи не принимали никакого участия ни в делах государственной религии, ни в общественном богослужении, ни в отправлении должностей жрецов и городских ауспиций (гадания по полету птиц). Так как возведение в любой высший государственный сан нуждалось в освящении ауспициями, патриции на всякое стремление плебеев занять общественные должности смотрели, как на нечто противное божественным установлениям, осквернение святыни. Кроме того, они гордо и строго воздерживались от брачных союзов с плебеями.

Чтобы лучше обеспечить продуктами питания все более возрастающее население Рима, Анк Марций старался завладеть течением Тибра и судоходством на нем. Благодаря удачным войнам с вейями, он завладел устьем этой реки и основал на нем г. Остия, который со временем стал крупнейшей торговой гаванью римлян. При Анке Марции был укреплен находившийся на противоположной стороне Тибра Яникульский холм, чтобы обезопасить город от нападения этрусков. Для большего удобства этот холм был соединен с городом свайным мостом. Мост вызывал большое восхищение даже в позднейшие времена техническим совершенством. При необходимости его время от времени чинили, соблюдая при этом древние священные обряды, которые совершали понтифексы (высшие жрецы). Так Анк Марций в 24-летнее царствование прославил Рим военными подвигами и мирными делами.

6. Тарквиний Приск (616–578 гг. до н. э.)

Этот царь был родом из Греции. Отец его, Демарат, был уроженцем г. Коринф и происходил из рода Бакхиадов. Благодаря обширной торговле с этрусками он приобрел огромные богатства. Но так как в это время в Коринфе случился государственный переворот, Бакхиады были изгнаны тираном Кипселом, и Демарат бежал с сокровищами в этрусский г. Тарквинии, поселился там и женился на этруске.

Сын Демарата, Лукумон, после смерти отца недолго оставался в Тарквиниях. Давно установившиеся порядки в этом городе и старинные роды не допускали чужеземцев к почетным должностям. Поэтому Лукумон со всеми приверженцами, захватив сокровища, переселился в Рим. В этом городе, где только что начинала развиваться общественная и государственная жизнь и чужеземцам предоставлялся большой простор для деятельности, он надеялся получить возможность занять более выдающееся положение, чем в Тарквиниях. Надежда не обманула его: царь и народ радушно приняли богатого и щедрого чужеземца, который сменил имя на Луция Тарквиния. Прошло несколько лет, и он успел во многих войнах настолько показать храбрость, что занял место в ряду знатнейших и наиболее уважаемых сановников Рима. Вследствие этого Анк Марций перед смертью передал ему опеку над обоими сыновьями, а народ, обойдя царских детей, избрал его царем.

Выбор этот оказался как нельзя более удачен. Новый царь военными предприятиями прославил мощь римского народа; мирные же деяния и величественные сооружения его обнаружили влияние греческого и этрусского образования. Ему Рим обязан устройством достойных удивления клоак – подземных сточных каналов, или водосточков, сооруженных для осушения болотистых местностей города. На осушенной долине между Капитолийским и Палатинским холмами Тарквиний устроил для рынка и народных собраний форум и окружил его лавками и другими торговыми помещениями. На осушенной таким же образом долине между Палатинским и Авентинским холмами он построил для общественных ристалищ большой цирк. Вокруг него амфитеатром шли скамейки, разделенные по куриям. Окружность цирка была так велика, что он, как утверждают историки, вмещал 150 000 человек. Тарквиний положил основание и знаменитому храму Юпитера на Капитолийском холме. Для покрытия огромных издержек на эти сооружения пошла богатая добыча, которая досталась Тарквинию от удачных войн, и постоянные доходы с завоеванных земель. Он воевал с сабинянами, латинами и этрусками. Эти племена стремились освободиться от зависимого положения, в котором давно уже находились, и воспротивиться дальнейшему порабощению.

Сначала это попытались сделать латины, но кончили тем, что признали Рим главой Латинского союза. После них попробовали отстаивать независимость сабиняне и этруски. Сабиняне вторглись в Римскую область и дошли до стен Рима, но были побеждены и вынуждены признать над собой верховную власть Рима. Бывшие с ними в союзе этрусские города сражались так же безуспешно. После тяжелого поражения при Арециуме они кончили тем, что вследствие предложенных Тарквинием весьма умеренных условий признали римского царя повелителем. Под конец они переслали ему бывшие у них в употреблении знаки царского достоинства: золотую корону, престол слоновой кости, скипетр, украшенный орлом, вышитую золотом пурпурную тогу и 12 пучков фасций. Эти знаки царского достоинства с этого времени были введены в Риме, и некоторые впоследствии служили знаками консульской власти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.